

ISSN 0131-6117

Рус-
RUSSIAN
СРЕДЯ
SPEECH
РЕЧЬ

МОСКВА, 2024

НОЯБРЬ—
ДЕКАБРЬ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

О. В. Антонова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
А. В. Занадворова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет
В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
М. А. Пузина к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

Зав. редакцией: **М. А. Пузина**
Зав. отделами: **С. В. Дьяченко, О. В. Антонова**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35
E-mail: rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2024

ISSN 0131-6117

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

MOSCOW, 2024

**NOVEMBER—
DECEMBER**

Founded in January 1967
6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Olga V. Antonova Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia
Evgeniya E. Dmitrieva M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia
Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA
Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK
Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Dina M. Magomedova Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Vladimir I. Novikov Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Heinrich Pfandl University of Graz, Austria
Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA
Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland
Maria A. Puzina Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK
Anna V. Zanadvorova Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Maria A. Puzina
Editorial staff: Svetlana V. Dyachenko, Olga V. Antonova

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.	Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia
Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).	Telephone: +7 495 637-27-35
	E-mail: rus-rech@mail.ru
	Website: http://russkayarech.ru/

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... С. В. Дьяченко, Г. П. Пилипенко, М. Н. Саенко. Из экспедиционных записей в с. Юдино Воронежской области: взаимодействие местного украинского говора с русским языком
- 19..... А. В. Завадская. Словообразовательная компрессия как активный процесс в русском языке коронавирусной эпохи
- 34..... Д. С. Харламова, Т. И. Резникова. *Куда ни кинь* — всюду идиома: о семантической эволюции одного устойчивого выражения

Из истории русского языка

- 52..... Е. Л. Березович, В. С. Кучко. Еще раз о происхождении рус. *супир*, *суперик* ‘перстень’
- 72..... Д. В. Руднев, М. Г. Шахрина. «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» 1777–1781 гг. как источник по истории русской лексики XVII в.

Язык художественной литературы

- 86..... Г. Н. Абреимова, Н. А. Бородина, В. А. Бурцев. Структурно-семантический анализ глаголов и имен существительных, репрезентирующих вокализации птиц в художественном и дневниковом наследии М. Пришвина
- 99..... В. А. Коршунков. Врущий пес в комедии Н. В. Гоголя «Женитьба»
- 115..... К. А. Поташова. Орнитологическая метафора как средство создания зримого образа в поэтической баталистике начала XIX в.

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Svetlana V. Dyachenko, Gleb P. Pilipenko, Mikhail N. Saenko.* From Expedition Records in the Village of Yudino, Voronezh Region: Interaction of the Local Vernacular Ukrainian with the Russian Language
- 19..... *Anastasiya V. Zavadskaya.* Compressive Word-formation as an Active Process in the Russian Language in the Coronavirus Age
- 34..... *Darya S. Kharlamova, Tatiana I. Reznikova.* On the Semantic Evolution of *Kuda ni Kin'*

From the History of the Russian Language

- 52..... *Elena L. Berezovich, Valeria S. Kuchko.* One More Time on the Origin of Russian *Supir*, *Superik* 'Ring'
- 72..... *Dmitry V. Rudnev, Milyausha G. Sharikhina.* "The Charter of Military, Cannon and Other Matters Relating to Military Science" of 1777–1781 as a Source on the History of Russian Lexicon of the 17th Century

The Language of Fiction

- 86..... *Galina N. Abreimova, Nadezhda A. Borodina, Vladimir A. Burtsev.* Structural-semantic Analysis of Verbs and Nouns Representing Bird Vocalizations in M. Prishvin's Artistic and Diary Heritage
- 99..... *Vladimir A. Korshunkov.* The Dog Who Tells Lies in Nikolai Gogol's Comedy "Marriage"
- 115..... *Ksenia A. Potashova.* Ornithological Metaphor as a Means of Creating a Visible Image in the Poetic Battles of the Early 19th Century

Из экспедиционных записей в с. Юдино Воронежской области: взаимодействие местного украинского говора с русским языком

Светлана Владимировна Дьяченко¹, Глеб Петрович Пилипенко²,
Михаил Николаевич Саенко³, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН¹
(Москва, Россия), Институт славяноведения РАН^{2,3} (Москва, Россия), svet-lan-a@list.ru¹,
glebpilipenko@mail.ru², michail.sajenko@yandex.ru³

DOI: 10.31857/S0131611724060018

АННОТАЦИЯ: Статья основана на материале, записанном авторами в экспедиции 2024 г. в село Юдино Подгоренского района Воронежской области, говор которого можно локализовать как украинский. Анализ расшифровки аудиозаписей трех жительниц села (главными информантами явились две женщины 1935 и 1937 гг. р.) позволил выявить основные черты, характерные для исконного говора, а также рассмотреть некоторые результаты взаимодействия говора с русским языком, который является единственным официальным языком на территории существования говора: СМИ (телевидение, радио) и обучение в школе на русском языке.

Основные фонетические особенности: [и] на месте *ѣ под ударением и без ударения (но в заимствованиях [е]: *мѣл*), на месте *е в новом закрытом слоге; в звуке [ы] в безударных слогах совпадают отражения *ы, *и и *е, однако в конечном открытом слоге они различаются; различие /о/ и /а/ в безударных слогах, за исключением заимствований из русского; губные согласные смягчаются только перед [и];

фонема /в/ представлена губно-губным звуком, но в некоторых случаях перед [с] — глухим [ф]; фонема /г/ представлена фарингальным звонким звуком [h], за исключением единичных заимствований, в которых [г] взрывной.

Грамматические особенности: нечленные формы прилагательных; окончание *-oho* в род. пад. м. и ср. р. прилагательных и местоимений и т. д.

Наряду с хорошо сохранившейся исконной лексикой наблюдается большое количество разноплановых заимствований из русского языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: диалектология, украинский говор, русский язык, фонетика, грамматика, лексика

для цитирования: Дьяченко С. В., Пилипенко Г. П., Саенко М. Н. Из экспедиционных записей в с. Юдино Воронежской области: взаимодействие местного украинского говора с русским языком // Русская речь. 2024. № 6. С. 7–18. DOI: 10.31857/S0131611724060018.

Issues of Modern Russian Language

From Expedition Records in the Village of Yudino, Voronezh Region: Interaction of the Local Vernacular Ukrainian with the Russian Language

Svetlana V. Dyachenko¹, Gleb P. Pilipenko², Mikhail N. Saenko³,
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences¹, Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences^{2,3}, svet-lan-a@list.ru¹, glebpilipenko@mail.ru²,
mikhail.sajenko@yandex.ru³

ABSTRACT: The article is based on the material recorded by the authors during an expedition in 2024 to the village of Yudino, Podgorensky district, Voronezh oblast, whose dialect can be localised as Ukrainian. The analysis of the audio

transcripts of three villagers (the main informants were two women born in 1935 and 1937) allowed us to identify the main features characteristic of the original vernacular, as well as to examine some of the results of the interaction between the vernacular and Russian, which is the only official language in the area where the vernacular exists: the mass media (television, radio) and school education are in Russian.

The main phonetic features: [i] in place of *м under accent and without accent (but in loanwords [e]: *mel*), in place of *е in the new closed syllable; in unaccented syllables the reflexes of *у, *і and *е coincide in the sound [y], but in the final open syllable the reflexes of these vowels differ; there is a distinction of /o/ and /a/ in unaccented syllables, except for borrowings from Russian; labial consonants are softened only before [i]; the phoneme /v/ is represented by a bilabial sound, but in some cases before [s] — by a unvoiced fricative [f]; the phoneme /g/ is represented by a pharyngeal voiced sound [h], except for single borrowings, where [g] is used.

Grammatical peculiarities: short forms of adjectives; ending *-oho* in the genitive case of masculine and neuter adjectives and pronouns, etc.

Along with well-preserved native vocabulary, there is a large number of various borrowings from the Russian language.

KEYWORDS: dialectology, Ukrainian dialect, Russian language, phonetics, grammar, vocabulary

FOR CITATION: Dyachenko S. V., Pilipenko G. P., Saenko M. N. From Expedition Records in the Village of Yudino, Voronezh Region: Interaction of the Local Vernacular Ukrainian with the Russian Language. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2024. No. 6. Pp. 7–18. DOI: 10.31857/S0131611724060018.

0. Вводные замечания

В июне-июле 2024 г. в ходе экспедиции в Подгоренский район Воронежской области авторами данной статьи было обследовано село Юдино, украинский¹ говор которого ранее никогда не становился объектом изучения². Обследование показало высокую степень сохранности диалекта у носителей старшего и в какой-то мере среднего поколения. Нас интересовала не только исконная система этого говора, но и его взаимодействие

¹ Сами носители используют по отношению к себе термин *халлы*, а свою речь характеризуют словами *по-халляче*, *по-халлячёму*, что типично для данного ареала, см. [Сьянова 2016].

² Юдино и соседние села не обследовались для «Атласа украинского языка», ближайший обследованный пункт — с. Марки (№ 52), и для «Словаря украинских говоров Воронежской области» М. Т. Авдеевой, ближайший обследованный пункт — с. Сагуны.

с русским литературным языком на всех уровнях; в данной статье мы обсуждаем некоторые результаты этого взаимодействия.

Информанты, записи речи которых использованы в статье:

ЕВП1935 — обр. 7 кл., род. в Юдине, замужем жила на х. Студенок, в 3 км от Юдина, после смерти мужа вернулась жить в родительский дом в Юдино, хорошая сохранность диалекта;

МФД1937 — обр. 5 кл., род. на х. Перевальном, в 20 км от Юдина, в Юдино вышла замуж, хорошая сохранность диалекта;

МПС1955 — обр. высшее, род. в с. Марки, в 16 км от Юдина, в школе училась в Воронеже и жила у сестры, затем училась в Россошанском педучилище, по окончании которого приехала работать в Юдино, заочно окончила Воронежский пединститут. В языковом отношении значительно отличается от ЕВП1935 и МФД1937, часто переходит на русский язык, порой эти переходы совершаются в пределах одной фразы. Примеры из ее речи приводятся в статье со специальными оговорками.

Село находится в сплошном массиве родственных говоров. Оно было основано в XVIII в. украинскими переселенцами. До недавнего времени все общение, за исключением обучения в школе, проходило на местном говоре. Генетически говор можно локализовать как находящийся на стыке восточнополесского и среднеднепровского диалектов, на что указывают следующие черты: *-ы³* из *-о-* в результате заменительного удлинения (**опь > вын*); формы указательного местоимения *то́е* ‘то’, *та́я* ‘та’, *тэ́йи / тэ́йи* ‘те’, Р. п. *тэ́йи* ‘той’, вариативные формы глаголов 3 л. ед. ч. типа *зна/зна́е*, ср. [Матвѣяс 1984: карты 57; 234; 235; 258]. Дифтонги в говоре отсутствуют.

1. Фонетика

Стандартным отражением *ё является [и]: *дэ́вьѣсти* ‘двести’, *на свѣ́ти* ‘на свете’, *у лі́си* ‘в лесу’, *дѣ́ты* ‘дети’, *ѣ́сты* ‘есть’, *ны́вьѣстка* ‘невестка’, *мы́ні* ‘мне’, *дывчѣ́та* ‘девчата’, *вы́ѣхалы* ‘выехали’. В русизмах широко представлено [е], нередко по соседству с исконным [и]: *на свѣ́ти* ‘на свете’, *мѣ́лом бѣ́лым* ‘мелом белым’.

³ В статье используется упрощенная транскрипция, опирающаяся на русскую графику, дополненную символами *h* для обозначения звонкого фарингального фрикативного (как в украинском литературном языке, в международной фонетической транскрипции этот звук обозначается знаком *ʕ*), *l* — апикального альвеолярного латерального аппроксиманта (как во французском и немецком языках) и *ʲ* для неслогового [y].

Отражением *е в новом закрытом слоге является [и]: *пичь* ‘печь’, *доніс* ‘донёс’, в то время как *о в тех же условиях дал [ы]: *вын* ‘он’, *пид* ‘под’. Чередования при склонении существительных в юдинском говоре часто устраниаются в ту или иную сторону, ср. *на пичі* ‘на печи’ (укр. лит. *на печі*), *гнійим* ‘навозом’ (укр. лит. *гноєм*), *выкон* ‘окон’ (укр. лит. *вікон*, с таким же выравниванием), *бджёл* ‘пчёл’ (укр. лит. *бджіл*), *корбв* ‘коров’ (укр. лит. *корів*), но *Дын* ‘Дон’ — *Дбну* ‘Дона’.

Качество ударного [ы], представленного на месте *о, совпадает с качеством [ы] на месте этимологических *ы и *и: *мисыть*, *сын*. Это гласный верхнего подъема с F_1 350–450 Гц⁴ и передне-среднего ряда с F_2 1700–1900 Гц. От украинского литературного [и] он отличается сдвигом в более задний ряд, ср. F_1 350±30 Гц, F_2 2100±50 литературного украинского [и] [Ищенко 2012: 58]. В безударных слогах в звуке типа [ы] совпадают этимологические *ы и *и: *нас сим сыныў булó*, *оцэ подывысь*. Подобным звуком чаще всего реализуется и гласный на месте этимологического безударного *е в предударных и заударных закрытых слогах: *пырыбыра́лы*, *пырыха́р* ‘шлак, зола’, *прывызы́*, *ны́ будым*, *хлóпыць*. После [й] в этих же условиях выступает [и]: *зна́йиш* ‘знаешь’, *ду́йиш* ‘дуешь’. Однако в конечном открытом слоге и после твердых согласных, и после [й] безударный гласный на месте *е более открытый: *затя́нутэ*, *прикрúчинэ*, *принимáе*.

В безударных слогах после мягких согласных ([й], [ч’], [р’], [л’], [н’]) возможен гласный [о]: *ёму́*, *по-стары́ньнэму*, *по-хахля́чэму*, *прициди́атылэм*, *сáхарэм*, *тытырэм*⁵. Кроме того, безударный [и] на месте *е возможен в новых заимствованиях из русского: *сирéшки* ‘сережки’, *фси́ндá* ‘всегда’, а в одном слове фиксируется [а] (возможно, заимствование из якающих южнорусских диалектов): (*Я́гровна* ‘Егоровна’). Кроме того, с предударным [и] и, соответственно, мягким [з’] перед ним в говоре функционирует слово *зима́* ‘зима’ и все его производные. Интерпретация этого факта не очевидна: с одной стороны, такое произношение может быть исконным, так как наблюдается в украинских говорах, например, Бориспольского района Киевской области и считается реликтовой полесской чертой [Бідношия, Дика 2008: 21–22], с другой — может быть результатом влияния русского языка.

Фонемы /о/ и /а/ в безударных слогах различаются последовательно, однако отмечаются присущие и украинскому литературному языку случаи ассимиляции о > а в слоге перед ударным а: *ба́гато* ‘много’, *ха́ряче*

⁴ Инструментальное изучение параметров гласных и согласных звуков проводилось с помощью программы анализа речи PRAAT: Soft for doings phonetics / © P. Boersma, D. Weenink. University of Amsterdam. URL: <http://www.praat.org> (дата обращения: 15.07.2024).

⁵ Укр. *титар* — ктитор, церковный староста.

‘горячее’. В древнейших русизмах наблюдается гиперкорректная⁶ замена безударного -а- на -о-: *костру́ля, бомáна*. Последнее, впрочем, характерно и для большей части собственно украинских говоров, знающих это слово [Басара, Сятковский (ред.) 2003: карта 39]⁷. В новых русизмах встречаются примеры безударного [а] на месте *о (*на́да* ‘надо’, *хара́ша* ‘хорошая’, *караси́н* ‘керосин’).

Характерное для украинского языка сохранение звонкости парных согласных в позиции конца слова и перед последующим глухим выдерживается не всегда, а только примерно в половине случаев: *усуры́эз* (перед паузой конца фразы), *вы́дкільсь*, но *розы́йст*, *пы́ддэришка*. Появление случаев оглушения связано с влиянием на говор русского языка.

Губные согласные в говоре смягчаются только перед [и] ([при́ви́з]) и перед [е] в заимствованиях из русского языка ([мел]). В позиции конца слова возможны только твердые: *сим сы́ныў*; *кроў идэ*; *ухлѐн*.

Перед гласными непреднего ряда губные согласные не смягчаются, для выражения мягкости [п] и [в] используется вставной [й] (в нашей упрощенной транскрипции это явление представлено знаками ь и я после губного согласного), для выражения мягкости [м] — [н’]: *у в со́рок п’я́тому ходу́*; *п’я́так даду́ть*; *нний робы́лы оцэ ж из коро́вьячѐо новна́*; *кору́та дыры́вьяны бу́лы*. Характерное для многих украинских говоров сочетание [мн’] из этимологического мй (< *m’ или *mъ) сохраняется очень хорошо: *и ма́сло*, *и мня́со*, *и шку́ру там*; *ко́жу*, *як она́ ужэ мня́ка там*; *йих ма́ты сушы́ла* *и тоди́ мня́ла на муку́*. Оно же наблюдается в русизмах *врэ́мне* ‘время’ и *сы́мня* ‘семья’⁸.

Фонема /в/ имеет губно-губное образование, в позиции конца слова или перед следующим согласным этот звук переходит в [ў], а в некоторых случаях, чаще в позиции между двумя согласными (на стыке слов) или в начале фразы перед согласным в [у]: *сады́ў ба́гато бу́ло*, *там ба́гато пані́ў бу́ло*; *Мышче́нкиў ху́тор*; *Прокóпыў дом*; *прысоба́шники ўси бу́лы*; *йих поўбы́ва́лы*; *Новыко́ўский*; *и ў тэ ко́лцэ, двѣ́сьсти со́рок чѐлови́к у Ду́ми сыды́ть*; *ты́тарь — цэ ў Костомáровой, оны́ ж у Костомáровой*; *ну цэ ж у цэ врэ́мне*; *и ёму́ у конці́ дня*; *у цэ́ркви ты́тарь*; *урушну́ фсэ робы́лы*. Перед сонорными, однако, на месте предлога в/у наблюдается звук [в]: *позабы́ра́лы в йих усэ*; *а в мэ́нэ сы́стра бу́ла*; *в нас оды́н чѐлови́к*, а перед гласным — сочетание [ув]: *сын ишчѐ ны йшóў ув а́рмию*. В некоторых редких примерах

⁶ Гиперкоррекция — это стремление использовать более «правильные» формы, которое в итоге наоборот приводит к ошибке.

⁷ По всей видимости, следует отделять это от характерных для украинского языка случаев замены начального а- на о- в заимствованиях не только из русского языка, в том числе сравнительно новых: *оренда* ‘аренда’, *осавул* ‘есаул’, *Охтирка* ‘Ахтырка’ [Шевельов 2002: 114–115].

⁸ При сохранении исконной формы ожидалось бы *симня́.

на месте /в/ отмечен глухой [ф]⁹: *такá хáта чѣрна за фсю зíму; йúздýлы фсэ на тáньцю о́хуль сýятъ; урушнú фсэ робы́лы*. Во всех таких случаях [ф] находится перед следующим [с], однако далеко не все случаи перед [с] характеризуются подобным оглушением (ср., например, выше Новыко́ўський¹⁰).

Фонемы /ф/ в речи старшего поколения нет, в соответствующих заимствованиях отмечается [х] и [х'в']: *Мархúшка, Трохíм, трох'вѣйи, х'ввитíль*.

Фонема /л/ представлена у информантов старшего поколения «1 европейским» перед гласными непереднего ряда ([ы], [у], [о], [а]): *прыйíхалы, хлóпыць, послúха, лáзылы* (в единичных примерах у информантки МФД1937 в этой позиции отмечен [ý]: *прыйшúь*). Фонема [л] произносится на месте /л'/ перед глухими согласными: *колúз, нáбылш, бы́лш*, отмечен и случай на месте /л/: *полшýбки* (ср. укр. *пів*). Перед согласным в сочетаниях, восходящих к праславянскому сочетанию *ТьІТ, а также в суффиксе глаголов прош. времени м. р., в том числе перед возвратным постфиксом, /л/ реализуется неслоговым [ý]: *дóьно, пóьно, тоу́шыныо́у, тоу́сты; постáвыь, накупы́ь, назывáься, подывы́ься*.

Мягкие зубные [т'] и [д'] произносятся без свистящего призвука. Удвоенные зубные (из *тъ, *дь, *пъ, *ль) сохраняются: *плáтте / плáття* 'платье', *зúлля* 'трава', в том числе в русизмах с пересчетом¹¹ — *на стулúях* 'на стульях'.

Качество *ц* и *ч* колеблется. *Ц* чаще всего сохраняет этимологическую мягкость во всех позициях: *хлóпыць* 'парень', *хороцькíй, цю* 'эту', *ця* 'эта', *вовцú* 'овцу', *мúсяця, симнáцять, каһаныцáмы* 'светильниками', *чюһунцáх* 'котелках'. Однако в отдельных случаях обнаруживается [ц] вместо ожидаемого [ц']: *отцá* (укр. лит. *отця*), *яйца* (укр. лит. *яйця*), в чем можно усмотреть влияние русского языка. Мягкость [ч] колеблется несколько сильнее, ср. показательный отрывок: *Дак вын лопáтой отáк, чíстэ, чы́стэ, а я змитáю*.

В большинстве примеров отмечается преобладающая реализация суффиксов с мягким свистящим -ськ-, -цьк- в прилагательных и наречиях: *прыйíхалы по-сусíцьки там; вын хороцькíй; дура́цькоһо ны спомына́й; тобí, кáжэ, дура́цьке, а минí не; сидлó кóньське* (ЕВП1935); *һрэцьки онí һрúздямы; онá ж дири́вэньська; пэрэвáленьська; цэ пырýвáленьськíй*

⁹ Глухость его проверялась инструментально: анализ спектрограммы показал, что тона на участке этого согласного нет.

¹⁰ Отсутствие оглушения здесь, возможно, связано с позицией на стыке морфем.

¹¹ Пересчет — это заимствование слова из родственного языка с видоизменением его формы в соответствии с регулярными фонетическими соответствиями между языком, из которого заимствуется, и языком, в который заимствуется.

розыйіст (МФД1937). В меньшем количестве примеров находим твердый свистящий, что можно связывать с влиянием русского языка, в частности, в случаях, когда речь идет о городских реалиях, топонимах, устоявшихся понятиях: *щас у hóроди кровáтка назывáиця дéцка*; *вын по-старыньнёму Новыкóўскый*; *там баháто мадýрскоho всéhó* (ЕВП1935); *дэ мастерскá*; *пичь рúская* (МПС1955). Упомянем здесь и использование наречия *блы́ско* 'близко' с твердым свистящим: *вын и блы́ско ны такій буў* (ЕВП1935).

Шипящие [ш] и [ж] в говоре твердые, в том числе вторично возникшие сочетания *ши* и *жи* с [и] из *е: *шысьць* 'шесть' (ср. укр. лит. *шість*), *жы́нка* 'жена' (укр. лит. *жінка*). Единственная позиция, где они смягчаются, — на стыке морфем перед [а]: (*оны́*) *лыжáть*.

Фонема /г/ реализуется звуком [h] почти во всех случаях, в том числе в речи МПС1955: *hлянь*; *моhу́*; *ёhó* (ЕВП1935), *hорóшки*; *розhорnúла*; *ны hóжэ* (МФД1937), *друhóй*; *hаварýла*; *hлáзиг балýт* (МПС1955). Взрывной [г] (как в русском литературном языке) отмечен только в единичных заимствованиях из русского языка, например в фамилии *Гарагéевы* (ЕВП1935).

Согласные [к], [h], [х] почти повсеместно смягчились перед гласными [е], [ы], смягчение повлекло за собой переход [ы] в [и], как в русском языке: *оцэ дóски*, *а то сволочкú булы́*; *окакú цурупачкú*; *сидлó кóньське*; *пич вылыкéнька*; *нахилý*; *потыхéньку*; *дóсок ны булó дóўhих*; *дивчýта нóhи понакрáсують*. Тем не менее возможны колебания, например *орúхи* ~ *орúхи*, *лúскы* ~ *лúски* и т. д.

2. Морфология

Характер русско-украинского взаимодействия в описываемом говоре может быть определен в рамках предложенного П. Мёйскеном [Muysken 2000: 122] понятия «конгруэнтная лексикализация», когда языки имеют общую грамматическую структуру и заимствуют лексику из нескольких источников (что облегчает сам процесс заимствования, особенно в близкородственных языках). Часто грамматическая конвергенция приводит к конгруэнтной лексикализации.

В говоре распространены формы прилагательных в им. п. ж. и ср. р. с окончанием -а/-я и -е соответственно¹²: *довое́нна це [хата]*; *старá хата* (ЕВП1935); *сы́не плáття* (МФД1937). Таким же образом оформляются русские заимствования, ср. субстантивированное прилагательное, в котором данное окончание будет единственным показателем адаптации: *дэ мастерскá* (МПС1955). Следует отметить, что полные формы окончаний

¹² В украинских говорах могут встречаться формы на -а/-я (ж. р.), -о/-е (ср. р.), однако они распространяются на ограниченной территории [Матвійас (гол. ред.) 1984: карта 238].

у прилагательных появляются в заимствованиях из русского языка, которые не адаптируются фонетически к структуре говора: *цэ пыддэришка харо́шая* (МФД1937); *ничь ру́ская* (МПС1955).

Окончание у прилагательных и местоимений в м. р. и ср. р. род. и вин. п. ед. ч. *-oho/-ěho* либо *-oo/-ěo*: *ты дуйиш на ё́ho*; *нычо́ho* (МФД1937); *из коровьячё́ho novná* (ЕВП1935). Речь МПС1955 по этому показателю существенно отличается. Наряду с примерами типа: *од оцё́b конця́*, в ее идиоме фиксируются формы с интервокальным *-v-*: *всё́vо тры мисяци*; *а там фсивó встало́ся*; *такóvо свáта*. При этом конечный [o] окончания в безударной позиции не подвергается редукции.

Глагол *быть* в 3 л. ед. ч. используется информантами в форме *есть*¹³ или *еь*: *што́ры там якi е́сть* (МФД1937); *у тэ́бэ сидло́ е́сть?* (ЕВП1935), так *е́сь* и *оцi лю́ды, шо торху́ють* (ЕВП1935). Конкурирует эта форма с *е*: *мо́жэ вын и щас там е о́ришнык* (ЕВП1935), *ёсли е шо, настилáють тудá* (МПС1955).

Приведем также несколько примеров, когда заимствования из русского языка воспроизводятся без фонетической адаптации в корне и флексии: *прывязанэ кра́снай лёнтай* (МПС1955); *а я аш оту́т у Юдэ́нэй забере́менила*¹⁴; *о́на ж дума́, цэ ж я бере́мена дак* (МФД1937). Заимствования из русского могут подвергаться частичной адаптации: *я ны зна́ю, ны апы́делю́* (МФД1937), где, с одной стороны, русское *рь* передается как *р*, но, с другой стороны, *е* не пересчитывается в *и* (ср. укр. лит. *ділити*); а в первом слоге не устраняется аканье.

3. Лексика

Исконная лексика в говоре сохраняется довольно хорошо. Засвидетельствованы слова, нехарактерные для литературного украинского, но известные различным говорам, например *лі́ска* ‘лещина’, *ву́льни* ‘ульи’, *кады́ть* ‘чадить’, *ты́рло* ‘стойбище’. Отдельные лексемы, по-видимому, являются локальными новообразованиями, например *ша́мци* ‘вид кожаной обуви’.

Русские заимствования многообразны и разноплановы. Это не только культурная и бытовая лексика (*сту́лля* ‘стулья’, *кро́вать*, *тря́пка*, *са́харь*, *дикало́н* ‘одеколон’), но и обозначения людей (*мушчи́на*, *рибе́нок*, *де́вочка*, *ма́льчик*), дискурсивная лексика (*навэ́рна*, *конэ́шно*).

¹³ Подобные формы *йе́сть*, *йе́стя* встречаются, например, в западнополесских говорах [Аркушин 2000: 154] на севере Волынской и Ровенской областей недалеко от границы с Белоруссией и на самой белорусской территории.

¹⁴ Лексема *бере́мен(с)а* распространена в части украинских говоров, однако без смягчения согласных перед [e] [Матвіяс (гол. ред.) 1984: карта 346].

Указательные местоимения образуются от основы *ц-*: *хату цю пырыстро́йи́лы; по́ цёму ко́мыну* (ЕВП1935), *и там вын жыў, цэй пан* (МФД1937) и *с-* в случаях *сэ́йгот* ‘в этом году’ (МДФ1937), *сю́ныч* ‘этой ночью’ (ЕВП1935). Однако в некоторых случаях наблюдается проникновение русских указательных местоимений с основой на *эт-*, в частности, в функции дискурсивов (слов, которые используются не для передачи определенного значения, а для организации и структурирования разговора): *тоді́ э́ти по́йизда́ на у́хлі́ йі́зды́лы* (ЕВП1935); *о́ри́шны́к руба́лы на э́ти, поми́дбры* (МПС1955). При воспроизведении чужой речи в фонетически частично адаптированном высказывании также находим эти формы: *спра́шуе, а э́то от* *што за бривно́ на потоло́ку* (МФД1937).

Показательным с точки зрения выявления влияния русского языка на систему изучаемого говора является варьирование при употреблении личных местоимений 3 л. ед. ч. ж. р. и 3 л. мн. ч. В самом говоре имеются исходные местоимения как с *в-*образным начальным согласным, так и без него¹⁵: *вона́ ны постра́да́ла; от воны́, вы́шни* (ЕВП1935); *она́ моўчы́ць* (МДФ1937). В некоторых случаях фиксируются личные местоимения с начальным *а-*, что можно связать с русским влиянием: *оцэ́ ана́ та́ сама́ своё́й рукю́* (МДФ1937); *ну нэ оді́нэ ана́* (МПС1955). Кроме того, в речи МПС1955 при гезитации (в ситуации, когда человек колеблется или сомневается в речи, что может выражаться в паузах, неполных предложениях или использовании определенных звуков) возникает гибридная форма *аны́* для местоимения 3 л. мн. ч.: *ну аны́, оны́, зна́йи́тэ, аны́ такі́ хорькава́ты*.

Колебания у информантов наблюдаются при употреблении союзов/частиц *или/иль, або, чи*, при этом использование *или/иль* можно отнести к русскому влиянию: *засыпа́лы ухля́ і́ли дро́ва; як матэ́рию там да́раць і́ль, то́го ны рысува́ла* (ЕВП1935); *пода́раць кусо́к мы́ла або́ дикало́ну; па́рыця́ чи хри́ця; тоді́ чи выно́ робы́лы, чи шо* (МФД1937).

Заимствуется из русского языка в говор союз *если*, его синонимов нам не встретилось (тогда как в [Авдеева 2012: 304] фиксируется союз *якшо*): *э́сли ты за ца́ря́ оддасы́ Ма́ньку; э́сли б ны вын* (ЕВП1935).

4. Заключение

Рассмотренные в статье особенности юдинского говора демонстрируют хорошую сохранность его украинской основы. Это прослеживается на всех языковых уровнях. Влияние русского языка ожидаемо проявляется в большей степени в лексике, однако некоторые черты, появившиеся

¹⁵ Формы без начального *в-* фиксируются также в [Авдеева 2012], однако формы с аканьем в словаре единичны.

в результате контакта с русским языком, обнаруживаются также на фонетическом и грамматическом уровнях.

Важно отметить, что говор с Юдино ранее не был описан диалектологами и не фигурирует ни в «Атласе украинского языка», ни в «Словаре украинских говоров Воронежской области» М. Т. Авдеевой. Наша статья заполняет этот пробел.

Литература

- Авдеева М. Т. Словарь украинских говоров Воронежской области. В 2-х т. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2008–2012.
- Авдеева М. Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2-х т. Т. 2 (Н–Я). Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2012. 307 с.
- Аркушин Г. Л. Словник західнополіських говірок. Т. 1. Луцьк: Вежа, 2000. 354 с.
- Басара Я., Сятковский Я. (ред.). Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 8. Профессии и общественная жизнь. Warszawa: [б. и.], 2003. 192 с.
- Бідношя Ю. І., Дика Л. В. Говірки Бориспільщини: сучасні діалектні тексти та пам'ятки мови. Київ: Інститут української мови НАН України, 2008. 480 с.
- Іщенко О. С. Голосні звуки української мови залежно від темпу мовлення: монографія. Київ: Інститут української мови НАН України, 2012. 220 с.
- Матвіяс І. Г. (гол. ред.). Атлас української мови. Т. 1. Київ: Наукова думка, 1984. 391 карта.
- Сьянова Е. И. К вопросу этнической и языковой идентичности носителей украинско-русских говоров, функционирующих на территории современной Воронежской области // Русский язык в поликультурном мире. X Международная научно-практическая конференция: Сборник научных статей. Т. 2. Ответственный редактор Е. Я. Титаренко. Симферополь: Издательство Типография «Ариал», 2016. С. 520–527.
- Шевельов Ю. Історична фонологія української мови. Харків: Акта, 2002. 1055 с.
- Muysken P. Bilingual speech: a typology of code-mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. xvi + 306 p.

References

- Arkushin G. L. *Slovník zakhidnopolis'kikh govirok* [Dictionary of West Polesie dialects]. Vol. 1. Lutsk, Vezha Publ., 2000. 354 p.
- Avdeeva M. T. *Slovar' ukrainiskikh govorov Voronezhskoi oblasti* [Dictionary of Ukrainian dialects of the Voronezh region]. In 2 vols. Voronezh, Voronezh State Univ. Publ., 2008–2012.

- Avdeeva M. T. *Slovar' ukrainskikh govorov Voronezhskoi oblasti* [Dictionary of Ukrainian dialects of the Voronezh region]. In 2 vols. V. 2. (N–Ya). Voronezh, Voronezh State Univ. Publ., 2012. 307 p.
- Basara Ya., Syatkovskii Ya. (ed.). *Obshcheslavyanskii lingvisticheskii atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatel'naya* [The Common Slavic Linguistic Atlas. A series of lexical and word-formation]. Issue 8. Professions and social life. Warszawa: [without a publishing house], 2003. 192 p.
- Bidnoshiya Yu. I., Dika L. V. *Govirki Borispil'shchiny: suchasni dialektni teksti ta pam'yatki movi* [Dialects of Boryspil region: modern dialect texts and monuments of the language]. Kiev, Institute of the Ukrainian language of the National Academy of Sciences of Ukraine Publ., 2008. 480 p.
- Ishchenko O. S. *Golosni zvuki ukraïns'koï movi zalezho vid tempu movlennya: monografiya* [Vowel sounds of the Ukrainian language depending on the pace of speech: monograph]. Kiev, Institute of the Ukrainian language of the National Academy of Sciences of Ukraine Publ., 2012. 220 p.
- Matviyas I. G. (ch. ed.). *Atlas ukraïns'koï movi* [Atlas of the Ukrainian language]. Vol. 1. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1984. 391 map.
- Muysken P. *Bilingual speech: a typology of code-mixing*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. xvi + 306 p.
- Shevel'ov Yu. *Istorična fonologiya ukraïns'koï movi* [Historical phonology of the Ukrainian language]. Kharkiv, Akta Publ., 2002, 1055 p.
- S'yanova E. I. [On the issue of ethnic and linguistic identity of speakers of Ukrainian-Russian dialects functioning in the territory of the modern Voronezh Region]. *Russkii yazyk v polikul'turnom mire. X Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya: Sbornik nauchnykh statei*. Vol. 2. Simferopol, "Arial" Printing House Publ., 2016, pp. 520–527. (In Russ.)

Словообразовательная компрессия как активный процесс в русском языке коронавирусной эпохи

Анастасия Викторовна Завадская, Оренбургский государственный медицинский университет (Россия, Оренбург), a.v.zavadskaya@gmail.com

DOI: 10.31857/S0131611724060027

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена описанию словообразовательной компрессии, являющейся яркой отличительной чертой языка коронавирусной эпохи. Основанная на действии закона экономии речевых усилий, компрессия приводит не столько к появлению информативно емких новообразований, сколько к рождению эмоционально окрашенных, оценочных, зачастую шуточных неологизмов. На примере лексики ковидной тематики автором рассматриваются такие виды словообразовательной компрессии, как междусловное наложение, контаминация, универбация, аббревиация. Выбор данного лексического пласта объясняется тем, что пандемия коронавируса, охватившая весь мир в период с 2020 по 2022 гг. и ставшая переломным моментом в жизни общества, привела к рождению большого количества новых слов, значительная часть которых представляет собой результат словообразовательной компрессии. Среди разных видов словообразовательной компрессии наиболее продуктивными в словопроизводстве ковидных неологизмов выступили контаминация (*ковикулы, карантини, инфодемия*) и междусловное наложение (*ковидео, пандемитинг*), менее

продуктивной является универбация (*удаленка, дистант*). Усечение и аббревиация, выступающие в качестве активных способов словообразования в современном русском языке, напротив, оказались непродуктивны в словопроизводстве ковид-неологизмов. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что новообразования эпохи пандемии коронавируса лишь частично отражают общие тенденции, происходящие в русском языке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: словообразовательная компрессия, контаминация, междусловное наложение, универбация, аббревиация, неологизм, ковид-неологизмы, язык коронавирусной эпохи

для цитирования: Завадская А. В. Словообразовательная компрессия как активный процесс в русском языке коронавирусной эпохи // Русская речь. 2024. № 6. С. 19–33. DOI: 10.31857/S0131611724060027.

Issues of Modern Russian Language

Compressive Word-formation as an Active Process in the Russian Language in the Coronavirus Age

Anastasiya V. Zavadskaya, Orenburg State Medical University (Russia, Orenburg),
a.v.zavadskaya@gmail.com

ABSTRACT: The article is devoted to the compressive word-formation, which is a striking distinctive feature of the coronavirus era language. Based on the action of the economy of speech effort law, it leads not so much to the emergence of information-rich formations, but to the birth of emotionally charged, evaluative, and often humorous neologisms. Using Covid-related vocabulary as research material, the author examines such types of word-formation compression as interword overlap, contamination, univerbation

and abbreviation. The choice of this lexical layer is explained by the fact that the coronavirus pandemic, which swept the whole world in the period from 2020 to 2022 and which became a turning point in the life of society, led to the coining of a large number of new words, a significant part of which is the result of compressive word-formation. Among the different types of word-formation compression, the most productive in the word production of covid neologisms were contamination (*kovikuly*, *karantini*, *infodemiya*) and interword overlap (*covideo*, *pandemiting*), while univerbation was less productive (*udalenka*, *distant*). Truncation and abbreviation, which act as active methods of word formation in the modern Russian language, on the contrary, were unproductive when it came to coining Covid neologisms. The analysis allowed the author to conclude that the new developments of the coronavirus pandemic era only partially reflect the general trends occurring in the Russian language.

KEYWORDS: word-formation compression, contamination, inter-word overlap, universalization, abbreviation, neologism, covid-neologisms, language of the coronavirus era

FOR CITATION: Zavadskaya A. V. Compressive Word-formation as an Active Process in the Russian Language in the Coronavirus Age. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 6. Pp. 19–33. DOI: 10.31857/S0131611724060027.

Характерной особенностью русского языка XXI в. является увеличение доли компрессии, которая проявляется на разных уровнях языковой системы. Это связано в первую очередь с тем, что компрессия отражает закон экономии речевых средств. Еще Н. С. Валгина среди основных процессов, происходящих в русском языке конца XX в., выделяла так называемый «компаративный взрыв» [Валгина 2003]. Компрессия как отличительная черта русского языка наших дней отмечается в работах [Осипова 1999; Умерова 2011; Шокина 2009].

На наш взгляд, наиболее ярко компрессия проявляется на словообразовательном уровне, поскольку «ускорение темпов жизни усиливает действие закона речевой экономии, а рост эмоциональной напряженности в жизни общества активизирует процессы образования эмоционально-экспрессивных типов словообразовательных моделей» [Валгина 2003: 131].

Словообразовательная компрессия — явление в языке не новое. Так, в начале XX в. появились слова *ликбез*, *совхоз* и пр. Впервые компрессивное словообразование описала Е. А. Земская [Земская 1992]. Современные исследования направлены на изучение различных видов словообразовательной компрессии, см. [Дозорова 2015; Казимова 2021; Конопкина, Лунина 2021; Копоть 2007; Тумакова 2008; Умерова 2011], на функционирование компрессии в языке рекламы [Шокина 2009; Зимина 2007], в компьютерном жаргоне [Барт 2009] и т. п.

В данной работе мы хотим представить результаты анализа неологизмов эпохи коронавируса, которые возникли путем словообразовательной компрессии. Выбор данного лексического пласта в качестве материала исследования объясняется тем, что «пандемия коронавирусной инфекции, охватившая весь мир, стала переломным моментом в жизни общества и дала невероятный импульс языковой продуктивности» [Громенко 2021: 42]. Как отмечает М. Н. Приемышева, «по интенсивности языковых процессов и активного словотворчества для русского языка этот период можно сравнить с периодами революции 1905–1917 гг. или перестройки 1990-х гг.» [Приемышева 2021: 18].

Среди основных видов словообразовательной компрессии ученые отмечают усечение, контаминацию, универбацию, аббревиацию. Благодаря данным способам словообразования в русском языке XXI в. появилось большое количество новых слов. Однако во время ковида не все вышеперечисленные способы были в одинаковой мере активны.

Неологизмы ковидной эпохи, выступившие материалом исследования, были отобраны нами методом сплошной выборки из «Словаря русского языка коронавирусной эпохи» (далее — *словарь*) [Приемышева (ред.) 2021], а также выявлены в текстах медийного пространства, опубликованных за период с 2020 г. по 2022 г. Для анализа данных новообразований мы использовали методы лингвистического наблюдения, словообразовательного анализа, классификации и обобщения.

Цель данного исследования — доказать, что характерной чертой русского языка коронавирусной эпохи является словообразовательная компрессия.

Научная новизна заключается в том, что нами предпринята попытка проанализировать окказиональные новообразования эпохи коронавируса с точки зрения подходов компрессивного словообразования, разграничить ковид-неологизмы, образованные разными видами контаминации, а также продемонстрировать примеры малопродуктивных неузусных способов словопроизводства, которые чаще всего оказываются за пределами внимания ученых.

Контаминация и междусловное наложение как способы образования ковид-неологизмов

При анализе словаря нас интересовали неологизмы, производящей базой которых выступило словосочетание или два слова (чаще всего существительных), не являющихся словосочетанием. Такие неологизмы в словаре после лексического толкования содержат указание «контаминация»: *ковидия* (ковид + хламидия), *вирусоносец* (вирус + авианосец), *инфодемия* (информация + пандемия).

Контаминация, по мнению М. Н. Приемышевой, «более чем другие способы словообразования демонстрирует игровое творческое начало» [Приемышева 2021: 37]. Именно этим и объясняется тот факт, что 10 % лексики словаря составляют контаминанты. Проведя анализ неологизмов, вошедших в словарь, мы заметили, что его авторы не разграничивают слова типа *ковидео* (ковид + видео), *карантини* (карантин + (мар)тины) и *карантейль* (карант(ин) + (кок)тейль). Однако данные производные различны по своей структуре: в первом примере происходит наложение общих звуковых комплексов производящей базы; во втором также происходит наложение общих звуков, но помимо этого наблюдается усечение начальной части второго компонента; в третьем примере «складаются» усеченные части производящей базы без наложения звуков. Это дает нам основание считать, что данные примеры образованы различными способами — междусловным наложением (*ковидео*) и контаминацией (*карантини*, *карантейль*).

Под междусловным наложением мы вслед за И. С. Улухановым понимаем такой способ словопроизводства, при котором происходит соединение двух слов в одно, при этом оба слова сохраняются полностью, но определенный фонемный отрезок нового слова принадлежит одновременно обоим мотивирующим частям [Улуханов 1996: 52]. Отдельно от контаминации этот способ рассматривают многие ученые, например [Земская 1992; Улуханов 1996; Рацибурская 2022; Замальдинов 2020].

Анализ «пандемийных» неологизмов показал, что наиболее частотными производящими основами стали *ковид*-, *коронавирус*-, *карантин*-, *пандемия*-. Примерами междусловного наложения являются неологизмы *ковидиот* (ковид + идиот), *ковидео* (ковид + видео), *ковидоллар* (ковид + доллар), *пандемитинг* (пандемия + митинг). В данных словах начало второго компонента совпадает с конечной частью первого, совпадающие фонемные участки как бы накладываются друг на друга. Усечений ни первого, ни второго компонента не происходит. Как отмечают В. Е. Замальдинов, Д. Хоригути, «с помощью новообразований, созданных путем междусловного наложения, журналисты выражают иронию и сарказм,

вызывают эмоциональную реакцию у читателя» [Замальдинов, Хоригути 2021: 146].

Однако больше всего ковидных неологизмов образовано способом контаминации. В отличие от междусловного наложения, при образовании слов данным способом наблюдается усечение либо обоих компонентов, либо одного из компонентов производящей базы. В зависимости от характера усечения нами было выделено несколько групп контаминированных неологизмов, возникших в эпоху коронавируса.

Первую группу составляют неологизмы, при образовании которых происходит усечение конечной части первого слова и начальной части второго слова, при этом на границах усеченных участков отсутствуют общие фонемные участки: *каранте* (карант(ин) + (кара)те), *карантиголик* (каранти(н) + (трудо)голик).

Во вторую вошли новообразования, имеющие общие фонемные участки на границах усечения. При образовании контаминантов происходит не только усечение частей производящих слов, но и наложение общих элементов, оставшихся после усечения: *карантист* (каранти(н) + (кара)-тист), *карантикулы* (каранти(н) + (кан)икулы), *карантиада* (каранти(н) + (олимп)иада), *ковикулы* (кови(д) + (кан)икулы), *коронойя* (корон(авирус) + (пара)нойя).

Третья группа включает в себя контаминанты с усеченным вторым компонентом, без наложения звуковых комплексов: *гречкодемия* (гречка + (пан)демия), *карантинозавр* (карантин + (дин)озавр), *карантиноке* (карантин + (кара)оке), *карантиномика* (карантин + (экон)омика), *карантиноцид* (карантин + (ген)оцид), *ковидиада* (ковид + (олимп)иада), *ковидина* (ковид + жадина), *ковидономика* (ковид + (экон)омика), *ковидофрения* (ковид + (шиз)офрения), *пфайзерокост* (пфайзер + (хол)окост), *трикини* (три + (би)кини), *фейкодемия* (фейк + (пан)демия), *фейкопидемия* (фейк + (э)пидемия).

Четвертую группу представляют слова с усеченным вторым компонентом, при этом на границах мотивирующих основ имеются общие фонемные участки, которые накладываются друг на друга: *карантинка* (карантин + (вале)нтинка), *карантини* (карантин + (мар)тини), *ковидор* (ковид + (кор)идор), *ковидра* (ковид + (г)идра).

Пятая группа состоит из неологизмов, в процессе производства которых произошло усечение лишь первого элемента. При этом конечный участок первого, усеченного, компонента имеет общие звуки / звуковые комплексы с началом второго компонента: *карантье* (карант(ин) + рантье), *пандемода* (пандем(ия) + мода).

Как видно из количества приведенных в каждой из групп примеров, чаще всего при образовании новых слов путем контаминации первый

компонент, несущий в себе основную лексическую нагрузку, используется в неусеченном виде или накладывается на второй компонент, начало которого совпадает с концом первого.

Как правило, лишь незначительная часть контаминированных неологизмов выполняет номинативную функцию, преследуя цель «поименовать новые понятия и реалии в компактной, синтетической форме (т. е. максимально экономя языковые средства)» [Митурска-Бояновска 2021: 418]. На первый план в пандемийном дискурсе вышли эмоционально-экспрессивная и ludic (игровая) функции [Приемышева 2021: 50]. На это указывают многие ученые, в том числе и Т. В. Лановая, отмечающая, что «окказиональные “коронаслова” представляют собой стилистически окрашенные единицы, которые часто выражают ироническое или сатирическое отношение и привлекают внимание читателей» [Лановая 2021: 61]. Об эмоциональной нагрузке контаминантов свидетельствуют и пометы словаря, которыми сопровождается большинство неологизмов. Например, *шутл.* — *ковидно, короназавр, короназябра, наружать, расхламинго, ирон.* — *вирусооборот, ковидло, ковидимость.*

Л. В. Рацибурская, давая функциональную оценку коронавирусным контаминантам, выступающим как проявление языковой игры, отмечает, что «совмещение формально тождественных частей исходных слов в составе неузуального производного, способствует увеличению семантического объема новообразования, в котором могут сочетаться далекие и не всегда связанные в реальной действительности понятия» [Рацибурская 2022: 207]. В качестве примера можно привести такие новообразования, как *гречник* (гречка + грешник), *диванстрация* (диван + демонстрация), *маскне* (маска + акне) и др.

При анализе словаря мы встретили ряд новообразований, которые не просто являются эмоционально окрашенными, но и имеют разговорно-сниженный, грубо-просторечный характер. Среди них контаминанты *вжоперти разг.-сниж. ирон.* (в жопе (в безвыходной, в безнадежной ситуации), *жарг.*) + *взаперти*), *домосек разг. шутл.* (домосед + гомосек), *карантец разг.-сниж.* (карантин + капец, *жарг.*), *ковидофреник разг. пренебр.* (ковид + шизофреник), *ковигист* (ковид + пофигист (о человеке безразличном, равнодушном, безучастном к кому-, чему-л., *разг.-сниж.*)), *ковидаст разг.-сниж. пренебр.* (ковид + педераст), *фуфловир* (фуфло (о чем-либо негодном, плохом, *жарг.*) + Коронавир), *фуфловир* (фуфло *жарг.* + коронавирус), *фуфлодемия* (фуфло *жарг.* + пандемия), *ковидятел* (ковид + дятел (дурак, тупица, *жарг., обычно бран.*) и др.

Особого внимания заслуживают новообразования, одним из компонентов которых является имя собственное. Это связано с тем, что

образование слов на базе имен собственных в русском языке является отклонением от нормы (за исключением относительных прилагательных типа *пушкинский*). Поэтому подобные слова выделяются на фоне других неологизмов. В словаре представлены следующие неологизмы с первым компонентом именем собственным: *путикулы* (В. В. Путин + каникулы: «об оплачиваемых выходных днях, официально предоставленных работающим гражданам по распоряжению президента РФ В. В. Путина для соблюдения режима строгой самоизоляции в марте–апреле 2020 г.» [Приемышева (ред.) 2021: 220], *собяусвайс* (С. С. Собянин + аусвайс: «о цифровом пропуске, введенном в Москве во время режима самоизоляции в период карантина по коронавирусной инфекции» [Приемышева (ред.) 2021: 237]); *вакхцина* (Вакх (бог вина и виноделия в древнегреческой мифологии) + вакцина: «об алкогольном напитке как о возможном средстве излечения от коронавирусной инфекции» [Приемышева (ред.) 2021: 31]; *вакхцинация* (Вакх + вакцинация), *карантино* (карантин + Квентин Тарантино).

Среди имен собственных, выступающих в качестве производящей основы, помимо личных имен нами были обнаружены название приложения для онлайн-знакомств: *карантиндер* (карантин + **Tinder**), название медикамента: *фуфловир* (фуфло + Коронавир (препарат для лечения коронавируса), название парка развлечений: *ковидленд* (ковид + Диснейленд), библейское название: *коронагеддон* (корона(вирус) + Армагеддон).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в настоящее время «контаминация (включая междусловное наложение — А. З.) “из периферийного приема создания окказионализмов <...> постепенно превращается в активно действующий способ компрессивного словообразования» [Николина 2011: 45], и за счет этого происходит перераспределение способов узуального и окказионального словообразования» [Рацибурская (ред.) 2021: 207].

Особенностью русского языка эпохи коронавируса является не только наличие большого количества неологизмов, представляющих собой результат контаминации, но и функционирование разных вариантов контаминации. Так, нами были обнаружены пять разновидностей данного способа словопроизводства в зависимости от того, какой из компонентов подвергается усечению, а также имеются ли общие фонемные участки на границах усеченных частей. Отдельно нами были выделены слова, образованные способом междусловного наложения, при котором ни одно из слов производящей базы не усекается, а происходит только наложение общих фонемных участков обоих слов.

Универбация и аббревиация как разновидность словообразовательной компрессии

Говоря о словообразовательной компрессии, нельзя не остановиться на такой ее разновидности, как универбация. Данный способ, предполагающий образование нового слова на базе словосочетания, когда используется лишь часть первого компонента с добавлением суффикса (как правило, -к-), получил распространение в 90-х гг. прошлого века в разговорной речи. Особой популярностью в то время пользовались слова типа *зачетка*, *читалка*, *губнушка*. Несмотря на большое количество слов, образованных данным способом (в «Словаре универбатов современного русского языка» их представлено более 500), термин «универбация» сегодня используется не всеми лингвистами. К примеру, Э. М. Казымова называет данный способ свертыванием с суффиксацией, а слова, полученные в результате словопроизводства, — «словами-свертками» [Казымова 2021: 96].

В XXI веке универбация вышла за пределы разговорной речи: сегодня универбаты можно встретить в масс-медиа дискурсе (например, в новостной информации, существующей как в устной, так и в письменной форме): *вторичка* (вторичное жилье), *гуманитарка* (гуманитарная помощь), *встречка* (встречная полоса). Причиной увеличения количества универбатов, помимо закона речевой экономии, является и стремление к привлечению внимания адресата, включение его в языковую игру [Конопкина, Лунина 2021: 141].

Заметим, что сегодня универбация использует не только суффикс -к-: наряду с ним употребляются суффиксы -ушк-, -онк- и даже нулевой суффикс.

Универбаты, вошедшие в русский язык в ковидную эпоху, немногочисленны. Однако частотность их употребления достаточно высока. Так, слова *дистанционка* (дистанционное обучение), *удаленка* (удаленная работа) прочно вошли в язык и продолжают активно использоваться носителями языка сейчас, после окончания пандемии: «ОГУ **перевели на дистанционку**», «Он **переехал в Волгоград, работает на удаленке**» (примеры, зафиксированные в устной речи).

Наряду с универбатом *удаленка* во время пандемии функционировал синонимичный вариант *удаленушка* (*сестрица Удаленушка и братец Диванушка*). Синонимичную пару приобрел и универбат *дистанционка*. Более короткий вариант *дистант* (с нулевым суффиксом) получил оттенок официальности. Поэтому чаще всего он употребляется в речи представителей органов власти, образования: «Из-за превышения порога заболеваемости гриппом и ОРВИ школьники Оренбуржья с 15 декабря

переведены на дистант» (из речи министра здравоохранения Оренбургской области).

Интерес представляет и словообразовательный неологизм *изоляциян-ка*, образованный от сложного слова *самоизоляция*. В отличие от предыдущих примеров, здесь мы наблюдаем усечение первого (а не второго) компонента сложного слова и добавление к нему суффикса -онк. На наш взгляд, данный неологизм образован разновидностью универбации, не типичной в настоящий момент для русского языка.

Аббревиация, в отличие от универбации, является способом словопроизводства, функционирующим чаще всего в научном, официально-деловом и публицистическом стилях. Анализ неологизмов ковидной тематики показывает, что этот способ значительно уступает по частотности вышеперечисленным видам словообразовательной компрессии. В качестве примеров аббревиатур коронавирусной тематики можно привести само название новой инфекции — *COVID*, которая была заимствована из английского языка (*Corona Virus Disease*) и позже транслитерирована в русскоязычный вариант *ковид*, и русскоязычную звуковую аббревиатуру *СИЗ/СИЗы* (средства индивидуальной защиты).

Стоит отметить, что часть аббревиатур медицинской тематики вышла за пределы профессионального общения и стала активно употребляться не только в медицинской сфере. Речь идет о таких аббревиатурах, как *ИВЛ* (искусственная вентиляция легких), *КТ* (компьютерная томография), *ПЦР* (полимеразная цепная реакция). Аббревиатуры *ИВЛ*, *ПЦР* фиксируются словарем, но содержат при себе в справочной зоне формулировку «из проф. речи медиков», «из речи медиков». Аббревиатура *КТ* словарем не зафиксирована, что объясняется широким ее употреблением и до пандемии.

Малопродуктивные виды словообразовательной компрессии

В заключение нашего исследования стоит сказать и о тех немногочисленных примерах словообразовательной компрессии, которые были обнаружены нами в словаре коронавирусной эпохи. Одним из них является слово *корона*, образованное путем усечения от слова *коронавирус*. Несмотря на то что в настоящее время усечение — способ, при котором «в производное слово входит лишь какая-то часть производящего, причем производящее тождественно производному по семантике» [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 82] — называется учеными наиболее продуктивным видом словообразовательной компрессии [Лазарева 2004;

Минева 2019; Конопкина, Лунина 2021], во время пандемии к нему практически не обращались.

При анализе словаря мы обнаружили два окказионализма, образованных путем так называемого вставочного словообразования. Отдельных исследований, посвященных данному способу, мы не обнаружили. Чаще всего термин «вставочное словообразование» используют как синоним телескопии (или контаминации). Однако данные способы нельзя рассматривать как идентичные. Вставочное словообразование — это процесс образования нового слова на базе двух компонентов, при котором основа второго компонента полностью включается («вставляется») в середину первого компонента. При этом первый компонент может сохранить весь свой состав, а может подвергнуться усечению. Новое слово сохраняет грамматические характеристики первого производящего компонента (часть речи; род, тип склонения — для существительных). Примерами вставочного словообразования в языке коронавируса стали дериваты *заквартирье* и *инфейкция*. При образовании слова *заквартирье* произошло усечение первого компонента (за-(зеркал)-ье + квартира), компоненты второго неологизма усечению не подвергались (инфекция + фейк).

Таким образом, словообразовательная компрессия является яркой отличительной особенностью русского языка эпохи коронавируса. Основанная на действии закона экономии речевых усилий, она приводит не столько к появлению информативно емких новообразований, сколько к рождению эмоционально окрашенных, оценочных, зачастую шуточных неологизмов. Существующие в русском языке виды словообразовательной компрессии (усечение, контаминация, универбация, аббревиация) имеют место и в словопроизводстве лексики ковидной тематики. Однако активность данных способов в русском языке эпохи пандемии не отразила общих тенденций, происходящих в русском языке XXI в. Так, усечение, являющееся наиболее продуктивным видом словообразовательной компрессии в русском языке, практически не использовалось в языке коронавирусной эпохи. Примеры аббревиации, не менее активного способа словопроизводства, и вовсе не были нами обнаружены (за исключением названия самого заболевания); высокую частотность приобрели лишь несколько аббревиатур, существовавших и до ковида. Самыми активными способами в образовании неологизмов указанного периода выступили контаминация в различных ее вариантах и междусловное наложение. Что касается универбации, то в русском языке эпохи коронавируса универбаты использовались примерно с такой же частотностью, как и в русском языке доковидной эпохи.

Литература

- Барт М. В. Компрессивное словообразование в современном русском компьютерном жаргоне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 2 (4). С. 55–60.
- Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003. 304 с.
- Громенко Е. С. Новые сложные слова с компонентами корона- и ковид- в русском языке (словообразовательный и нормативный аспекты) // Русская речь. 2021. № 5. С. 40–54.
- Дозорова Д. В. Словообразовательные модели универбатов в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 392–396.
- Ефанова Л. Г. Контаминация. Часть 2. Основные разновидности контаминации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 1 (39). С. 5–14.
- Замальдинов В. Е. Новообразования как отражение современной эпидемической обстановки в мире // Русский язык в школе. 2020. Т. 81. № 5. С. 55–60.
- Замальдинов В. Е., Хоригути Д. «Коронавирусные» новообразования в языке СМИ и интернет-коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20. № 5. С. 141–152.
- Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 224 с.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.
- Зиминая Л. О. Компрессивное словообразование в рекламе // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 22. С. 50–53.
- Казимова Э. А. Компрессивные способы словообразования в современном словотворчестве // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. Том 36. Вып. 4. С. 95–99.
- Конопкина Е. С., Лунина Т. П. Усечение как способ компрессивного словообразования // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 2 (31). С. 107–111.
- Лазарева Ю. А. Усечение в современной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 16 с.
- Лановая Т. В. Активные словообразовательные модели русского языка на материале «короналексики» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2021. № 3. С. 51–63.
- Минеева З. И. Препод и чел: новые усечения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 221–229.
- Митурска-Бояновска Й. «Пандемийные» контаминанты // Русский язык коронавирусной эпохи: коллективная монография. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. С. 406–418.
- Осипова Л. И. Активные процессы в современном русском словообразовании (суффиксальная универбация, усечение): дис. ... докт. филол. наук. М., 1999. 506 с.

- Приемышева М. Н. Ковидный лексикон русского языка: тенденция и динамика лексико-семантической системы в период пандемии коронавирусной инфекции covid-19 // Русский язык коронавирусной эпохи: коллективная монография. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. С. 16–51.
- Приемышева М. Н. (ред.). Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Сост. Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников, Н. В. Козловская, Н. А. Козулина, С. Д. Левина, В. М. Мокиенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева, Ю. С. Ридецкая. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.
- Рацибурская Л. В. Словообразовательная креативность в освоении социально значимых слов // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2022. № 2. С. 200–211.
- Рацибурская Л. В. (ред.). Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: коллективная монография. М.: Флинта, 2021. 328 с.
- Тумакова Е. В. Компрессивные способы современного словообразования // Актуальные проблемы современного словообразования. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. С. 323–328.
- Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1996. 221 с.
- Умерова М. В. Языковая компрессия: виды и уровни реализации // Актуальные вопросы современной науки. 2011. № 17. С. 260–269.
- Шокина А. Б. Языковая компрессия в рекламном тексте // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2009. № 2. С. 189–195.

References

- Bart M. V. [Compressive word formation in modern Russian computer jargon]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2009, no. 2 (4), pp. 55–60. (In Russ.)
- Dozorova D. V. [Word formation models of universities in modern Russian]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2015, no. 2 (2), pp. 392–396. (In Russ.)
- Efanova L. G. [Contamination. Part 2. Main types of contamination]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2016, no. 1 (39), pp. 5–14. (In Russ.)
- Gromenko E. S. [New Compounds with Corona- and Covid- in Russian Language (Word-Formation and Normative Aspects)]. *Russkaya Rech'*, 2021, no. 5, pp. 40–54. (In Russ.)
- Kazimova E. A. [Compressive methods of word formation in modern word creation]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Issue 2. Gumanitarnyye nauki*, 2021, vol. 36, no. 4, pp. 95–99. (In Russ.)
- Konopkina E. S., Lunina T. P. [Truncation as a method of compressive word formation]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya*, 2021, no. 2 (31), pp. 107–111. (In Russ.)

- Lazareva Yu. A. *Usechenie v sovremennoi rechi*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Truncation in modern speech. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2004. 16 p.
- Janovaya T. V. [Active word-formation models of the Russian language based on the material of "coronalexics"]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Issue: Filologiya, pedagogika, psihologiya*, 2021, no. 3, pp. 51–63. (In Russ.)
- Mineeva Z. I. [Prepod and Chel: new truncations]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2019, no. 5, pp. 221–229. (In Russ.)
- Miturska-Boyanovska I. ["Pandemic" contaminants]. *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi: kollektivnaya monografiya* [The Russian language of the coronavirus era: a collective monograph]. Saint-Petersburg, Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021, pp. 406–418. (In Russ.)
- Osipova L. I. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom slovoobrazovanii (suffiksals'naya univerbatsiya, usechenie)*. Diss. dokt. filol. nauk [Active processes in modern Russian word formation (suffixal univerbation, truncation). Dr. phil. sci. diss.]. Moscow, 1999. 506 p.
- Priemysheva M. N. [Covid lexicon of the Russian language: trend and dynamics of the lexical-semantic system during the coronavirus pandemic covid-19]. *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi: kollektivnaya monografiya* [The Russian language of the coronavirus era: a collective monograph]. Saint-Petersburg, Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021, pp. 16–51. (In Russ.)
- Priemysheva M. N. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoi epokhi* [Dictionary of the Russian language of the coronavirus era]. Comp. E. S. Gromenko, A. Yu. Kozhevnikov, N. V. Kozlovskaya, N. A. Kozulina, S. D. Levina, V. M. Mokienko, A. S. Pavlova, M. N. Priemysheva, Yu. S. Ridetskaya. Saint-Petersburg, Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021. 550 p.
- Ratsiburskaya L. V. [Word-formation creativity in the development of socially significant words]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Issue: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativna*, 2022, no. 2, pp. 200–211. (In Russ.)
- Ratsiburskaya L. V. (ed.). *Russkii yazyk v internet-kommunikatsii: lingvokognitivnyi i pragmaticheskii aspekty. Kollektivnaya monografiya* [Russian language in Internet communication: linguocognitive and pragmatic aspects. Collective monograph]. Moscow, Flinta Publ., 2021. 328 p.
- Shokina A. B. [Language compression in advertising text]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Issue 10. Zhurnalistika*, 2009, no. 2, pp. 189–195. (In Russ.)
- Tumakova E. V. [Compressive methods of modern word formation]. *Aktual'nye problemy sovremenno slovoobrazovaniya* [Current problems of modern word formation]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2008, pp. 323–328. (In Russ.)
- Ulukhanov I. S. *Edinitsy slovoobrazovatel'noi sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya* [Units of the word-formation system of the Russian language and their lexical implementation]. Moscow, Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996. 221 p.

А. В. Завадская. Словообразовательная компрессия как активный процесс в русском языке коронавирусной эпохи
A. V. Zavadskaya. Compressive Word-formation as an Active Process in the Russian Language in the Coronavirus Age

- Umerova M. V. [Language compression: types and levels of implementation]. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy nauki*, 2011, pp. 260–269. (In Russ.)
- Valgina N. S. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke. Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [Active processes in modern Russian. A textbook for university students]. Moscow, Logos Publ., 2003. 304 p.
- Zamaldinov V. E. [Neoplasms as a reflection of the current epidemic situation in the world]. *Russkij yazyk v shkole*, 2020, vol. 81, no. 5, pp. 55–60. (In Russ.)
- Zamaldinov V. E., Horiguchi D. [“Coronavirus” neoplasms in the language of media and Internet communications]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Issue 2. Yazykoznaniye*, 2021, vol. 20, no. 5, pp. 141–152. (In Russ.)
- Zemskaya E. A. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word formation as an activity]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 224 p.
- Zemskaya E. A., Kitaigorodskaya M. V., Shiryayev E. N. *Russkaya razgovornaya rech': Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian colloquial speech: General questions. Word formation. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 276 p.
- Zimina L. O. [Compressive word formation in advertising]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no. 22, pp. 50–53. (In Russ.)

Куда ни кинь — всюду идиома: о семантической эволюции одного устойчивого выражения

Дарья Сергеевна Харламова¹, Татьяна Исидоровна Резникова²,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Москва),
dasha.kh18@gmail.com¹, tanja.reznikova@gmail.com²

DOI: 10.31857/S0131611724060033

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена диахроническому исследованию устойчивого выражения *куда ни кинь* на материале Национального корпуса русского языка. В работе выделяются два его значения: (1) визуальное ('куда ни посмотри') и (2) ментальное ('о чем ни подумай'). Корпусные данные свидетельствуют о том, что первой в активное употребление вошла более абстрактная семантика (2). Если исходить из того, что значение (1) появилось из (2), то развитие *куда ни кинь* противоречит классической теории метафоры, подразумевающей осмысление абстрактного через конкретное. Обратившись к истории близких выражений *как ни кинь*, *куда ни кинь глазом/взгляд*, а также пословицы *куда ни кинь, всюду клин* мы предположили, что причина данного противоречия кроется в контаминации нескольких конструкций. Изначально *куда ни кинь* стало употребляться как самостоятельное выражение в результате опущения второй части пословицы и унаследовало от нее ментальную семантику. Новый этап развития был связан с появлением эллиптического варианта конструкции *куда ни кинь (глазом/взгляд)*, которая, в свою очередь, характеризовалась визуальным значением. Таким образом, порядок формирования значений *куда ни кинь* отражает не семантическое развитие от абстрактного к конкретному, а формальное совпадение в одном выражении разных конструкций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семантика конструкций, конструкции в диахронии, метафора, контаминация, грамматика конструкций

для цитирования: Харламова Д. С., Резникова Т. И. *Куда ни кинь* — всюду идиома: о семантической эволюции одного устойчивого выражения // Русская речь. 2024. № 6. С. 34–51. DOI: 10.31857/S0131611724060033.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена по результатам проекта «Diachronicon» при поддержке Фонда академического развития Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2022–2024 годах.

Issues of Modern Russian Language

On the Semantic Evolution of *Kuda ni Kin'*

Darya S. Kharlamova¹, Tatiana I. Reznikova², HSE University (Russia, Moscow),
dasha.kh18@gmail.com¹, tanja.reznikova@gmail.com²

ABSTRACT: The paper concerns the semantic evolution of the Russian expression *kuda ni kin'* on the material of the Russian National Corpus. On the synchronic level, this expression has two distinct meanings: visual (1) 'wherever you look' and mental (2) 'whatever you think about'. Corpus data show that more abstract semantics (2) came into use first. This might suggest that, contrary to the widely accepted theories of metaphor, the active usage of the more abstract meaning (2) preceded a more concrete meaning (1). After studying the development of lexically closely related expressions *kak ni kin'*, *kuda ni kin' glazom/vzgl'ad* and the proverb *kuda ni kin', vs'udu klin* with the data acquired from Russian corpora, we come to the conclusion that *kuda ni kin'* must have inherited its abstract meaning from the proverb, and later on it must have undergone a contamination process with the expression *kuda ni kin' (glazom/vzgl'ad)*, thus causing both the unexpected homonymy between the expressions and the uncharacteristically late upsurge of contexts with the meaning (1). Initially, *kuda ni kin'* began to be used as an independent expression as a result of the omission of the second part of the proverb and inherited mental semantics from it. A new stage of its development was associated with the emergence of an elliptical variant of the construction

kuda ni kin' (*glazom/vzgl'ad*), which, in turn, was characterized by visual semantics. Thus, the order in which the meanings of *kuda ni kin'* were formed reflects not the semantic development from abstract to concrete, but the formal coincidence of different constructions in one expression.

KEYWORDS: construction semantics, diachrony, metaphor, contamination, Construction Grammar

FOR CITATION: Kharlamova D. S., Reznikova T. I. On the Semantic Evolution of *Kuda ni Kin'*. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 6. Pp. 34–51. DOI: 10.31857/S0131611724060033.

ACKNOWLEDGEMENT: This work was supported by the Academic Development Foundation of the Faculty of Humanities, HSE University in 2022–2024, Project “Diachronicon”.

1. Введение

Со времен классической работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980] в теоретической литературе о метафоре прочно утвердилось представление о том, что ее роль не сводится к приданию выразительности художественному тексту. Ее более значимая функция связана с восприятием и категоризацией действительности: «Сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода» [Лакофф, Джонсон 2004], ср. известные модели ARGUMENT IS WAR, TIME IS MONEY и многие другие.

Общим свойством для всех этих моделей является то, что область, которая осмысляется в терминах другой области, представляет более абстрактную сферу человеческой жизни, чем та, через которую она осмыляется. Так, спор (ARGUMENT) не предполагает зрительно воспринимаемых действий, которые включает в себя война (WAR). Такое соотношение закономерно: метафора позволяет «осваивать» более сложные сущности и явления через более простые, связанные с нашим визуальным опытом, т. е., согласно классической теории концептуальной метафоры, значения лексических единиц развиваются от более конкретных к более абстрактным. Тем интереснее оказываются случаи, когда диахронический анализ выявляет обратную эволюцию — от абстрактной семантики к физическому значению — или же когда абстрактные употребления хронологически предшествуют более конкретным. В данной статье мы подробно рассмотрим случай такого рода на примере устойчивого выражения *куда ни кинь*.

Можно было бы думать, что неоднословные выражения как не вполне стандартный класс лексических единиц демонстрируют особые модели семантических сдвигов. Тем не менее исследования в рамках проекта по

созданию базы данных «Диахроникон», посвященной истории изменения конструкций на материале НКРЯ [Буденная и др. 2023], свидетельствуют о том, что устойчивые выражения в целом тоже эволюционируют в сторону большей абстрактности.

Так, конструкция *хоть пруд пруди*, обозначающая большое количество объекта, в текстах XIX в. описывает материальные сущности, ср. *невестами / дворянами / пушками хоть пруд пруди*, тогда как в современном употреблении — уже в рамках перестроенной генитивной модели — встречаются зависимые с абстрактной семантикой, ср. *банальностей / времени / убеждений хоть пруд пруди*, ср. [Klezovich, Golosov 2018].

Таким образом, семантическое развитие конструкции *куда ни кинь* оказывается необычным и на фоне неоднословных выражений. Задача настоящей статьи — проследить эволюцию конструкции по данным НКРЯ и выявить причины этой необычности.

2. Два значения *куда ни кинь*

В словаре [Ожегов, Шведова 1997] для *куда ни кинь* приводятся два значения:

- 1) как ни прикидывай, как ни думай, как ни старайся;
- 2) куда ни посмотришь, на что ни обратишь внимание, повсюду, везде.

Выделяемые значения характеризуются разной степенью абстрактности: первое более абстрактно и предполагает взаимодействие с нематериальным миром мыслей и чувств, а второе более конкретно и описывает ситуацию зрительного восприятия реального мира, сопряженную с физическим действием (поворот головы, направление взгляда в разные стороны).

В обоих значениях внутренняя форма выражения построена на метафоре. Глагол *кинуть*, который исходно обозначает каузацию движения (т. е. действие, приводящее к движению объекта) и применяется к материальным сущностям (ср. *кинуть мяч*), в составе конструкции *куда ни кинь* употребляется в отношении объекта нематериального — мысли (значение 1) или взгляда (значение 2). Примечательно, что несмотря на переходность глагола валентность объекта в составе конструкции остается незаполненной¹, так что в каждом случае только контекст позволяет определить, идет ли речь о мыслительной деятельности, ср. (1), или о визуальном восприятии (2).

¹ В рамках данной работы сочетания вида *куда ни кинь глаз/взгляд* рассматриваются как отдельная конструкция (подробнее см. Раздел 4).

- (1) Подумав об этом, Вера поймала себя на мысли: **куда ни кинь**, везде упрешься в нынешний день. [Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019]
- (2) Было непонятно, куда пролетарий собирается обрушить свой гневный снаряд — **куда ни кинь**, всюду были одни видеооператоры. [Виктор Пелевин. Бэтман Аполло (2013)]²

В словаре [Ожегов, Шведова 1997], как мы видели, в качестве первого приводится более абстрактное (ментальное) значение, однако в соответствии с теорией концептуальной метафоры — если исходить из того, что одно значение появилось из другого путем семантического сдвига, — исторически более ранней должна была быть более конкретная (визуальная) семантика. Для того чтобы проверить, какое из двух значений появилось раньше, обратимся к материалам НКРЯ (более подробно о принципах отбора данных см. Раздел 4) и проанализируем контексты, содержащие конструкцию *куда ни кинь*, распределив разные вхождения по годам и значениям.

Таблица 1. Динамика значений *куда ни кинь*
Table 1. Change in semantics of *kuda ni kin'*

Период времени	1851–1900 гг.	1901–1950 гг.	1951–2000 гг.	После 2000 г.
Ментальный контекст, %	100 (87,5) ³	50 (50)	70 (64)	58 (55)
Визуальный контекст, %	0 (12,5)	50 (50)	30 (36)	42 (45)
Общее количество вхождений	3 (8)	4 (22)	34 (56)	117 (208)

Необходимо сразу оговорить, что крайне ограниченное количество примеров, относящихся к периоду до 1950 года (в НКРЯ их всего семь: три во второй половине XIX в. и четыре в первой половине XX в.), делает наблюдения за статистикой распределения значений в этот период не очень надежными. Тем не менее, как нам кажется, с учетом всего массива данных некоторые тенденции наш материал все же позволяет проследить. В частности, заметим, что все примеры из НКРЯ, относящиеся к XIX в., задают ментальную, а не визуальную интерпретацию. Первое вхождение «визуального» контекста в НКРЯ относится только к 1923 году. Кроме того, на последнем временном интервале (после 2000 г.) доля визуальных контекстов оказывается выше, чем во второй половине XX в.

² Здесь и далее, если не указано иное, примеры взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ): <https://ruscorpora.ru/>.
³ Здесь и далее перед скобками приводятся данные по НКРЯ, в скобках — статистика с учетом корпуса Google Books.

Чтобы проверить тенденции, выявленные по данным НКРЯ, были дополнительно задействованы материалы корпуса Google Books. Если учитывать вхождения, найденные там, количество примеров для второй половины XIX в. увеличивается до восьми, но преобладание доли ментальных контекстов в этот период сохраняется. В корпусе Google Books встретился лишь один «визуальный» пример, относящийся к XIX в.:

(3) *«Съ виду хоть высокій ростомъ, да плюгавый такой, красноносый, красноглазый, галстукъ табакомъ засыпанъ, сертучишка — цвѣту не видать. Шваль, однимъ словомъ, куда ни кинь»* [Иллюстрация Еженедѣльное обозрѣние. Томъ десятый, 1862]

Не нарушают контексты из Google Books и наши наблюдения, относящиеся к двум последним временным интервалам: мы по-прежнему можем отметить, что после 2000 года доля употреблений в визуальном значении оказывается выше, чем во второй половине XX в.

Несколько выбивается из общей тенденции период с 1901 по 1950 гг., в котором количество употреблений в визуальном и ментальном значениях оказывается одинаковым. Однако по крайней мере для НКРЯ эта статистика — ввиду малого числа примеров в этот период — непоказательна, и в любом случае тенденция, согласующаяся с существенно более обширным материалом двух последних периодов, представляется нам более значимой.

Таким образом, корпусные данные позволяют предположить, что визуальное значение развивается позже ментального, т. е. более конкретная семантика возникает вслед за более абстрактной. Если это верно, то семантическая эволюция конструкции *куда ни кинь* как будто бы нарушает принцип, предложенный Дж. Лакоффом. Чтобы понять, почему так происходит, обратимся к истории выражений, сходных с *куда ни кинь* по форме и содержанию. Сопоставив их развитие, мы попытаемся выяснить, чем мотивировано необычное изменение семантики исследуемой конструкции. Сначала мы привлечем словарный материал и определим круг близких выражений (Раздел 3), а затем рассмотрим корпусные данные, отражающие историю их эволюции (Раздел 4).

3. Данные словарей

В толковых и фразеологических словарях русского языка наряду с *куда ни кинь* фиксируются выражения:

1. *куда ни кинь/кинешь + глазом/взгляд* (в дальнейшем для краткости будем называть эту конструкцию *куда ни кинь + NP*)
2. *как ни кинь*

Любопытно, что лексикографические описания распределяют эти выражения между теми двумя значениями, которые мы отмечали для *куда ни кинь*, а именно:

- *как ни кинь* имеет только толкование, связанное с ментальным планом: «как ни прикидывай, как ни думай, как ни старайся» [Ожегов, Шведова 1997: 272], «что ни думай, как ни прикидывай» [Федоров 2008: 292];
- *куда ни кинь глазом* / *куда ни кинешь глазом* трактуется как имеющее преимущественно визуальный смысл: «повсюду» [Евгеньева 1961/1985: 314], «куда ни посмотри, взгляни» [Молотков 1968: 197], «везде, повсюду» [Кузнецов 1998: 428], «вокруг, повсюду, везде» [Федоров 2008: 292–293].

При этом для исследуемого нами выражения *куда ни кинь*, как мы отмечали в Разделе 2, словарь [Ожегов, Шведова 1997] фиксирует сразу оба значения. Другие словари или следуют той же стратегии, или приводят только ментальное — т. е., по-видимому, *куда ни кинь* традиционно в большей степени ассоциировалось с ментальным значением, чем с визуальным, что, в свою очередь, может указывать на первичность ментального. Для наглядности представим формулировки толкований, приводимых в различных словарях, в виде таблицы.

Таблица 2. Словарные толкования *куда ни кинь*
Table 2. Dictionary definitions for *kuda ni kin'*

Источник	Визуальный смысл	Ментальный смысл
[Молотков 1968]		«что ни возьми, к чему ни обратиться»
[Ожегов, Шведова 1997]	«куда ни посмотришь, на что ни обратишь внимание, повсюду, везде»	«как ни прикидывай, как ни думай, как ни старайся»
[Шведова 1998]	«куда ни посмотришь, повсюду, везде»	«как ни прикидывай, как ни думай, как ни старайся»
[Мокиенко, Никитина 2007]		«что ни возьми, к чему ни обратиться»
[Федоров 2008]	«вокруг, повсюду, везде»	«за что ни возмись, к чему ни обратиться»

Итак, согласно словарным данным, специфика *куда ни кинь* в сравнении с близкими по форме выражениями состоит в его многозначности. При этом точное совпадение двух значений *куда ни кинь* со значениями структурно сходных единиц наводит на мысль, что исследуемая нами конструкция могла подвергнуться их влиянию. Попытаемся проверить это, обратившись к материалам НКРЯ.

4. Корпусные данные: отбор и разметка

Прежде чем перейти к анализу корпусных данных, остановимся подробнее на том, как они были получены и обработаны. Основу нашего материала составили контексты из полной выдачи ряда подкорпусов НКРЯ (основного, акцентологического, газетного и параллельных) по запросам «куда ни кинь», «как ни кинь», «куда ни кинешь», «как ни кинешь». Из выдачи были исключены:

- 1) примеры, в которых *куда ни кинь* могло быть использовано в прямом значении:

(4) *Раздобыла зеркало, кинула в стакан кольцо, зажгла свечку и стала «колдовать».* **Как ни кинь** — выходило скорое замужество. [Чудеса сбываются на святки // Труд-7, 2002.01]

- 2) примеры, цитирующие уже учтенные источники:

(5) *Хранит молчание — почему не идет на выборы?* **Куда ни кинь** — **всюду клин!** [Забыть о химере по имени совесть // Известия, 2004.01]

(6) *Хранит молчание — почему не идет на выборы?* **Куда ни кинь** — **всюду клин!** [Давние традиции «транспортников» // Известия, 2004.01]

- 3) примеры, в которых задействована неоднозначно интерпретируемая языковая игра:

(7) **Куда ни кинь**, / *Клин* — / *Клином вышибать*: / *Ядрена мать*. [Г. Н. Оболдуев. «Куда ни кинь...» (21.05.1931)]

Итоговый объем корпуса составил 547 примеров. Они были разделены на два подкорпуса: один состоял из вариантов пословицы *куда ни кинь, всюду клин* (168 примеров), второй включал в себя самостоятельные выражения: *куда ни кинь*, *как ни кинь*, *куда ни кинь* + *NP* (379 примеров). Второй подкорпус был размечен по следующим параметрам:

- временной период — для каждого примера отмечалось, к какому из выделенных нами интервалов он относится:
 - до 1850 года (включительно),
 - 1851–1900 гг.,
 - 1901–1950 гг.,
 - 1951–2000 гг.,
 - 2001 год и позже.
- семантика — для каждого примера указывалось, какое из двух обобщавшихся выше значений он реализует: визуальное (относится к реальным или потенциально реальным ситуациям, физическим объектам, ср. (8)) или ментальное (относится к ощущениям, идеям, планам, ср. (9)).

- (8) *Куда ни кинь* — / Заросли сырого хлеба / Щиплет хворая полынь.
[Г. Н. Оболдуев. «Проживал в Москве. / Однако...» (1929.01.25)]
- (9) *Как только, говорит, приеду — так сейчас же для вас очищу... либо, говорит, тут же выдвину вас подальше... А мне что? Куда ни кинь, все выходит хорошо...* [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Три конца (1890)]

Подготовленная таким образом база примеров включает в себя три фрагмента, соответствующих трем сравниваемым выражениям:

- А. *куда ни кинь* (без зависимых слов),
- В. *куда ни кинь* + *NP*,
- С. *как ни кинь*.

Результаты анализа фрагмента А были представлены в Разделе 2 (см. Табл. 1), о фрагментах В и С речь пойдет в следующем разделе.

5. Анализ результатов

Как мы видели, согласно лексикографическим источникам, выражение *куда ни кинь* характеризуется двумя значениями, тогда как конструкции *как ни кинь* и *куда ни кинь* + *NP* специализируются на одном из этих двух значений. Корпусные данные, описанные в Разделе 2, подтверждают, что *куда ни кинь* в текстах XX–XXI вв. выступает в двух разных значениях. Проверим теперь, действительно ли близкие по форме конструкции тяготеют в каждом случае только к одному типу употреблений: *как ни кинь* — к ментальному, а *куда ни кинь* + *NP* — к визуальному.

Таблица 3. Значения *как ни кинь*
Table 3. Meanings of *kak ni kin'*

Период времени	До 1850 г.	1851–1900 гг.	1901–1950 гг.	1951–2000 гг.	После 2000 г.
Ментальный контекст, %	n/a (100)	100	100	100	100
Визуальный контекст, %	n/a	0	0	0	0
Общее количество вхождений	0 (1)	5 (13)	2 (18)	6 (30)	16 (74)

Для *как ни кинь* словарные данные полностью подтверждаются корпусом: это выражение действительно не встречается в визуальном значении. Возможно, его ментальная интерпретация отчасти мотивирована присутствием слова *как*, которое, в отличие от *куда*, связано с образом действия, а не с физическим направлением движения.

Интересно, что, согласно данным НКРЯ, *как ни кинь* никогда не присоединяло к себе зависимых слов. Примечательно также, что и *как ни кинь*, и *куда*

ни кинь входят в активное употребление примерно в одно и то же время: ни то, ни другое выражение не встречаются в первой половине XIX в.

Обратимся теперь к группе конструкций вида *куда ни кинь* + NP. Распределение их значений по временным периодам представлено в Табл. 4.

Таблица 4. Значения *куда ни кинь* + NP

Table 4. Meanings of *kuda ni kin'* + NP

Период времени	До 1850 г.	1851–1900 гг.	1901–1950 гг.	1951–2000 гг.	После 2000 г.
Ментальный контекст, %	14 (6)	0 (0)	5 (1)	9 (2,5)	6 (1,5)
Визуальный контекст, %	86 (94)	100 (100)	95 (99)	91 (97,5)	94 (98,5)
Общее количество вхождений	7 (16)	8 (63)	22 (77)	35 (112)	55 (211)

Для *куда ни кинь* + NP картина оказывается не столь однозначной, как в случае *как ни кинь*, хотя и здесь предсказанное словарем значение существенно преобладает: доля визуальных контекстов составляет не менее 86%. Отсутствие в лексикографических источниках ментального значения, отмечаемого — пусть и спорадически — в корпусе, объясняется просто: в словарях фиксируется только конструкция с зависимыми существительными *глазом/взгляд/взор*, которая вполне ожидаемо указывает на визуальную интерпретацию выражения. Ментальная семантика свойственна сочетаниям с существительными *мысль, дума* — эти имена также выступают в составе рассматриваемой конструкции, но не отражены в словарях (см. пример (10)).

(10) *Размышлять грустно: куда ни кинь* свою думу, везде дурно, непостоянно, коловратно. [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни... / Часть 4 / 1791–1798 (1791–1822)]

Таким образом, семантика выражений вида *куда ни кинь* + NP однозначно определяется семантикой зависимого. Но при этом доля контекстов с «ментальными» именами крайне мала, так что конструкция ассоциируется прежде всего с визуальной семантикой и соответствующими зависимыми (о чем свидетельствует и лексикографическая практика). Между тем, если начальная часть конструкции устойчиво связана с определенным продолжением, то диахронически это может привести к необязательности «предсказуемого» элемента, и тогда начальная часть «берет на себя» семантику целой конструкции, ср. здесь возникновение у глагола *болтать* значения малосодержательного разговора в результате сокращения устойчивого сочетания *болтать языком*.

По-видимому, сходную эволюцию претерпело и интересующее нас выражение *куда ни кинь* + *NP*: ожидаемый зависимый компонент — слово семантического ряда ‘взгляд’ — опускается, и эллиптическая конструкция *куда ни кинь* продолжает выражать визуальное значение ‘куда ни посмотри’. Но это новое эллиптическое сочетание оказывается омонимичным с уже существовавшим в языке безобъектным *куда ни кинь*, которое выражало ментальное значение.

Представляется, что именно этим совпадением двух разных выражений в одной формальной структуре и объясняется, во-первых, полисемичность *куда ни кинь* (при моносемичности близких выражений *как ни кинь* и *куда ни кинь* + *NP*) и, во-вторых, тот нестандартный порядок появления значений, который послужил отправной точкой нашего исследования, а именно, развитие более конкретного значения после более абстрактного.

По всей вероятности, выражение *куда ни кинь* на более раннем этапе своего функционирования имело только ментальное значение и тем самым было близким аналогом для *как ни кинь*. Однако выпадение из другой конструкции — *куда ни кинь* + *NP* — зависимого компонента с семантикой ‘взгляд’ привело к появлению формально у того же выражения второго — визуального — значения. Тем самым получается, что визуальное значение чисто хронологически появилось действительно позднее, чем ментальное, но сформировалось независимо от первого. Синхронная полисемия стала следствием омонимии двух разных выражений, одно из которых было вариантом для *как ни кинь*, а второе — эллиптическим аналогом для *куда ни кинь* + *NP*. В этом смысле вполне закономерно, что лексикографическое описание *куда ни кинь*, как мы обсуждали в Разделе 3, в одном из значений совпадает с толкованием *как ни кинь*, а в другом — с *куда ни кинь глазом*.

Итак, на основе диахронических корпусных данных мы установили, как выражение *куда ни кинь* стало полисемичным, выяснили природу его синонимии с *куда ни кинь* + *NP* и убедились, что семантическая эволюция нашей конструкции не нарушает принципы классической теории метафоры. Однако непросященными в истории *куда ни кинь* остались пока процессы, имевшие место на более ранних этапах становления выражения — происхождение его ментального значения и истоки его вариативности с *как ни кинь*. К обсуждению этого сюжета мы обратимся в следующем разделе.

6. *Куда ни кинь, всюду клин*

Внутренняя форма *куда ни кинь* в визуальном значении, если учитывать выпадение элемента с семантикой ‘взгляд’, легко поддается интерпретации: в ее основе лежит метафора взгляда как физического объекта, который можно *кинуть*. Заметим, что эта метафора реализуется и за

пределами нашей конструкции, т. е. сочетания вида *кинуть взгляд/взор/ глаза/глазом* встречаются в различных контекстах как синоним глагола *посмотреть*, ср.:

(11) *Левин кинул глазами направо, налево, и вот пред ним на мутно-голубом небе, над сливающимися нежными побегами макушек осин показалась летящая птица.* [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]

Для ментального значения внутренняя форма менее прозрачна. Развитие в этом случае не сводится к тем процессам, которые мы наблюдали для визуальной семантики: объекты ряда 'мысль' при глаголе *кинуть*, как мы отмечали, крайне редко встречаются в составе конструкции *куда ни кинь* + NP и вовсе не употребляются при *как ни кинь* или вне рассматриваемых оборотов. Иными словами, идиомы *куда ни кинь* в ментальном значении и *как ни кинь* возникли не в результате опущения объекта.

Чтобы восстановить историю появления этих конструкций, вернемся к тому подкорпусу в нашей базе примеров, который мы отложили на предыдущем этапе исследования (см. Раздел 3) — вариантам пословицы *куда ни кинь, всюду клин*.

В словаре [Шведова 1998: 147] начальная часть этой пословицы приводится в двух вариантах, которые как раз соответствуют нашим ментальным конструкциям, ср.: «*как (куда) ни кинь, всё клин* — посл. о безвыходности создавшегося положения». Вариативность начальной части отмечена и в [Даль 1862], где эта пословица фиксируется впервые, ср. приводимые варианты *Куда ни кинь, так клин*, *Как ни кинь, а всё клин*, см. [Даль 1865: 732].

Происхождение пословицы обычно связывают с распределением земельных участков в крестьянской общине, которое осуществлялось по жребию. Изначальная идея высказывания, согласно этой гипотезе, связана с представлением о бесполезности бросания жребия: как его ни кинь, все равно хорошего участка не получишь, достанется лишь узкий клин земли [Фелицына, Прохоров 1979]. В переносном употреблении пословица распространилась на любые случаи, в которых предпринимать что-л. бессмысленно, так как выхода из сложившейся ситуации не добьешься — в этом значении пословица и зафиксирована в НКРЯ:

(12) *Правду сказать, с полгоря и писать им на раздолье и в таком кляпке событий, а для меня куда ни кинь, так клин: то того нет, то другого нельзя, ни источников, ни досуга, а воображение под утюгом.* [А. А. Бестужев-Марлинский. Письма (1830–1837)]

(13) *И выхода нет, ничего не придумаешь, — куда ни кинь, везде клин...* [П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая (1871–1874)]

(14) *И распускать нельзя, и без движения оставлять нельзя дивизию, нельзя и перебрасывать: куда ни кинь — все клин.* [Д. А. Фурманов. Мятеж (1924)]

В примерах выше говорящий перебирает в уме разные возможные решения проблемы, варианты выхода из текущей ситуации, но понимает, что ни одно решение не позволит справиться с возникшими трудностями. Этот мысленный перебор, как кажется, и лег в основу ментальной семантики выражений *как ни кинь* и *куда ни кинь*, которые, соответственно, возникли в результате опущения второй части пословицы. Тем самым ментальное значение, как и визуальное, стало следствием эллипсиса «ожидаемой части» конструкции, но здесь факультативным становится не зависимый элемент, а клауза в составе пословицы.

Чтобы проверить эту гипотезу, проследим за динамикой использования пословицы по данным НКРЯ. Обратим внимание, что ее значение достаточно стабильно на протяжении всей истории употребления, но вид, в котором она воспроизводилась, претерпевал множество изменений.

Первая строка Таблицы 5 отражает динамику употребления пословицы в абсолютных цифрах: здесь представлено количество контекстов с пословицей по отношению к общему числу примеров нашего корпуса для этого периода (т. е. всех случаев использования выражений *куда ни кинь/кинешь* и *как ни кинь*). Во второй строке это же отношение дано в процентах.

Как мы видим, в период до 1850 года пословица использовалась больше чем в половине случаев. Между тем, из таблиц 1 и 3 следует, что *куда ни кинь* и *как ни кинь* в этот период не встречаются (хотя *куда ни кинь* + *NP* в это время вполне употребимо). В дальнейшем доля пословиц постепенно падала, тогда как частотность идиом *как ни кинь* и *куда ни кинь* применительно к ментальным контекстам росла.

Таким образом, сразу несколько фактов могут свидетельствовать о том, что идиомы *как ни кинь* и *куда ни кинь* в ментальном значении восходят к пословице: во-первых, вариативность *как* и *куда* в начальной части пословицы хорошо соотносится с двумя формами идиомы; во-вторых, снижение частотности пословицы происходит на фоне появления *как ни кинь* и *куда ни кинь* в независимом употреблении, причем оба выражения входят в обиход примерно в одно и то же время (см. Раздел 5); наконец, ментальная семантика этих идиом явно воспроизводит значение пословицы. Интересно, однако, что в отрыве от второй части пословицы семантика *как/куда ни кинь* расширяется: если пословица предполагала только «отрицательный исход», т. е. сообщала о том, что любая попытка что-л. предпринять оборачивается неудачей, то идиомы, хотя и редко, но встречаются также и в положительных контекстах, ср. (9) выше.

Итак, историю соотношения всех рассмотренных нами выражений можно кратко суммировать в виде Таблицы 6.

Таблица 5. Динамика употреблений пословицы
Table 5. Change in use of the proverb

	До 1850 г.	1850–1900 гг.	1900–1950 гг.	1950–2000 гг.	После 2000 г.
Общее количество пословиц по отношению к общей выборке за период	9/16	28/51	20/51	41/111	66/318
Процент пословиц	56	55	40	37	21
Варианты пословицы ⁴	— куда ни кинь, всё клин (4) — куда ни кинь, так клин (3) — как ни кинь, всё клин (2)	— куда ни кинь, всё клин (8) — как ни кинь, всё клин (8) — куда ни кинь, везде клин (4) — как ни кинь, всё будет клин (2) — куда ни кинь, всюду клин (2)	— куда ни кинь, всё клин (8) — куда ни кинь, везде клин (5) — как ни кинь, всё клин (4) — куда ни кинь, всюду клин (2)	— куда ни кинь, всюду клин (21) — куда ни кинь, везде клин (10) — куда ни кинь, всё клин (7)	— куда ни кинь, всюду клин (46) — куда ни кинь, везде клин (8) — куда ни кинь, повсюду клин (4) — куда ни кинь, всё клин (4)

⁴ Ради краткости приведены варианты с частотностью выше 1.

Таблица 6. Эволюция употребления куда ни кинь
Table 6. Change in use of куда ни кинь

Этап и дата первого вхождения в корпус	Событие	Пример
1-й этап	Употребление поговороц как ни кинь, всё клин	
2-й этап 1770 г.	Начинает употребляться выражение куда ни кинь + NP, которое, как правило, относится к физической реальности и используется для указания на зрительно воспринимаемые объекты.	(15) Где ты из терема, куда ни кинешь взоры, повсюду мирное свое владенье зришь. [М. Н. Муравьев. Сельская жизнь... (1770–1779)]
3-й этап 1862 г.	Под влиянием поговороц как/куда ни кинь, всё клин появляется выражение как/куда ни кинь, которое относится к ментальному плану. С течением времени частотность этого выражения по отношению к пословице растет.	(16) Как ни кинь, все дурно [А. Н. Островский. Грех да беда на кого не живет (1862)] (17) Куда ни кинь, все выходит хорошо [Г. И. Недетовский (О. Забытый). Родня (1880)]
4-й этап 1923 г.	Выражение куда ни кинь + NP упрощается и теперь не обязательно требует при себе зависимого существительного, сохраняя при этом визуальную семантику.	(18) И куда ни кинь — все торьмы да остроги, / И куда ни глянь — все могли да кресты [Н. Н. Алл. «Эх, Москва, Новгород Великий да Суздаль...» (1923)]

7. Заключение

Таким образом, мы проследили историю развития конструкции *куда ни кинь*. Согласно большинству словарей, это устойчивое выражение обладает двумя значениями: одно ориентировано на визуальный план, другое — на ментальный. Если считать, что два употребления связаны отношением семантической деривации, то в рамках классической теории метафоры следовало бы предположить, что визуальная семантика должна быть исходной для более абстрактной ментальной. Тем не менее корпусные данные свидетельствуют об обратном: первым в активное употребление вошло именно более абстрактное значение. Для того чтобы объяснить это нарушение, мы проследили историю самой фраземы *куда ни кинь*, а также близких выражений *как ни кинь*, *куда ни кинь* + *NP* и пословицы *куда ни кинь, всюду клин* с ее разнообразными вариантами. Мы предположили, что *куда ни кинь* и *как ни кинь* сначала унаследовали направленность на «ментальные» контексты от пословицы, а *куда ни кинь* впоследствии аккумулировало как значение, присущее пословице и выражению *как ни кинь*, так и значение, свойственное конструкции *куда ни кинь* + *NP*. На основании этого предположения мы выстроили вероятный путь семантической эволюции выражения *куда ни кинь*.

Правда, на ранних этапах своего функционирования конструкция *куда ни кинь* представлена в корпусе лишь единичными примерами. Возможно, доступ к большему объему языкового материала позволил бы уточнить некоторые выдвинутые нами гипотезы. Интересно было бы также проследить судьбу выражений, чуть дальше отстоящих от интересующей нас конструкции, чем проанализированные нами *как ни кинь* и *куда ни кинь* + *NP*, но также связанных с ней по внутренней форме (ср. *кинуть взгляд, куда ни брось*).

И тем не менее рассмотренный материал позволил нам удовлетворительно объяснить один из случаев полисемии, кажущейся на первый взгляд исключением из классической теории метафоры. Изученные данные, таким образом, лишний раз подчеркивают, что семантическая эволюция лексем и конструкций происходит не в вакууме: выражение может меняться не только в силу внутренних причин, но и за счет внешнего влияния со стороны других лексических единиц.

Источники

Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1862. 1095 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М.: Издание Общества Любителей Российской Словесности, учрежденного при Императорском Московском Университете, 1865. 722 с.

Литература

- Буденная Е. В., Бажуков М., Баркова Л., Харламова Д., Дугричилов А., Резникова Т., Яковлева А., Литвинцева К., Андреева А. Диахроникон: новый ресурс для изучения русских конструкций в микродиахронической перспективе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Дополнительный том 22, 2023. С. 1041–1051.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. В 4 т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961. (3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1985.) Т. 1. 696 с.
- Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Мокиенко В. М. (ред.). Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 784 с.
- Молотков А. И. (ред.). Фразеологический словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1968. 543 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.10.2024).
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
- Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, 2008. 828 с.
- Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. М.: Русский язык, 1988. 272 с.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Русский семантический словарь. Т. 2. М.: Азбуковник, 1998. 762 с.
- Klezovich A. G., Golosov F. V. The Database "Phrasal Diachronicon": constructional change in Russian expressions with quantitative semantics // Constructional semantics: Cognitive, functional and typological approaches. Helsinki, 2018. Pp. 48–49.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.

References

- Budennaya E. V., Bazhukov M., Barkova L., Kharlamova D., Dugrichilov A., Reznikova T., Yakovleva A., Litvintseva K., Andreeva A. [Diachronicon: a new resource for the study of Russian constructions in a microdiachronic perspective]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies]. Additional volume 22, 2023, pp. 1041–1051. (In Russ.)

- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka. V 4 t.* [The dictionary of Russian language. In 4 vols.]. Moscow, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1961. (Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1985.) 696 p.
- Fedorov A. I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow, Astrel' Publ., 2008. 828 p.
- Felitsyna V. P., Prokhorov Yu. E. *Russkie poslovitsy, pogovorki i krylatye vyrazheniya* [Russian proverbs and fixed expressions]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1988. 272 p.
- Klezovich A. G., Golosov F. V. The Database "Phrasal Diachronicon": constructional change in Russian expressions with quantitative semantics. *Constructional semantics: Cognitive, functional and typological approaches*. Helsinki, 2018, pp. 48–49. (In Eng.)
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Big Dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1536 p.
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, University of Chicago Press, 1980. 242 p.
- Lakoff G., Johnson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p.
- Mokienko V. M. (ed.). *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok* [Big dictionary of Russian proverbs]. Moscow, "OLMA Media Grupp" Publ., 2007. 784 p.
- Molotkov A. I. (ed.). *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The dictionary of Russian idioms]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1968. 543 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 28.10.2024).
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1997. 944 p.
- Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkii semanticheskii slovar'* [Russian Semantic Dictionary]. Vol. 2. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998. 762 p.

Еще раз о происхождении рус. *супир*, *суперик* ‘перстень’

Елена Львовна Березович, Валерия Станиславовна Кучко, Уральский
федеральный университет (Россия, Екатеринбург), berezovich@yandex.ru, kuchko@inbox.ru

DOI: 10.31857/S0131611724060049

аннотация: В статье рассматривается происхождение и функционирование слова *супир* и его вариантов (*супирчик*, *суперик* и др.) со значением ‘перстень, колечко со вставкой из камня или стекла’. Эти слова прежде (в 2009 г.) уже подробно изучались И. Г. Добродомовым на страницах «Вопросов языкознания», где были представлены случаи их употребления (в основном в художественной литературе) и сделаны выводы о заимствованной природе этих слов — их происхождении от фр. *soupir* ‘вздых’ с актуализацией идеи кольца как памятного подарка. Авторы настоящей работы полагают, что этой версии недостает семантических и социолингвистических оснований, и, присовокупляя к уже имеющимся данным об использовании этих слов обширные диалектные материалы с широкой географией, предлагают версию об их исконном происхождении в рамках гнезда с корнями *нир-* / *пер-* / *пор-* (дериватов праслав. **perti*, **pyrǫ*). Таким образом, по мнению авторов, во внутренней форме этих слов отражен признак «запертости» камня в кольце, его закреплённости в нем, — существенный признак для подобных ювелирных изделий.

ключевые слова: русские народные говоры, русская лексикология, история слов, этимология, слова *супир/суперик*

для цитирования: Березович Е. Л., Кучко В. С. Еще раз о происхождении рус. *супир*, *суперик* ‘перстень’ // Русская речь. 2024. № 6. С. 52–71. DOI: 10.31857/S0131611724060049.

благодарности: Работа выполнена в рамках проекта «Взаимодействие культурно-языковых традиций: Урал в контексте динамики исторических

процессов», финансируемого Минобрнауки России (номер темы FEUZ-2023-0018). Авторы благодарят М. Э. Рут и Д. В. Спиридонова за ценные консультации при подготовке статьи.

From the History of the Russian Language

One More Time on the Origin of Russian *Supir*, *Superik* 'Ring'

Elena L. Berezovich, Valeria S. Kuchko, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg),
berezovich@yandex.ru, kuchko@inbox.ru

ABSTRACT: The article focuses on the origin and functioning of the word *supir*, which means 'a ring with a stone or glass insert', and its variants (*supirchik*, *superik*, etc.) These problems were already discussed in detail by I. G. Dobrodomov on the pages of "Voprosy jazykoznanija" in 2009. The cases of its use (mainly in fiction) were presented there and the conclusions were drawn about the borrowed nature of these words. The author argued that they originated from the French *soupir* 'sigh' which actualized the idea of a ring as a memorable gift. We believe that this version lacks semantic and socio-linguistic foundations. We add extensive dialect materials with a wide geography of fixations to the already available data on the use of these words and propose a version about their native origin within the word family *pir-* / *per-* / *por-* (derivatives of Proto-Slavic **perti*, **pyrǫ*), to which, for instance, belongs the word *zaperet* ('to lock') in modern Russian. Thus, the internal form of these words reflects that the stone 'is locked' in the ring, that is, the word focuses on the fixation of the stone in the ring, which is an essential characteristic of this piece of jewelry.

KEYWORDS: Russian folk dialects, Russian lexicology, history of words, etymology, words *supir/superik*

FOR CITATION: Berezovich E. L., Kuchko V. S. One More Time on the Origin of Russian *Supir*, *Superik* 'Ring'. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 6. Pp. 52–71. DOI: 10.31857/S0131611724060049.

ACKNOWLEDGEMENTS: The research is part of the project “Interaction of Cultural and Linguistic Traditions: the Urals in the Context of the Dynamics of Historical Processes,” funded by the Ministry of Education and Science of Russia (project number FEUZ-2023-0018). The authors thank M. E. Ruth and D. V. Spiridonov for their valuable consultations during the preparation of the article.

Слова *супи́р*, *супе́рик* (и другие варианты) ‘колечко, перстень’ отсутствуют в основных толковых словарях русского литературного языка XIX–XXI вв., но их можно найти (преимущественно как *супир*) на страницах художественной прозы XIX — первой половины XX в. Кроме того, они широко распространены (чаще как *суперик*) в народной речи (городском просторечии и говорах).

В аспектах исторической лексикологии и этимологии слово подробно изучалось И. Г. Добродомовым в статье, опубликованной в «Вопросах языкознания» [Добродомов 2009]. Мы же, используя материал этой замечательной статьи вкупе с не учтенными прежде данными, относящимися, в первую очередь, к народной речи, хотим предложить свою версию возможного происхождения слова *супир* и его вариантов.

Фиксации в художественной и специальной литературе

Ранее XIX в. слово *супир*, кажется, не отмечается, а первое упоминание датируется 1823 г. [Добродомов 2009: 94]. **Литературные контексты** с этим словом были найдены И. Г. Добродомовым с той мерой полноты, которая удивительна для неавтоматизированного поиска. Это отрывки из произведений А. А. Бестужева-Марлинского, Ю. В. Жадовской, Н. А. Лейкина, А. Н. Островского, А. И. Писарева¹, А. Ромбелинского, В. А. Соллогуба, К. М. Станюковича, В. Я. Шишкова и др. Мы смогли расширить этот перечень буквально несколькими контекстами из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Основное значение слова *супир* (уменьш. *супирчик*) — ‘**кольцо с камнем**’: «И все-таки не стерпела любопытная его рука, — достал Илья Сохатых из жилетного кармана прекрасное кольцо-супир, украдкой взглянул на самоцветный камушек» <В. Я. Шишков> (цит. по: [Добродомов 2009: 97]).

¹ Так! Речь идет о драматурге А. И. Писареве, а не критике Д. И. Писареве.

В ряде случаев *супир* означает **‘камень, вставленный в кольцо или перстень’**: «У меня никакого кольца не крали. Вот сердоликовое, вот с супирчиком, вот золотое» <В. А. Соллогуб> [Галаванова, Сороколетов (ред.) 1962: 679]. Есть указания на то, что слово могло означать и **‘камень, вставляемый в какое-либо ювелирное украшение’**, ср.: «Однажды, когда я стоял перед портретом одного из тех красавцев, которые восхищают барынь и которых они обыкновенно называют бель-омами, и любовался его победоносными глазами и цепочкой с *супиром*, мне пришла в голову мысль <...>» <И. И. Панаев> [НКРЯ].

Важно отметить, что *супир* фигурирует в текстах, которые описывают жизнь как высшего света², так и простонародья (что особо значимо в контексте нашей версии о происхождении слова, см. ниже). Так, И. Г. Добродомов подчеркивает, что украшение с *супирчиком* по карману молодому солдату, покупателю толкучего рынка: «<...> тут молодой солдатик увязался за серебряным супирчиком и шелковым женским платчишком <...>» <А. П. Голицынский> (цит. по: [Добродомов 2009: 98]). Добавим контексты, извлеченные из [НКРЯ], где слово фигурирует в форме *суперик*, а речь идет о жизни социальных низов: «Мать уедет, я отделаюсь дома и бегу к подруге, или подруга ко мне прибежит, и говорю: давай меняться! Та тоже: ну, давай. А менять-то было што? бусы, *суперик*, платок... да мало ли што?.. Ну, потом и говорю: сколь придачи? Так и менялись!.. А все эти придачи и другие слова я от матери переняла» <Ф. М. Решетников>; «А перстенок вот этот — думаешь — Костя подарил? Кулясов тоже. Евонный *суперик*. Как уезжал в Сибирь, на вокзале мне отдал. Плакал. Любил он меня» <В. Андреев>.

Что касается **специальной литературы**, то интересующее нас слово встречается (довольно редко) в трудах по ювелирному делу. Так, в книге В. И. Шапошникова о красносельских ювелирах (знаменитый поселок Красное-на-Волге в Костромской области) указано, что изготовленные там *супиры* имели очень широкое хождение: «Трудно было отыскать уже тогда³ в европейской или азиатской части страны село, деревушку, где бы женщины не носили красносельских дешевых серег-калачей, колечек-*супиров*» [Шапошников 1969: 7]. В книге [Зенкова, Ромашкина 2007: 33] речь идет о северной черни, изготавливаемой в Великом Устюге: «Записи Пробырной палатки позволяют определить перечень выпускаемой серебряниками продукции: это *супиры* (**кольца для салфеток** <выделено нами. — Е. Б., В. К.>), украшения, столовые приборы <...>». В монографиях,

² Ср.: «Жених подарил мне кольцо с бриллиантом на тоненьком ободочке, которое называли тогда *супиром*. “J’ai bien soupiré après ce bonheur”, сказал он мне, надевая кольцо на мой палец» <Е. В. Салиас-де-Турнемир (Евгения Тур)> [НКРЯ].

³ Речь идет о конце XIX — начале XX вв.

автором или соавтором которых является известный специалист по истории ювелирного дела М. М. Постникова-Лосева, слово употребляется так: «В XIX в. недорогие кольца с камнем или стеклом носили иногда название *супир*» [Постникова-Лосева и др. 1995: 36]; «В мастерской Кудрявцева <Калуга> больше всего чеканили ризы и венцы на иконы, но, кроме того, делали ювелирные украшения — золотые и серебряные перстни, кольца, “супиры”, браслеты, медальоны и серьги, а также бытовые мелочи» [Постникова-Лосева 1974: 109]. Эти скудные данные свидетельствуют в пользу того, что слово не принадлежало к специальной терминологии ювелиров, но использовалось скорее как непрофессиональное обозначение, в том числе по отношению к региональным промыслам.

То, что рассматриваемое слово выпало из поля внимания авторов основных толковых словарей русского языка, может быть признано лексикографической погрешностью, ведь количество его фиксаций в литературе (если сложить то, что найдено И. Г. Добродомовым и нами) — не менее 40. Авторы «Словаря современного русского литературного языка», обрабатывая упоминавшийся выше контекст В. А. Соллогуба («У меня никакого кольца не крали. Вот сердоликовое, вот с супирчиком, вот золотое»), приводят его на слово *сердоликовый*, но упускают статью *супирчик*. Как указывает И. Г. Добродомов [Добродомов 2009]⁴, слово было включено, кажется, только во фразеологический компендиум М. И. Михельсона «Русская мысль и речь» (первое издание — 1903–1904 гг.), а затем в словари историко-текстологического и культурно-энциклопедического плана: «Словарь к пьесам А. Н. Островского» Н. С. Ашукина, С. И. Ожегова, В. А. Филиппова, «Полузабытые слова» А. Байбурина, Л. Беловинского, Ф. Конта, «Русский историко-бытовой словарь» Л. В. Беловинского, «Редкие слова в произведениях авторов XIX в.» Р. П. Рогожниковой, «Язык старой Москвы» В. С. Елистратова. Единственный этимологический словарь, где есть изучаемое слово, — «Краткий исторический словарь галлицизмов русского языка» Н. И. Епишкина.

Фиксации в диалектной речи

В настоящее время мы располагаем значительно более широким набором диалектных фиксаций слова, чем тот, который был в распоряжении И. Г. Добродомова, поэтому позволим себе привести эти данные достаточно полно.

В говорах представлены многочисленные фонетические и словообразовательные вариации, но несомненным лидерством по распространенности

⁴ Мы провели сплошной электронный поиск по большому корпусу русских словарей (исторических, толковых, фразеологических и пр.) и пришли к тем же результатам.

обладает амур., арх., бурят., влад., вят., забайкал., иван., иркут., краснояр., кубан., курган., новосиб., перм., приамур., прибайкал., прииртыш., свердл., тобол., том., тюмен., якут., яросл. *супэрик* (*супэричек*) '**кольцо, которое обычно украшено вставкой — цветным камешком или стеклышком и носится девушкой** (реже замужней женщиной)': «Суперик — это колечко тоненькое с глазком» (новосиб.), «Блестит камешек-от, смотри — на руке суперик-от» (перм.), «Суперики деўки-те носили» (арх.), «Мужской перстень просто так и называли, а женское кольцо супериком называли» (амур.), «Уж и камушек из суперика выпал, а я всё ношу» (вят.), «В войну суперик материн сдала» (арх.), «На свадьбу-то подарков не дарили, жених суперик, перстеник значит, купит и усё» (прибайкал.), «Суперик с глазком, а колечко простое» (свердл.), «Раньше девушки суперики носили с камушками, а у женщин без камушек» (том.), «На праздник-та подарилу мне суперик залатой» (иркут.), «До свадьбы ещё подарил он мне суперик с красивым камешком и сам на палец одел» (краснояр.), «Суперик-от у тебя красивой, с красным камешком» (перм.), «Суперик — кольцо серебряное, маленькое, с глазиком» (перм.), «Я одинова нашла суперик серебряной в земле; шарик какой-то на ём был, камешочек» (перм.), «У баушки суперик был с зелёным камнем» (свердл.), «Суперики — кольца с глазками, перстни. Было у меня, девки, пять суперииков» (прииртыш.), «Ты, супериичек, супериичек Немецкого стекла. У меня, девки, болючка Хорошего отца» (курган.), «Мне не надо два супэрика, Один — да золотой. Мне не надо двух женатиков, Один — да холостой» (курган.) [Белякова (ред.) 2014: 295; Блинова (гл. ред.) 2002: 427; Бобряков 1979: 53; Востриков 2000: 26; Дружинина 2007: 126; Зверева и др. 2019: 347; Кашевская (отв. ред.) 1989: 52; Копытов и др. 2006: 233; КСГРС; ЛТЭК; Матвеев (гл. ред.) 1987: 76; Мельниченко (науч. ред.) 1990: 87; Осипов (отв. ред.) 1998: 136; Палагина (ред.) 1967: 173; Садретдинова (ред.) 1993: 205; Сметанина (ред.) 2016: 250; Сороколетов (гл. ред.) 2010: 249; Тимофеев, Тимофеева 2010: 152, 477; Федоров (ред.) 1979: 526; Фельде (Борхвальдт) (отв. ред.) 2008: 212; Филин (отв. ред.) 1983: 292; Царева 2008–2009: 164]. Отдельно выделим единственный найденный нами факт арготической природы (с пензенской привязкой): *суперик* 'перстень': «Своей шмаре я купил бы дорогой суперик, хорошенький фикус, ценную змейку, толстый обруч и рыжий чертагон» [Городин 2021: 232].

Вот перечень фонетических и словообразовательных вариантов изучаемого слова: ■ заурал., свердл., якут. *супэрик*: «Носила она отцов именной перстень, а он соперики носил» (из сказки), «И вот бросаю брошки, соперики, булавки, пуговики, — вот ворожили <...> Перстень, он же круглый, на ём ничего нет. А на соперике ещё есть вот штучка большая такая» (свердл.) [Востриков 2000: 26; Дружинина 2007: 52; Сороколетов

(гл. ред.) 2005: 330]⁵; ▪ сиб. *супэ́лик*: «Супелик он мне подарил» [Федоров (ред.) 2006: 480]; ▪ перм. *супэ́р*: «Круглы были кольца — суперы-то. Раньше камня в их таких-то не бывало» [Матвеев (гл. ред.) 1987: 75; Сороколетов (гл. ред.) 2010: 249]; ▪ краснаяр. *супэ́рень*: «Гадать я умею, обычно гадаю на суперень» [Фельде (Борхвальдт) (отв. ред.) 2008: 212]; ▪ иркут., краснаяр., прибайкал. *супэ́рник*: «Ухажёр мой чо утворил, суперник подарил» (прибайкал.) [Кашевская (отв. ред.) 1989: 52; Фельде (Борхвальдт) (отв. ред.) 2008; Сороколетов (гл. ред.) 2010: 249]; ▪ арх., влад. *супэ́рчик*: «В суперчик камень либо бусину вставляли» (арх.) [КСГРС; Сороколетов (гл. ред.) 2010: 249]; ▪ вят. *супи́рик*⁶; ▪ арх., вят., яросл. *супи́рка*, *супи́рочка*: «Супирки носили да колокольчики, перстни широкие» (арх.), «Лико, супирка-то сколь баска» (вят.), «У меня *супи́рочка* с замочком была» (яросл.) [Сметанина (ред.) 2016: 250; Матвеев 2005: 30; Матвеев 2011: 261; Мельниченко (науч. ред.) 1990: 87]; ▪ волог., костр. *супи́рчик*: «Подарил мне мил супирчик С подводным kamiшком. На миня он осердилса, Не садитса рядышком» <частушка> (костр.) [Дилакторский 2006: 489; Флоренский 1989: 80]; ▪ вят. *супи́рь*: «Супи́рь потеряла», «Одень супи́рь на палец» [Сметанина (ред.) 2016: 252].

В вариантах *сопэ́рик* (перм.) и *супэ́рик* (свердл., урал.) слово имеет также значение, метонимически связанное с первым, — **‘вставка в виде камня или стекла в кольцо, перстне’**: «Обручальные были кольца с сопери́ком или серебряные» (перм.), «Все у него было новое, а на руках перстни с супери́ками» (урал.), «Суперик красненький горит в перстеньке» (свердл.) [Зверева и др. 2019: 347; ЛТЭК; Сороколетов (гл. ред.) 2010: 249].

Говоря о **лингвогеографической привязке** изучаемых лексических единиц, отметим, что *суперик* и его варианты встречаются во всех группах русских говоров: южных, среднерусских, севернорусских и дочерних диалектах Урала, Сибири и Дальнего Востока. При этом интенсивность распространения слов различна: южная (кубанская) фиксация единична, среднерусские и севернорусские фиксации примерно уравнивают друг друга, а вот наиболее часто изучаемые лексемы встречаются на территориях вторичного заселения (урало-сибирских). Думается, это связано, главным образом, с экстралингвистическими факторами: в этих зонах добывалось больше всего драгоценных металлов и ювелирных камней, здесь осуществлялась и их обработка (что облегчало последующую «эксплуатацию»), ср. комментарий нашего среднеуральского информанта (из г. Сысерть), который не только наблюдает ношение колец с супери́ками, но и изготавливает их: «Колечки с супери́ками, вставочками были у дево́чнок,

⁵ Ср. также *сапэ́рик* забайкал. ‘кольцо, перстень’: «Саперик ей подарил, дескать, знай наших. Саперик не простой» [Сороколетов (гл. ред.) 2002: 124].

⁶ О. Б. Йокояма указывает, что слово *супирик* встречается в письмах крестьян Вятской губернии (конца XIX в.) [Йокояма 2007: 217].

а замужние бабы золотые кольца носили без камней. Суперики разные, в моей молодости аметисты больше в наших краях. Сами делали колечки своим девчонкам, а с супериком колечко трудно изладить, ремесло тонкое — камень найди, ограни, закрепляй потом — жми да не пережимай» [ЛТЭК]. Еще одно лингвогеографическое наблюдение состоит в том, что формы на *и-* (*супир-*) являются более редкими и распространены только в северновеликорусском наречии (арх., волог., вят., костр., яросл.); формы на *е-* не имеют выделенного ареала.

Версии о происхождении слова

На сегодняшний день нам известны две этимологические гипотезы, касающиеся изучаемого слова.

Первая состоит в том, что слово в форме *супир* представляет собой **искаженное сапфир**, ср. «*супир* — народное название сапфира» [Беловинский 1999: 443]. Это суждение, в основе которого — сближение внешне схожих слов, повлияло на ряд толкований значения *супира*, ср. «Супир — сапфир» [Ашукин и др. 1993: 202]; так же в популярном словаре «Язык старой Москвы» В. С. Елистратова [Елистратов 1997: 502]. Показательно, что аттракция к *сапфиру* может отражаться и за пределами собственно лингвистической литературы, ср. замечание в историческом исследовании Б. Г. Кубалова: «Супирики — кольца с сапфирами и другими цветными уральскими камнями» [Кубалов 2000: 99].

Эту версию подробно и убедительно опроверг в не раз упоминавшейся статье И. Г. Добродомов. На основании контекстов с формами *супир* и *супирчик*, в т. ч. *бриллиантовый*, *изумрудный супир(чик)*, встретившихся в литературе, автор показывает, что слово обозначает перстень со вставкой из какого-либо драгоценного, поделочного камня или стекла в отличие от кольца без всяких вставок [Добродомов 2009: 93–94]. Диалектные факты, рассмотренные нами в значительно более полном, чем у Добродомова, объеме, тем более не дают выходов на сапфир (особенно если учесть, что в народной речи преобладает форма с ударным *е*, вовсе далекая от названия драгоценного камня). Несмотря на то что слово *сапфир* в народной речи и вообще на начальном этапе своего бытования в русском языке действительно имело многочисленные фонетические модификации⁷, среди них не встречается вариант **супир* 'сапфир' (мы проверяли как большой корпус словарей, так и специализированную минералогическую литературу).

Есть еще одно важное обстоятельство, которое стоит добавить к аргументации И. Г. Добродомова: оно связано с особенностями функциониро-

⁷ Ср. *самфиръ*, *самфиръ*, *самфуръ*, *самфоуро*, *сампфиръ*, *самфиръ*, *санфиръ* и нек. др. [Богатова (гл. ред.) 1996: 54, 55, 62; Крысько (гл. ред.) 2013: 574], *сафир* [Даль 1882: 141] etc.

вания слова *сапфир* в русском языке. По данным археологии, собственно сапфир был известен на Руси с XI–XII вв. [Аксентон 1977: 280], при этом «книжные сведения о сапфире и само название лазоревого камня пришли на Русь через Византию» [Бобылев 2000: 86]. Как указывает М. Фасмер, слово *сапфир* «в др.-русск. определено из греч. *σάπφειρος*, *σάμφειρος* от др.-еврейск. *sappîr* из др.-инд. *śanipriya*– ‘сапфир’, буквально “любимый Сатурном” <...>. Совр. русск., возм., из франц. *saphir* от лат. *sapphîrus*» [Фасмер 3: 566]. Но это слово (и варианты, указанные в сноске 7) было исключительно книжным и употреблялось относительно редко: «Камень расхотелся по Руси под названием *яхонта синего, лазоревого или голубого* <здесь и далее курсив наш. — Е. Б., В. К.>. <...> Под названием *яхонт лазоревый* он и просуществовал на Руси активно почти до XX в. У Пушкина слово *сапфир* не употребляется, а *яхонт* упомянут 6 раз: “... К чему певцам алмазы, яхонты, топазы...”» [Бобылев 2000: 86]. Стоит привести еще цитату из травника XVII в.: «Камень самфиръ по латынскии, а по рускии яхонтъ» [Богатова (гл. ред.) 1996: 54], а также из В. И. Даля, трактующего *сафир* как «голубой яхонт, синий рубин или лал» [Даль 1882: 141]. Из сказанного следует, что слово *сапфир* (в любом своем варианте) вряд ли могло так широко внедриться в народную речь, чтобы лечь в основу названия колечка с камнем, распространенного во всех группах говоров.

Вторая этимологическая гипотеза подразумевает **французское происхождение слова**. Подавая в своем словаре галлицизмов слово *супир* в значениях ‘камень, вделанный в кольцо (?)’, ‘тоненький перстень на мизинце, носят на память’ (интересна именно такая последовательность!), Н. И. Епишкин указывает, что оно производно от франц. *soupir* ‘вдох’ [Епишкин 2010], то же указано в [Рогожникова (отв. ред.) 1997: 393]. Но если эти словари не предлагают аргументацию, то ее разворачивает И. Г. Добродомов. Он обращает внимание на контексты, где *супир* фигурирует как подарок в знак любви, ср., кстати, *супирант* ‘воздыхатель, поклонник’ < фр. *soupirant* ‘то же’. В связи с этим интересны ситуации, когда *супир* встречается в ряду других галлицизмов — с предположительно сходной символикой, ср., к примеру, отрывок из «Фрегата “Надежды”» А. А. Бестужева-Марлинского: «— Они высохнут раньше, но это будет от отчаяния! — Отчаяние?.. это что-то новое выражение в модном словаре! Нет ли какого перстня или браслета такого имени! Ведь есть же супиры, и репантиры, и сувениры у любого золотых дел мастера»⁸. Этот ряд слов восходит к франц. *soupir* ‘вдох’, *repentir* ‘раскаяние’, *souvenir*

⁸ Этот текст перефразирован в «Маскараде» М. Ю. Лермонтова: «Отчаянье? Да, есть И это слово в дамском лексиконе, Благодаря романам и творцу Оно довольно звучно даже в тоне И многим женщинам к лицу: Ведь носят же супиры, сувениры И репантиры? Дивлюся, как давно не превратят Отчаянье в какой-нибудь наряд».

‘память’ < *souvenir* ‘помнить, вспоминать’. Если «память» опредмечивается в широко известном слове *сувенир* < *souvenir* ‘подарок на память’, то «раскаивание» тоже получает предметное воплощение — но в менее известном слове *репантиры* < *repentirs* ‘завитки волос, спускающиеся с висков дамской прически»⁹ [Епишкин 2010]. Дело остается за словом *soupir*. Эта лексема, кажется, не дает во французском значения ‘кольцо, перстень’ (как определил И. Г. Добродомов, что подтверждено и нашими поисками), поэтому остается предполагать, что перед нами «псевдогаллицизм», который возник в «русском французском» [Добродомов 2009: 103]. Делается следующий вывод: «Для дворян — современников Марлинского и Лермонтова — слово *супир* было прозрачным галлицизмом, “эмблемой печали”, совмещавшей реальную ценность и глубину символизируемых чувств. Для мелкопоместных дворян середины XIX века — это также символ чувств, но не очень дорогой по цене. Для приказчиков это была уже в первую очередь очень дорогая вещь. Для крестьянских красавиц, матросов, солдат второй половины XIX века *супир* — это лишь красивый символический подарок, реальная ценность которого весьма невелика. В XX веке слово стало выходить из употребления <...>. До сих пор оно продолжает влачить существование в говорах, так и не обретя стабильности» [Добродомов 2009: 104].

Как оценить эту версию? Она остроумна и сама собой напрашивается для ряда контекстов из жизни русских дворян-галломанов¹⁰. Но версия встречает, на наш взгляд, **семантические** и **социолингвистические** препятствия.

Во-первых, не хватает лексикологических и семантических «подпорок» для декларируемого переноса ‘вздых’ → ‘перстень’ (с переходным звеном вроде ‘перстень, который подарили на память, вследствие этого вызывающий у его обладателя “вздых” по дарителю’). Как уже говорилось, значение ‘перстень’ не фиксируется в языке-источнике; мы не смогли найти в русском и французском других обозначений ювелирных изделий, созданных по этой модели. Модель нетривиальна, хоть и теоретически возможна, но в реальной практике у слова *супир* фиксируются более

⁹ Как в случае с *сувениром*, предметный символ обнаруживается и в языке-источнике, при этом русским галломанам были известны, как правило, оба значения, ср.: «Меня встретила ее belle-soeur с длинными *repentirs* и предложила ту комнату, которую Вы прежде занимали вверху» <И. А. Гончаров> (цит. по [Епишкин 2010]).

¹⁰ Кстати, напомним приводившийся выше контекст из Евгении Тур (который не был известен И. Г. Добродомову): «Жених подарил мне кольцо с бриллиантом на тоненьком ободочке, которое называли тогда *супиром*. “J’ai bien soupiré après ce bonheur” <Я так долго ждал этого счастья>, сказал он мне, надевая кольцо на мой палец: он выглядит макароническим за счет переключки слова *супир* с франц. *soupirer* в значении ‘стремиться, страстно хотеть, ждать’, производном от ‘вздыхать’.

ожидаемые переносные значения, ср. *сунир* (*soupir*) ‘пауза, равняющаяся по длительности четверти целой ноты’ [Брокгауз, Ефрон (изд.) 1901: 82], *сунир этуфе* (*soupir étouffé*) — «Модные цвета <конца 18 в.> носили следующие названия: цвет заглушенного вздоха (*soupir étouffé*), совершенной невинности (*candeur parfaite*), сладкой улыбки (*doux sourire*), нескромной жалобы (*plainte indiscrete*)» [Епишкин 2010].

Последняя из указанных форм — *сунир этуфе* (*soupir étouffé*) — является в русском языке иноязычным вкраплением, предыдущая — если не варваризмом, то очень специальным и узко распространенным термином (отсутствующим в основных музыкальных энциклопедиях); приводившееся выше слово *супирант* ‘воздыхатель’ тоже имело очень ограниченную сферу функционирования. Если думать, что *сунир* ‘перстень’ принадлежит этому гнезду, то надо предположить, что это слово имеет уникальную для своего гнезда судьбу: оно смогло «шагнуть» очень широко — из узких книжно-интеллектуальных сфер в говоры. И вообще: трудно представить, что слово, распространенное в ряде фонетических и словообразовательных вариантов во всех диалектных группах огромной страны, попало туда из речи маленькой группы дворян высшего света. Конечно, можно допустить, что промежуточной средой (на пути от дворян к крестьянам) могла быть речь торговцев, прислуги, приказчиков, солдат и пр., — и это вполне вероятно. Но все-таки у нас нет других примеров, когда дорогое ювелирное изделие вместе со словом (скажем, браслет, брошь, кулон и пр.) так быстро (со времен Бестужева), прочно и широко вошло в народную среду.

Есть еще два «отягчающих» обстоятельства: во-первых, самым популярным является вариант *суперик*, отдаленный от *супира* (предположительно первичного в этимологическом смысле) на один фонетический и один словообразовательный шаг; во-вторых, семантика слова в народной среде подверглась весьма существенному «упрощению» (или, как говорит И. Г. Добродомов, «социальному снижению»).

Этимологическая версия авторов статьи

Учитывая факт популярности изучаемых слов в говорах, мы склонны думать об их народных истоках, т. е. исконном происхождении.

Представляется, что перед нами производные корня *пир-/ пер-/ пор-* (праслав. **perti*, **pyro*, гнезду которого принадлежат *запереть*, *запор*, *подпорка*, *спирать*, *упор* и пр.). В их внутренней форме отражен **признак «запертости», «спертости» камня в кольце**, ведь именно наличие вставки — главное отличительное свойство *супира* (*суперика*), ср. выше множество областных контекстов, говорящих о наличии в кольце различных камней

или стеклышек; значения 'кольцо с камнем' и 'камень, вставляемый в ювелирное украшение' фиксируется и в текстах литературы.

Эта версия объясняет характер распространения слова и преобладание варианта *суперик*.

Насколько актуален признак «спертости», закреплённости камня, потенциально являющийся мотивирующим? Закрепка камней — одна из самых ответственных задач ювелира, ср.: «Закрепка драгоценных камней в украшениях считается сложной ювелирной работой, требующей большого мастерства ювелира-закрепщика и знаний, особенно в отношении твердости, хрупкости и прочности камней. Результат работы, однако, зависит от качества инструментов (особенно стальных резцов различных форм) и других вспомогательных материалов» [Тойбл 1982: 73]. При этом, как указано в многочисленных пособиях по ювелирному делу, самая распространённая закрепка (применяемая примерно в половине ювелирных изделий) — закрепка с помощью крапанов, т. е. металлических выступов, «лапок», которые сжимают камень с разных сторон. Ценность такой закрепки в том, что камень можно хорошо рассмотреть, он не «утоплен» значительной своей частью в гнезде; при этом закрепщик должен сделать так, чтоб «спертый» лапками камень не вылетел из изделия, а держался в нем прочно. Сами же крепления, которые хорошо видны, должны быть эстетичными. Отметим и обстоятельство символического плана, состоящее в том, что камень, закреплённый в кольце, обыгрывается в оппозициях, которые прослеживаются и в нашем материале: скажем, колечко с камешком (*суперик*) обычно носит незамужняя девушка, а золотое кольцо без камня — замужняя; перстень-печатку — мужчина, а *суперик* — женщина, etc. Все это делает признак «запираания» камня в кольце (значимый и для изготовления кольца, и для его ношения, и для дешифровки его символики) состоятельным в мотивационном плане.

Семантика втыкания, всовывания чего-либо куда-либо разрабатывается с помощью продолжений корня **perti* на широкой территории, ср., к примеру, енис. *вперётъ* 'крепко забить, туго воткнуть (кол, клин и т. п.)' [Филин (гл. ред.) 1970: 171], волог. *впёривать* 'с усилием всовывать, втискивать' [Филин (гл. ред.): 171], арх. *вперётся* 'поместиться где-л., куда-л.' [Гецова (ред.) 1987: 144], *заперётъ* кубан. 'с усилием втиснуть, всунуть что-либо' [Филин (гл. ред.) 1974: 311], арх. 'всунуть, засунуть, запихнуть куда-н.' [Нефедова (ред.) 2017: 335]¹¹.

¹¹ Из слов с близкой *супиру* (*суперику*) семантикой возможной внутригнездовой параллелью могут быть дон. *упёр* 'женское украшение на поясе', *упёры* 'ластовицы в рубаше' [Мызников (гл. ред.) 2014: 245, 246] — если предполагать здесь реализацию признака «вставленности» этих реалий, но эта версия нуждается в дополнительной верификации.

Что касается архаичной приставки *су-*, то в спектре ее словообразовательных значений есть семантика совместности, которая в данном случае подчеркивает «запирание» камня со всех сторон. Эта приставка обнаруживается и во взаимодействии с нашим корнем в глаголах с семантикой «засовывания», близкой к «запиранию»: яросл. *засупёрить, засупóрить* ‘запирать, засунуть, положить, убрать так, что трудно найти; затерять’: «Засуперила туфли и никак не найду», «Нашла уж куда засупорить мешочек» [Мельниченко (науч. ред.) 1985: 106]. Кроме того, приставка *су-* участвует в образовании целого ряда слов с корнями глагольной семантики и нулевым окончанием, например: литер. *сугроб, сустав*, диал. *сумёт* ‘сугроб’, *сулой* ‘квас, рассол, пивное сусло и пр.’.

Итак, версия, согласно которой слова *суперик, супир* и др. ‘перстенок, колечко со вставкой’ являются образованиями с помощью приставки *су-* от корня *пер-* ‘спирать, запирать’ и мотивированы признаком «запирания» камня в кольце, кажется, релевантна как в плане социолингвистических/лингвогеографических характеристик, так и в аспектах словообразования и семантики. Выдвигая эту версию, мы не отрицаем возможности вторичного сближения изучаемого слова исконного происхождения (в вариантах на *супер-* или *супир-*) с галлицизмом на базе *soupir* ‘вздых’. Логично предполагать, что такое сближение было дискурсивно ограничено: оно могло происходить в речи представителей «высшего света», русско-французских билингвов. Его подталкивало и наличие слов типа *сувенир* и *репантир*, ср., кстати, любопытный контекст, где *супиры* попадают в пару к *дезирам*: «Вы, говорю я, Рокополо, дяде-то, отдайте заблаговременно приданое: меня, говорю я, не надуеть этими супирами да дезирами» <Д. В. Григорович> (цит. по: Добродомов 2009: 101)]. Здесь вовсе нет материализации *супира* в виде перстня или камня в перстне, а подразумевается попросту «вздых» — в пару к «желанию». Надо учесть еще особую стилистику речи аристократов-галломанов XIX в., речи, в которой реализуются самые разные способы создания «второго дна» — аллегория, перифраз, языковая игра и др.

В заключение отметим, что вопрос о происхождении слов *суперик, супир* и под., конечно, нельзя считать полностью решенным. Этимологизация слова тем более убедительна, чем больше можно найти параллелей в области семантики и словообразования, заполняя мысленно своеобразную «карту возможностей». В нашем случае далеко не все возможности обнаружены:

- среди дериватов праслав. **perti*, **pъrъ* обозначения колец и перстней встречаются только для огласовок на *е* и *и*, но пока не обнаружены для огласовки *о* и *ø* (нулевой);

- не найдены слова с иными приставками, но той же ступенью чередования в этом корне (скажем, есть *запор*, но нам не встретился **запир*);
- кажется, среди названий колец нет других слов, номинирующих особенности закрепления камня в кольце, хотя есть названия колец по признаку наличия вставки: костр. *ставешо́к* 'вставка в кольцо', 'кольцо со вставкой' [ЛКТЭ], арх., новг. *жуко́вина* 'драгоценный камень или стекло в кольце, перстне', 'кольцо, перстень с камнем' [Филин (отв. ред.) 1972: 224] и др.

Отсутствие этих параллелей не является фатальным: мы не можем ждать от языка заполнения всех потенциально возможных клеток на нашем «листе ожиданий» (как по объективным, так и по субъективным причинам, причем к числу последних относится и довольно слабая словарная засвидетельствованность народной ювелирной терминологии, являющейся маргинальной группой диалектной лексики). Может смущать и то, что слово *суперик*, по нашей реконструкции, первоначально означало собственно вставку в кольцо, но это значение фиксируется реже, чем собственно кольцо. Тем не менее это обстоятельство не разрушает версию полностью: перед нами регулярный метонимический перенос (и ясно, что название собственно кольца прагматически более востребовано, чем вставки).

Таким образом, наши построения — лишь шаг на пути изучения этого слова. При этом, думается, они методически бесполезны — и помогут в будущем восстановить историю русской лексики ювелирного дела.

Источники

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. (изд.). Энциклопедический словарь. Т. XXXII (63). Судходные сборы — Таицы. СПб.: Тип. Акц. общ. «Издательское дело», 1901. 480 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. 4. СПб.: Тип. М. О. Вольфа, 1882. 704 с.

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 12.08.2024).

Литература

- Аксентон Ю. Д. Сведения о драгоценных камнях в Изборнике Святослава 1073 г. и некоторых других памятниках // Изборник Святослава 1973 г.: сб. ст. / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1977. С. 280–291.
- Ашукин Н. С., Ожегов С. И., Филиппов В. А. Словарь к пьесам А. Н. Островского. М.: Ред.-изд. фирма «Веста», 1993. 246 с.
- Беловинский Л. В. Российский историко-бытовой словарь. М.: Студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова; Рос. арх., 1999. 526 с.
- Белякова С. М. (ред.). Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области. Т. 2. Тюмень: Изд. Тюмен. гос. ун-та, 2014. 516 с.
- Блинова О. И. (гл. ред.). Вершининский словарь. Т. 6. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 451 с.
- Бобряков Н. А. (отв. ред.). Иркутский областной словарь. Вып. 3. Иркутск: [Б. и.], 1979. 146 с.
- Бобылев В. В. Историческая геммология. Геммохронология. М.: ВНИГНИ, 2000. 178 с.
- Богатова Г. А. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 23. М.: Наука, 1996. 253 с.
- Востриков О. В. Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Вып. III. Народная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи. Екатеринбург: Свердловский областной Дом фольклора, 2000. 200 с.
- Галаванова В. А., Сороколетов Ф. П. (ред.). Словарь современного русского литературного языка. Т. XIII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 1516 с.
- Гецова О. Г. (ред.). Архангельский областной словарь. Вып. 5. М.: Изд-во МГУ, 1987. 160 с.
- Городин Л. Словарь русских арготизмов. Лексикон каторги и лагерей императорской и советской России. М.: Изд. программа Музея истории ГУЛАГа и Фонда памяти, 2021. 336 с.
- Добродомов И. Г. Историко-этимологические каламбуры и филологическая достоверность лексико-фразеологического материала // Вопросы языкознания. 2009. № 4. С. 92–109.
- Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Р–Я: учебное пособие. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2007. 190 с.
- Елистратов В. С. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь. Около 4 000 единиц. М.: Русские словари, 1997. 701 с.
- Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭТС, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/gallism-dictionary/index.htm> (дата обращения 20.08.2024).
- Зверева Ю. В., Русинова И. И., Черных А. В. Традиционный костюм народов Пермского края. Русские. Тематический словарь лексики одежды. СПб.: Изд-во «Маматов», 2019. 431 с.
- Зенкова О. Б., Ромашкина С. Н. Народный художественный промысел «Северная чернь». Великий Устюг: Изд. Дом Вологжанин, [2007]. 131 с.

- Йокояма О. Б. Поздняя заимствованная лексика в письмах крестьян XIX в. // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина / отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 214–223.
- Кашевская Ю. И. (отв. ред.). Словарь русских говоров Прибайкалья. Вып. 4. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. 145 с.
- Копытов Н. Ю., Подюков И. А., Черных А. В. Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. 272 с.
- Крысько В. Б. (гл. ред.). Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. X. М.: Азбуковник, 2013. 656 с.
- Кубалов Б. Г. Амурская компания. 1858–1865 гг. (К истории капитализма в Сибири). Предисловие, публикация и примечания А. Н. Гарашенко // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Вып. 5. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2020. С. 35–121.
- Матвеев А. К. (гл. ред.). Словарь русских говоров Среднего Урала. Вып. 6. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 160 с.
- Матвеев А. К. Словарь говоров Русского Севера. Т. 3. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 388 с.; Т. 5. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 358 с.
- Мельниченко Г. Г. (науч. ред.). Ярославский областной словарь. Вып. 4. Ярославль: Изд-во ЯГПИ, 1985. 148 с.; Вып. 9. Ярославль: Изд-во ЯГПИ, 1990. 127 с.
- Мызников С. А. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 47. СПб.: Наука, 2014. 354 с.
- Нефедова Е. А. (ред.). Архангельский областной словарь. Вып. 18. М.: Наука, 2017. 400 с.
- Осипов Б. И. (отв. ред.). Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения. Вып. 1. Омск: Омск. гос. ун-т, 1998. 155 с.
- Палагина В. В. (ред.). Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Т. 3. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1967. 252 с.
- Постникова-Лосева М. М. Русское ювелирное искусство, его центры и мастера. XVI–XIX вв. М.: Наука, 1974. 371 с.
- Постникова-Лосева М. М., Платонова Н. Г., Ульянова Б. Л. Золотое и серебряное дело XV–XX вв. [Территория СССР]. М.: Изд-во «Юнвес»; «Трио», 1995. 373 с.
- Рогожникова Р. П. (отв. ред.). Редкие слова в произведениях авторов XIX в.: Словарь-справочник / сост. Р. П. Рогожникова, К. А. Логинова, С. А. Пономаренко и др. М.: Русские словари, 1997. 570 с.
- Садретдинова Г. А. (ред.). Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Т. 3. Томск: Изд. Том. ун-та, 1993. 358 с.
- Сметанина З. В. (ред.). Областной словарь вятских говоров. Вып. 10. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2016. 282 с.
- Сороколетов Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 36. СПб.: Наука, 2002. 344 с.; Вып. 39. СПб.: Наука, 2005. 343 с.; Вып. 42. СПб.: Наука, 2010. 330 с.
- Тимофеев В. П., Тимофеева О. В. Диалектный словарь личности: около 11 500 слов. Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2010. 595 с.

- Тойбл К. Ювелирное дело / пер. с чеш. А. Н. Устиновича. М.: Легкая и пищевая промышленность, 1982. 194 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
- Федоров А. И. (ред.). Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1979. 609 с.
- Федоров А. И. (ред.). Словарь русских говоров Сибири. Т. 5. Новосибирск: Наука, 2006. 395 с.
- Фельде (Борхвальдт) О. В. (отв. ред.). Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края. Т. 4. Красноярск: РИО КГПУ, 2008. 296 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 5. Л.: Наука, 1970. 345 с.; Вып. 9. Л.: Наука, 1972. 362 с.; Вып. 10. Л.: Наука, 1974. 389 с.
- Филин Ф. П. (отв. ред.). Словарь русских говоров Приамурья. М.: Наука, 1983. 344 с.
- Флоренский П. А. Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда. М.: Сов. Россия, 1989. 112 с.
- Царева Л. С. Девичий костюм линейных станиц // Молодежь и молодежные субкультуры этносов и этнических групп ЮФО. Традиции и современность / науч. ред. Н. И. Бондарь; сост. Н. И. Бондарь, В. В. Воронин. Краснодар: Пресс-Имидж, 2008–2009. С. 159–171.
- Шапошников В. И. Красносельские ювелиры. Ярославль: Верх-Волж. кн. изд-во, 1969. 60 с.

References

- Aksenton Yu. D. [Information about precious stones in the Izbornik of Svyatoslav 1073 and some other monuments]. *Izbornik Svyatoslava 1973 g.* [Izbornik of Svyatoslav 1073]. Moscow, Nauka, 1977, pp. 280–291. (In Russ.)
- Ashukin N. S., Ozhegov S. I., Filippov V. A. *Slovar' k p'esam A. N. Ostrovskogo* [Dictionary of plays by A. N. Ostrovsky]. Moscow, Publ. House "Vesta", 1993. 246 p.
- Belovinskii L. V. *Rossiiskii istoriko-bytovoi slovar'* [Russian historical and household dictionary]. Moscow, N. Mikhalkov's Studio "TRITE" Publ., Rossiiskii Arkhiv Publ., 1999. 526 p.
- Belyakova S. M. (ed.). *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoi oblasti* [Dictionary of Russian old-timers dialects of the south of the Tyumen region]. Vol. 2. Tyumen', Publ. House of Tyumen State Univ., 2014. 516 p.
- Blinova O. I. (ch. ed.). *Vershininskii slovar'* [Dictionary of Vershinino]. Vol. 6. Tomsk, Publ. House of Tomsk Univ., 2002. 451 p.
- Bobryakov N. A. (resp. ed.). *Irkutskii oblastnoi slovar'* [Irkutsk regional dictionary]. Iss. 3. Irkutsk, 1979. 146 p.
- Boylev V. V. *Istoricheskaya gemmologiya. Gemmokhronologiya* [Historical gemology. Hemo-chronology]. Moscow, Publ. House of All-Russian Research Geological Oil Institute, 2000. 178 p.

- Bogatova G. A. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 10th – 17th centuries]. Iss. 23. Moscow, Nauka Publ., 1996. 253 p.
- Dobrodomov I. G. [Historical and etymological puns and philological reliability of lexical and phraseological material]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2009, no. 4, pp. 92–109. (In Russ.)
- Druzhinina M. F. *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov na territorii Yakutii*. R–Ya: uchebnoe posobie [Dictionary of Russian old-time dialects on the territory of Yakutia. R–Ya: textbook]. Yakutsk, Publ. House of Yakut Univ., 2007. 190 p.
- Elistratov V. S. *Yazyk staroi Moskvy: Lingvoentsiklopedicheskii slovar': Okolo 4 000 edinits* [The Language of Old Moscow: A Linguoencyclopedia Dictionary. About 4,000 units]. Moscow, Russkie Slovarei Publ., 1997. 701 p.
- Epishkin N. I. *Istoricheskii slovar' gallitsizmov russkogo yazyka* [Historical dictionary of gallisms of the Russian language]. Moscow, ETS Publ., 2010. Available at: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/gallism-dictionary/index.htm> (accessed 20.08.2024).
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. III. Moscow, Progress Publ., 1987. 832 p.
- Fedorov A. I. (ed.). *Slovar' russkikh govorov Novosibirskoi oblasti* [Dictionary of Russian dialects of the Novosibirsk region]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1979. 609 p.
- Fedorov A. I. (ed.). *Slovar' russkikh govorov Sibiri* [Dictionary of Russian dialects of Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006. 395 p.
- Fel'de (Borkhval'dt) O. V. (resp. ed.). *Slovar' russkikh govorov tsentral'nykh raionov Krasnoyarskogo kraia* [Dictionary of Russian dialects of the central regions of the Krasnoyarsk territory]. Vol. 4. Krasnoyarsk, Editorial and Publ. Department of the Krasnoyarsk State Pedagogical Univ., 2008. 296 p.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 5. Leningrad, Nauka Publ., 1970. 345 p.; Iss. 9. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 362 p.; Iss. 10. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 389 p.
- Filin F. P. (resp. ed.). *Slovar' russkikh govorov Priamur'ya* [Dictionary of Russian dialects of the Amur region]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 344 p.
- Florenskii P. A. *Sobranie chastushek Kostromskoi gubernii Nerekhtskogo uезда* [Collection of ditties of the Nerekhtsky district of the Kostroma province]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1989. 112 p.
- Galavanova V. A., Sorokoletov F. P. (ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. Vol. XIII. Moscow, Leningrad, Publ. House of the AS USSR, 1962. 1516 p.
- Getsova O. G. (ed.). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. Iss. 5. Moscow, Publ. House of Moscow State Univ., 1987. 160 p.
- Gorodin L. *Slovar' russkikh argotizmov. Leksikon katorgi i lagerei imperatorskoi i sovetskoi Rossii* [Dictionary of Russian argotisms. The lexicon of penal servitude and camps of Imperial and Soviet Russia]. Moscow, Publishing program of the Museum of the History of the Gulag and the Memorial Fund, 2021. 336 p.

- Iokoyama O. B. [Late borrowed vocabulary in peasants's letters of the 19th century]. *Yazyk v dvizhenii: K 70-letiyu L. P. Krysin* [Language in motion: to the 70th anniversary of L. P. Krysin]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2007, pp. 214–223. (In Russ.)
- Kashevskaya Yu. I. (resp. ed.). *Slovar' russkikh govorov Pribaikala* [Dictionary of Russian dialects of the Baikal region]. Iss. 4. Irkutsk, Publ. House of Irkutsk Univ., 1989. 145 p.
- Kopytov N. Yu., Podyukov I. A., Chernykh A. V. *Slovar' russkikh govorov Komi-Permyatskogo okruga* [Dictionary of Russian dialects of the Komi-Permyak district]. Perm', Publ. House PONITsAA, 2006. 272 p.
- Krys'ko V. B. (ch. ed.). *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian language (11th – 14th centuries)]. Vol. X. Moscow, Azbukovnik Publ., 2013. 656 p.
- Kubalov B. G. [Amur company. 1858–1865 (On the history of capitalism in Siberia). Preface, publication and notes by A. N. Garashchenko]. *Dekabristskoe kol'tso. Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov: sb. st.* [The Decembrist Ring. Bulletin of the Irkutsk Museum of the Decembrists: Collection of articles]. Iss. 5. Irkutsk, Publ. House of the Irkutsk Museum of the Decembrists, 2020, pp. 35–121. (In Russ.)
- Matveev A. K. (ch. ed.). *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals]. Iss. 6. Sverdlovsk, Publ. House of the Ural Univ., 1987. 160 p.
- Matveev A. K. *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Vol. 3. Ekaterinburg, Publ. House of the Ural Univ., 2005. 388 p.; Vol. 5. Ekaterinburg, Publ. House of the Ural Univ., 2011. 358 p.
- Mel'nichenko G. G. (scient. ed.). *Yaroslavskii oblastnoi slovar'* [Yaroslavl Regional Dictionary]. Iss. 4. Yaroslavl, Publ. House of Yaroslavl State Pedagogical Inst., 1985. 148 p.; Iss. 9. Yaroslavl, Publ. House of Yaroslavl State Pedagogical Instit., 1990. 127 p.
- Myznikov S. A. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 47. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014. 354 p.
- Nefedova E. A. (ed.). *Arkhangelskii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Iss. 18. Moscow, Nauka Publ., 2017. 400 p.
- Osipov B. I. (resp. ed.). *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov Srednego Priirtysh'ya: Dopolneniya* [Dictionary of Russian old-timers dialects of the Middle Irtysh region: Additions]. Iss. 1. Omsk, Omsk State Univ., 1998. 155 p.
- Palagina V. V. (ed.). *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov srednei chasti basseina r. Obi* [Dictionary of Russian old-timers dialects of the middle part of the Ob River basin]. Vol. 3. Tomsk, Publ. House of Tomsk Univ., 1967. 252 p.
- Postnikova-Loseva M. M. *Russkoe yuvelirnoe iskusstvo, ego tsentry i mastera. XVI–XIX vv.* [Russian jewelry art, its centers and masters. 16th – 19th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 371 p.
- Postnikova-Loseva M. M., Platonova N. G., Ul'yanova B. L. *Zolotoe i serebryanoe delo XV–XX vv. (Territoriya SSSR)* [Gold and silver business of the 15th – 20th centuries. (Territory of the USSR)]. Moscow, Publ. House "Yunves", "Trio" Publ., 1995. 373 p.
- Rogozhnikova R. P. (resp. ed.). *Redkie slova v proizvedeniyakh avtorov XIX v.: Slovar'-spravochnik* [Rare words in the works of the authors of the 19th century: Dictionary-reference]. Moscow, Russkie Slovari Publ., 1997. 570 p.

- Sadretdinova G. A. (ed.). *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov Srednego Priirtysh'ya* [Dictionary of Russian old-timers dialects of the Middle Irtysh region]. Vol. 3. Tomsk, Publ. House of Tomsk Univ., 1993. 358 p.
- Shaposhnikov V. I. *Krasnosel'skie yuveliry* [Krasnoselsky jewelers]. Yaroslavl, Upper Volga Book Publ. House, 1969. 60 p.
- Smetanina Z. V. (ed.). *Oblastnoi slovar' vyatskikh govorov* [Regional dictionary of Vyatka Dialects]. Iss. 10. Kirov, Publ. House "Raduga-PRESS", 2016. 282 p.
- Sorokoletov F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 36. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002. 344 p.; Iss. 39. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 343 p.; Iss. 42. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. 330 p.
- Timofeev V. P., Timofeeva O. V. *Dialektnyi slovar' lichnosti: okolo 11 500 slov* [Dialect dictionary of personality: about 11,500 words]. Shadrinsk, Shadrinskii Dom Pechati, 2010. 595 p.
- Toibl K. *Yuvelirnoe delo* [Jewelry business]. Transl. from Czech by A. N. Ustinovich. Moscow, Legkaya i Pishchevaya Promyshlennost' Publ., 1982. 194 p.
- Tsareva L. S. [Maiden costume of linear stanitsas]. *Molodezh' i molodezhnye subkul'tury etnosov i etnicheskikh grupp YuFO. Traditsii i sovremennost'* [Youth and youth subcultures of ethnos and ethnic groups of the Southern Federal District. Traditions and modernity]. Krasnodar, Press-Imidzh Publ., 2008–2009, pp. 159–171. (In Russ.)
- Vostrikov O. V. *Traditsionnaya kul'tura Urala. Etnoideograficheskii slovar' russkikh govorov Sverdlovskoi oblasti. Vyp. III. Narodnaya estetika. Sem'ya i rodstvo. Obryady i obychai* [The traditional culture of the Urals. Ethnoideographic dictionary of Russian dialects of the Sverdlovsk region. Issue III. Folk aesthetics. Family and kinship. Rituals and customs]. Ekaterinburg, Publ. House of the Sverdlovsk Regional House of Folklore, 2000. 200 p.
- Zenkova O. B., Romashkina S. N. *Narodnyi khudozhestvennyi promysel "Severnaya chern"* [Folk art craft "Northern Niello"]. Veliky Ustyug, Publ. House Vologzhanin, [2007]. 131 p.
- Zvereva Yu. V., Rusinova I. I., Chernykh A. V. *Traditsionnyi kostyum narodov Permskogo kraia. Russkie. Tematicheskii slovar' leksiki odezhdy* [Traditional costume of the peoples of the Perm region. Russians. A thematic dictionary of clothing vocabulary]. St. Petersburg, Publ. House "Mamatov", 2019. 431 p.

«Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» 1777–1781 гг. как источник по истории русской лексики XVII в.

Дмитрий Владимирович Руднев¹, Миляуша Габдрауфовна Шарихина²,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена / Санкт-Петербургский
государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)¹, Институт лингвистических исследований
Российской академии наук / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Россия, Санкт-Петербург)², rudnev@mail.ru¹, justmilya@yandex.ru²

DOI: 10.31857/S0131611724060056

АННОТАЦИЯ: В статье предложен критический анализ некоторых лексических фактов в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» — памятнике первой четверти XVII в., опубликованном в 1777–1781 гг. В. Г. Рубаном по несохранившемуся списку и являющемуся выборочным переводом второго тома военного трактата Л. Фронспергера *Kriegsbuch*. Ученые-лингвисты обычно изучают лексику «Устава» на основе печатного издания XVIII в., не учитывая сохранившиеся списки памятника и его немецкий оригинал. Сопоставление печатного «Устава» с его существующими списками позволило выявить разночтения, в том числе и на лексическом уровне, которые могли возникнуть в ходе как составления списков, так и публикации. Такие ошибки привели к появлению псевдогапсов (*гасар*, *кошода*, *перинкаvus*) и гапсов (вариант *опельмент*), а также недостоверных лексических фактов, по-видимому, появившихся в «Уставе» в результате неверного прочтения рукописного текста (*аксис*, *амбразура*, вариант

иглорит). Следовательно, текст печатного издания «Устава» необходимо использовать в лингвистических исследованиях в комплексе с материалом существующих списков памятника, а также немецкого оригинала.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык XVII в., лексика, гапакс, перевод, терминология, историческая лексикология и лексикография

для цитирования: Руднев Д. В., Шарихина М. Г. «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» 1777–1781 гг. как источник по истории русской лексики XVII в. // Русская речь. 2024. № 6. С. 72–85. DOI: 10.31857/S0131611724060056.

благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект 23-28-00776 «Язык русских военных уставов XVII века»).

From the History of the Russian Language

“The Charter of Military, Cannon and Other Matters Relating to Military Science” of 1777–1781 as a Source on the History of Russian Lexicon of the 17th Century

Dmitry V. Rudnev¹, Milyausha G. Sharikhina², The Herzen State Pedagogical University of Russia / St. Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg)¹, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences / The Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint-Petersburg)², rudnevdm@mail.ru¹, justmilya@yandex.ru²

ABSTRACT: The article offers a critical analysis of some lexical facts in “The Charter of military, cannon and other matters relating to military science” — a monument of the first quarter of the 17th century, which was published in 1777–1781 by V. G. Ruban. The charter was based on a lost copy and was a selective translation of the second volume of L. Fronsperger’s military treatise

“Kriegsbuch”. Linguists usually study the vocabulary of the “Charter” based on the printed edition of the 18th century, without taking into account the surviving copies of the monument and its German original. A comparison of the printed “Charter” with its existing copies made it possible to identify discrepancies, including at the lexical level, which could have arisen both during the compilation of the lists and the publication. Such errors led to the appearance of pseudo-hapaxes (such as *gasar*, *koshoda*, *perinkavus*) and hapaxes (variant *opelyment*), as well as unreliable lexical facts, apparently appearing in the “Charter” as a result of an incorrect reading of the handwritten text (such as *aksis*, *ambrazura*, variant *iglorit*). Consequently, the text of the printed edition of the “Charter” must be used in linguistic research in conjunction with the material of the existing lists of the monument, as well as the German original.

KEYWORDS: Russian language of the 17th century, lexicon, hapax, translation, terminology, historical lexicology and lexicography

FOR CITATION: Rudnev D. V., Sharikhina M. G. “The Charter of Military, Cannon and Other Matters Relating to Military Science” of 1777–1781 as a Source on the History of Russian Lexicon of the 17th Century. *Russian Speech = Russkaya Rech’*. 2024. No. 6. Pp. 72–85. DOI: 10.31857/S0131611724060056.

ACKNOWLEDGMENTS: The study was supported by the Russian Science Foundation (project 23-28-00776 “The language of Russian military regulations of the 17th century”).

Введение

«Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» (далее — «Устав») представляет собой выборочный перевод текста второго тома военного трактата Л. Фронспергеа «Kriegsbuch» (Frankfurt am Main, 1573 г.). Его текст (под названием «Воинская книга о всякой стрельбе и огненных хитростях») был составлен мастером Печатного двора Анисимом Радишевским в 1620 г. [Немировский 1997: 5–18] на основе «Воинской книги» — выборочного перевода второго тома «Kriegsbuch», выполненного «переводчиками Посольского приказа Михаилом Юрьевым и Иваном Фоминым по повелению царя Василия Шуйского» [Русакowski 2018: 53]. Список «Устава» был обнаружен в 1775 г. и по распоряжению Г. А. Потемкина опубликован в 1777–1781 гг. известным русским писателем XVIII в. В. Г. Рубаном, давшим опубликованной рукописи название, под которым она известна современной науке. В основе издания находился список, который не сохранился до наших дней. В связи с этим остается нерешенным вопрос о датировке и отношении этого списка

к двум другим, известным в настоящее время спискам XVII в.: 1. РНБ. F.IX.3; 2. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Собр. Н. П. Лихачева (Ф. 238). Оп. 1. № 526.

«Устав», по характеристике Т. И. Райнова, является одним из «важных памятников военной, технической и научной истории русского XVII в.» [Райнов 1940: 289]. Его содержание охватывает разные тематические сферы: военное дело, военное право, техническую химию, ботанику, минералогию, математические измерения и некоторые другие. Как следствие, в языке памятника встречается лексика, принадлежащая ко многим тематическим группам и различным сферам употребления. Благодаря этому «Устав» имеет большое значение как источник для исторической лексикологии и, в частности, научной терминологии. В его тексте (через немецкое посредство) нашли отражение научно-технические идеи эпохи Возрождения [Райнов 1940: 291].

Этот памятник использовался в лексикологических и лексикографических трудах. К нему, например, обращались Л. Л. Кутина и Ф. П. Сороколетов [Кутина 1964: 35, 36, 43, 44, 52, 56, 61, 63, 68, 71; Сороколетов 2009]. «Устав» широко используется в качестве источника «Словаря русского языка XI–XVII вв.». Так, в первых двух выпусках словаря примеры из «Устава» присутствуют в 35 словарных статьях. Таким образом, он является важным источником для исторической лексикографии.

Вместе с тем до настоящего времени исследование лексики «Устава», а также ее фиксация в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» проводились на основе печатного издания XVIII в. Списки памятника, а также его немецкий оригинал не учитывались. Возможно, это связано с тем, что основная часть научной литературы, посвященной «Уставу», не является собственно лингвистической, к этому тексту обращались исследователи истории русской науки и книжности XVII в., установление достоверности «Устава» как лингвистического источника не входило в их задачи. Между тем, по утверждению Л. Ю. Астахиной, публикации памятников письменности не могут рассматриваться в качестве первичных источников, так как «на характере публикаций в значительной мере сказывается субъективный фактор» — «осмысление текста и определенная адаптация оригинала человеком, который первым читает и копирует рукопись, — первичный, объективно сложившийся источник» [Астахина 2021: 40]. Некритическое использование текста «Устава» может привести к ошибочным выводам, касающимся употребления тех или иных слов в языке XVII в. В настоящей статье рассматриваются случаи недостоверного отражения в печатном издании «Устава» лексических особенностей языка XVII в., доказывающие его промежуточный статус как лингвистического источника.

Псевдогапаксы в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки»

Одной из главных проблем при исследовании печатного Устава является установление границ редакторской правки, произведенной В. Г. Рубаном при издании рукописи. То, что редакторская правка имела место, может подтверждаться наличием в печатном «Уставе» глосс, которые приводятся в скобках (этот способ оформления глосс отсутствовал в текстах начала XVII в., о чем свидетельствуют, например, сохранившиеся списки «Воинской книги»). Так как в основе публикации находился список, не сохранившийся до наших дней, нерешенным остается вопрос об отношении языка, отраженного в публикации, к языку двух имеющихся на данный момент списков XVII в. Трудно установить и источник многочисленных ошибок, которые можно рассматривать и как ошибки прочтения, и как опечатки, и как описки, возникшие в рукописи. Приведем некоторые из них: *ты повороти шруботъ* (Устав, 1: 209) (вместо *шрубомъ*; ср. в рукописях: *шрубомъ* (собр. Лихачева, 526, л. 197 об.), *шрупо(м)* (F.IX.3, л. 246)); *Ажебу похочешъ низко стрълити* (Устав, 1: 221) (вместо: *Аже буде похочешъ*); *какъ разжиганными ядры стърляти* (Устав, 1: 33) (вместо *стръляти*); *пушкарсакго головы* (Устав, 1: 107) (вместо *пушкарсакго*); *цырклю* (Устав, 1: 201) (вместо *цыркулю*; ср. другие употребления в тексте: *цыркулемъ* (Устав, 1: 219), *цыркуль* (Устав, 1: 220)); *доведется войназачати* (Устав, 1: 57) (вместо *война зачати*); *привъзжаютъ недруги и згономъ* и *стояльщиковъ емлютъ въ полонъ* (Устав, 1: 119) (вместо *изгономъ*); *въ скамъ устроити съ камейную наковальну* (Устав, 2: 9) (вместо *скамейную*); и *на на проволочи* (Устав, 1: 146).

В результате таких ошибок (включая описки и опечатки) в тексте «Устава» возникают неуклюжие псевдогапаксы.

1. Слово *гасар* встречается в «Уставе» в следующем примере: *о обозьхъ и полкохожденіи и о станьхъ, и какъ обозы смыкати и въ нихъ шанцоватися, сирьчь: турами, гасары или иннымъ чьмъ оградитя и укръпиться* (Устав, 1: 50). Единичное употребление этого слова попало в «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (далее — СлРЯ XI–XVII вв.) со значением ‘деревянное осадное укрепление с бойницами’ [Бархударов (гл. ред.) 1977: 12]. Между тем в списках «Устава» это слово читается как *тарасы* (F.IX.3, л. 33 об.; собр. Лихачева, 526, л. 43). То же слово обнаруживается в этом чтении, но в другой редакции «Воинской книги», составленной М. Юрьевым и И. Фоминым (НСРК Q.183, л. 25). Эта лексема также фиксируется в СлРЯ XI–XVII вв. в нескольких значениях, среди которых есть следующее: ‘наружное городское укрепление, представлявшее собой треугольные или квадратные в сечении срубы, которые засыпались землей, камнем или

крупным песком' [Крысько (гл. ред.) 2011: 217]. В тексте «Устава» слово *гасар* больше не встречается, в то же время более чем один раз употребляется лексема *тарас* для обозначения военного деревянного насыпного укрепления: *такіе <каменные ядра — Д. Р., М. Ш.> пригожається къ промысловъ и къ стрѣльбѣ въ полкъ изъ раскатовъ стрѣляти въ шанцы, въ тарасы, или въ конные воинскихъ людей полки* (Устав, 2: 97); *Да къ обожъ возити ведра, шулифъ, цебры, мешки посконные, туровые кары, чъмъ земля таскати и возити въ туры и въ тарасы, чъмъ ихъ насыпати* (Устав, 2: 43). Возможной причиной ошибочного прочтения слова *тарасы* является сходство написания скорописных букв *т* и *г*, а также нередкие случаи перестановки слогов в слове, которые встречаются в рукописях и в издании «Устава».

2. Результатом описки (опечатки), вероятно, стало появление слова *кошода*, которое фиксируется в СлРЯ XI–XVII вв. без указания значения и иллюстрируется единственным примером из «Устава»: *Да не доведется ни пушкарской и иныхъ кошодъ, женамъ ни юнакомъ въ пѣшихъ воинскихъ людѣхъ въ кошу итти, ни ѣхати; но всегда пребывати имъ у снаряду* [Филин (гл. ред.) 1980: 396]. По-видимому, форма *кошодъ* (вместо *кошовъ*) является следствием неправильного прочтения буквы *в* в рукописи либо результатом опечатки. Во-первых, в том же контексте используется слово *кош*, которое является весьма частотным как в языке XVII в., так и в «Уставе». На это указывает, например, разветвленная система значений и употреблений слова, представленная в СлРЯ XI–XVII вв. [Филин (гл. ред.) 1980: 390–391]. Во-вторых, в оглавлении, которое находится в начале «Устава», в содержании этого указа встречается написание *кошовъ*: *О указъ, не доведется ни пушкарской ни иныхъ кошовъ женамъ и юнкамъ въ пѣшихъ воинскихъ людѣхъ* (Устав, 1: 27). В-третьих, правильное чтение отражено в обеих рукописях «Устава»: *кошовъ* (F.IX.3, л. 341 об.; собр. Лихачева, 526, л. 265).

3. Не менее интересен случай появления в печатном «Уставе» слова *перѣинкавус* в следующем контексте: *Да на тельгѣ жъ возити фасу съ гнетами съ сѣрными и съ воцаными свѣчами и съ фонари большими и малыми ... да походныхъ нарядныхъ свѣчъ, которыхъ вѣтромъ и дождемъ не гаситъ для того, какъ доведется пушкарскому Головъ ѣздити ночью порою къ Государю, или къ Воеводцкому стану. Буде станъ его далече случится отъ иныхъ Воеводъ и воинства начальниковъ и думныхъ людей, или ему съ своего стану далече къ снаряду ѣхати; да ему жъ надобно къ его спискамъ на перѣинкавусъ писарю его къ письму, и то возити все на одной тельгѣ* (Устав, 2: 41–42). В этом фрагменте речь идет о том, что необходимо подготовить в телегах для похода (см. краткое содержание в оглавлении: *О указъ, къ тому же*

походу имати телеги съ мѣлкими запасы (Устав, 1: 25)) Важный материал для прояснения значения этого слова дают параллельные чтения в рукописях «Устава»: *къ ево спискамъ папѣрь и ка(н)вусъ писарю ево к писму* (F.IX.3, л. 324 об.); *къ его спискомъ папѣ(р)и(н)каву(с) писарю* (собр. Лихачева, 526, л. 256 об.). Первая часть слова (*перѣ-*), по-видимому, является искажением слова *паперѣ* ‘бумага’. По данным СлРЯ XI–XVII вв., оно фиксируется в русских текстах с XV в. [Шмелев (гл. ред.) 1988: 148]. Вторая часть (*-инкавусъ*) является вариантом слова *инкауст* ‘чернила’. Вероятно, это слово польского происхождения (см., например, Słownik 8: 546). В словарях русского языка оно не обнаруживается. Чтение, обнаруживаемое в списках, подтверждается немецким оригиналом: *Pappier / ein geschrauffte Fläschen mit Tinten* (Fronsperger, 44r).

Таким образом, псевдогапак *перѣинкавусъ* может быть прочитан как *паперѣ и инкавусъ*, и, следовательно, в приведенном выше фрагменте «Устава» сообщается о необходимости иметь в обозной телеге бумагу и чернила для писаря.

Недостовѣрные лексические факты в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки»

При отсутствии списка, на основе которого готовилось печатное издание, трудно установить первичные чтения в случае разночтений, обнаруживаемых между имеющимися списками и изданием. Такие разночтения выявляются на разных языковых уровнях, в том числе и на лексическом.

1. Слово *аксис* встречается в «Уставе» в единственном контексте: *Аксисъ именуется ровная мѣра и окруженіе, покамѣстъ человѣческое око обозритъ* (Устав, 1: 162). Этот пример приводится в исследовании Л. Л. Кутиной в качестве единственной иллюстрации положения о том, что латинский термин *аксис* употребляется в книгах XVII в. наряду с русским *ось* [Кутина 1964: 68]. В СлРЯ XI–XVII вв. оно не зафиксировано. Других случаев употребления слова *аксис* в источниках XVII в. нами пока не было обнаружено. Примечательно, что в известных списках «Воинской книги» на месте этой лексемы находится другая — *басис* (F.IX.3, л. 151; собр. Лихачева, 526, л. 183 об.). То, что это чтение является первичным, может подтверждаться немецким оригиналом: *Bassis ist ein ebene Horizont / Wagrechte Lini* (Fronsperger, 110v). При этом в немецком издании нет слова *аксис* в ближайшем контексте. Следовательно, можно исключить версию ошибочного «наложения» ближайших фраз. В целом русский перевод следует за немецким оригиналом, где сочетание *ровная мѣра* переводит немецкое *Wagrechte Lini*, а для слова *Horizont* используется описательное выражение

окружение, покамышть челоуѣческое око обозритъ¹. Следовательно, *басис* в «Уставе» используется в значении 'основание, прямая горизонтальная линия'. Слово *басис* в «Уставе» больше не употребляется, однако вместо него используются другие соответствия немецкого *Linie Basis (Basis)*: *гдѣ тебѣ въ чертъ на подошвъ Б* покажутся, и вторая доля угольчатая мѣры пройдеши, и тамъ учини К (Устав, 1: 184–185) — *wo dir in der Linien Basis der ander theil deß Winckelmaß durch schneidt / dahin mach K* (Fronsperger, 125r); *найдеши черта отъ очей или зраку къ чертъ Б*, къ Θ , 10 ступеней (Устав, 1: 185) — *findt sich der Cathetus / das ist / die Lini vom Aug zu der Lini Basis / F. 10. Schuch* (Fronsperger, 125r); *того промежку 16 сажень чертою Б*, А, отъ Я, къ Б, полъ 18 сажени (Устав, 1: 187) — *zu B. 16. Klasster zu der Lini Basis / und vom A. zu B. 17^{1/2}. Klasster* (Fronsperger, 125v).

Не располагая списком, лежащим в основе печатного издания, невозможно установить, на каком этапе произошла замена: при переписывании или издании. Столь свободная замена одного слова на другое, не являющееся синонимичным или близким по значению, является симптоматичным, так как может указывать на то, что содержание этого контекста не было до конца понятно издателям².

2. Единственный раз в «Уставе» употреблено и слово *амбразура*. Оно встречается в следующем контексте (вынуждены привести его целиком): ...у того града <Турина — Д. Р., М. III.> двѣ стѣны длинныя, длиною триста шестьдесятъ шаговъ мѣрено, а другія, двѣ стѣны поперечныя тако жѣ по своей мѣрѣ учинены да бой на такихъ роскатѣхъ, которые Волоскіе (италианские) мастера *Амбразурами* именуютъ, и такіе отъ почвы закладываются толщиною въ осьмь ступеней и въ верхъ до десяти ступеней, и убавливаются толщины въ пяти ступеняхъ, ступенью, и какъ высота до

¹ Ср. другие случаи перевода этого слова в «Уставе»: *ist aber der Standt von dem Horizont der Erden höher / so ist der begert ort niderer* (Fronsperger, 125v) — *а будетъ твое мѣсто на чемъ стоиши, и отъ круга земаго пока мѣста обозриши* выше, и мѣсто твоего хотѣнія будетъ ниже (Устав, 1: 186); *so hastu geradt in den 45. Punkten gericht / oberhalb dem Horizonten* (Fronsperger, 141v) — *и ты прямо на правилъ на 45 статью выше округу твоего пока мѣста твое око видитъ* (Устав, 1: 204).

² Подобное явление отражено, например, при искажении в «Уставе» названия книги в следующем фрагменте: *и держати у себя книгу, именуемую по Француски ле Дроа, а по Нѣмецки Спекулюмъ Сасокници юрист, а по Польски и по Литовски Статутъ, а по Руски судебникъ* (Устав, т. 1, 73) (в рукописях: *Лабра* (собр. Лихачева, 526, л. 64 об.); *Лабра* (F.IX.3, л. 62)) — *soll auch ein Buch bey sich haben / welches auff Französisch Larbre des Battaigles heißt* (Fronsperger, 84v). В первоначальном чтении — *Larbre des Battaigles* — речь идет о военно-правовом трактате конца XIV в. «L'arbre des batailles» Honoré Bonet. Что касается варианта *ле Дроа*, то он, вероятно, появился в печатном издании «Устава» как общее наименование правовой литературы, что отличает его от других приведенных наименований памятников судебно-правовой литературы XVI–XVII вв. Таким образом, и здесь замена оказалась неравнозначной.

десяти ступеней дойдетъ, и будетъ толщина шести ступеней, а выше того стена слѣдуется толстиною дву ступеней, и пойдетъ въ верхъ выводами и столбами, а длина розкату отъ почвы дватцать сѣмь ступеней, а въ верху дватцати дву ступеней и будетъ толщина сѣ тѣною <так! — Д. Р., М. III.> толстиною сѣ двумя ступенями, дватцать четыре ступени, а вышина розкату бываетъ тритцать сѣмь ступеней, и выше стѣны три ступени. И такіе защиты, или розкаты, которые по среди стѣнъ строятся, основати ихъ въ длину тритцать два шага, а въ ширину осмнатцать шаговъ, а въ вышину сорокъ четыре шага, и будетъ выше городовые стѣны десятию ступенями, а дѣлаются въ такихъ розкатахъ стѣны противу бою, или оконъ стрѣльныхъ, толстиною дватцать четыре ступени, а дѣлаютъ такіе розкаты и защиты въ Волоской или Италіанской землѣ (Устав, 1: 95–96).

Единственное употребление лексемы *амбразура* в печатном издании «Устава» попало в дополнения к СлРЯ XI–XVII вв., где определяется как ‘отверстие в крепостной стене или башне для стрельбы из орудия, амбразура’ [Крысько (отв. ред.) 2006: 13].

В немецком тексте ему соответствует лексема *Bollwerck: Die Wehren der Pasteyen / so die Welschen Bawmeister Bollwerk nennen* (Fronsperger, 28v). В рукописях «Устава», а также в редакции Юрьева и Фомина на этом месте используется слово *взруб*: *бо' на таки(х) ро(с)кате(х) которые вло(с)-кие мастера взрубамн именуотъ* (собр. Лихачева, 526, л. 86 об.; см. также: F.IX.3, л. 91 об.; НСРК Q.183, л. 288). В СлРЯ XI–XVII вв. это слово определяется как «бревенчатый сруб, служащий основанием чего-л.», а также как «искусственно поднятое и укрепленное место, фундамент» [Бархударов (гл. ред.) 1975: 161]. Судя по приведенному примеру («Того же году, повелением царя и великого князя Бориса Федоровича, зачат делати взруб каменной»), такие укрепления могли быть и деревянными, и каменными.

Слово *роскат*, которое в контексте выступает в качестве гиперонима по отношению к слову *амбразура* (*взруб*) (*на такихъ розкатыхъ, которые Волоскіе (италіанскіе) мастера Амбразурами именуотъ*), в словаре определяется следующим образом: «Рубленое из дерева, каменное или земляное сооружение с помостом для установки пушек» [Богатова (гл. ред.) 1995: 277]. Далее в контексте дается подробное описание туринаского роската. Согласно исследованию К. С. Носова, лексема *роскат* представляет собой многозначный термин военного зодчества XVII в. В первом значении (‘пристройка к стене, реже башне’) в качестве примера рассматривается приведенный нами контекст из «Устава», в котором упоминается туринаская крепость, так как «такие артиллерийские платформы располагались посередине куртины в крепости Турина» [Носов 2003: 49]. Согласно К. С. Носову, «на протяжении всего XVII в. роскат имел два основных значения: пристройки к стене или башне и башнеподобного строения.

Обе эти постройки могли быть как каменными, так и деревянными. Их объединяло одно — они предназначались для размещения значительного количества орудий. Эти два значения термин *роскат* сохранял вплоть до XVIII в.» [Носов 2003: 54]. В таком значении слова *роскат* и *взруб* соответствуют немецкому *Bollwerk*³. В связи с этим представляется вполне убедительным то, что на месте слова *амбразура* должно быть употреблено слово *взруб*.

На *роскатах* могли быть *бои* (бойницы), которые семантически соответствуют слову *амбразура*. В связи с этим можно предположить, что в рассматриваемом фрагменте из «Устава» оно семантически соотносится не со словом *роскат* («на такихъ **роскатъхъ**, которые Волоскіе (италианские) мастера **Амбразурами** именуютъ»), а со словом *бой*, которое в «Уставе» могло быть ошибочно написано в единственном числе («**бой** на такихъ *роскатъхъ*, которые Волоскіе (италианские) мастера **Амбразурами** имену-ютъ»). Между тем синтаксическая структура фразы, а также дальнейшее описание конструктивных особенностей *роската* («и такіе отъ почвы за-кладываются толщиною въ осьмь ступеней и въ верхъ до десяти ступе-ней...») не позволяет допустить такого предположения. К тому же немецкий оригинал и данные рукописей этому противоречат. Следовательно, в данном случае мы вновь имеем дело с неравнозначной заменой одного слова другим.

3. В «Уставе» встречается единичное употребление слова *иглорит*: *въ чемъ растопленая сѣра еловая, сѣра горячая, да смола иглоритъ по ап-тикарски со прежде именованнымъ порохомъ смѣшено и пропущено* (Устав 2: 85). Его можно охарактеризовать как псевдогапакс, возникший в результате ошибки в издании «Устава», где к слову *глорит* был присоединен предшествующий союз *и*, соединяющий два слова — *смола* и *глорит*; ср. немецкий оригинал, где союзом соединены слова *Bech* ('смола') и *Gloriet* ('глорит'): *dardurch zerlassen Harz / Schwebel vnd Bech vnd Gloriet / mit deß vorgeandten Puluers gemischt / gezogen sey* (Fronsperger, 193v). Кроме того, об ошибочном написании свидетельствует и упоминание этого термина в «Глоссарии», который приводится в указе 656 печатного «Устава» (Т. 2. С. 227–228) под заглавием «Имяна составомъ, которые годны къ огненнымъ хитростямъ» и т. д.: *Глоритъ именуется текущая сѣра, а перепущенная селитра и сѣра горячая тоже* (Устав, 2: 227). Здесь термин сопровождается семантическим описанием, из которого также следует, что

³ Как указывает М. Г. Каменных, в России XVI–XVII вв. «раскатами» назывались бастионы, в петровскую эпоху «слово “раскат” было вытеснено семантическим дублетом “бастион”». В это же время вместе со словом *бастион* из немецкого языка заимствуется термин *больверк*, который функционирует как его семантический дублет [Каменных 1985: 14–16].

в приведенном выше фрагменте слова *смола* и *глорит* являются разными компонентами при изготовлении «огненного состава», так как глорит представляет собой вид серы, а не смолы⁴. Этот же вариант слова отражен и в чтении в редакции Юрьева и Фомина, отсутствующем в редакции Радишевского: *во(з)ми а(л)китияни то есть глорие(т) и сыра горячая и ма(сло) и яишные жо(л)тѣки* (НСРК Q.183, л. 349). Данные списков редакции Радишевского в этом случае не являются показательными, так как в скорописи союз *и* часто расположен близко к следующему слову.

4. Иной случай связан с единичным употреблением в «Уставе» слова *опельмент* в качестве наименования мышьяка: *Возьми три фунта селитры, да фунтъ сыры сырой живой, двѣ четверти фунта уголья, да ползолотника бѣлаго Опельмента, имянуется бѣлой мышьякъ, да столки то вмѣсть* (Устав, 2: 195). Эта лексема является вариантом слова *оперемент* и, судя по отсутствию этого варианта в известных источниках и словарях⁵, может рассматриваться как гапакс. В параллельном чтении немецкого оригинала и списков этот вариант отсутствует: *Nimb drey pfundt Salpetter / ein pfund grauwes Schwefel / zwen vierding Kohlen / ein zweytheyl eines quintlein weissen Operiment / stoß klein zusammen* (Fronsperger, 214v) 457; *ползолотника бѣлаго Опереме(н)та, имянуется бѣлой мышьякъ* (собр. Лихачева, 526, л. 379); *ползолотника бѣлово Оперимента, имянуется бѣлой мышьякъ* (Ф.ИХ.3, л. 510–510 об.). Вариант *оперемент* является «немецким» фонетическим вариантом заимствованного химического термина *auripigmentum*, который к XVIII веку обрел в русском языке несколько фонетических обликов, восходящих к разным западноевропейским языкам (латинскому — *аурипигментум*, *аврипигмент*; французскому — *орпимент*; немецкому — *оперемент*, *опермент*) [Соколов 2015: 492]. В «Уставе» помимо рассмотренного варианта используется также латинизированная форма: *ты вели себѣ деревянное ядро выточить величиною съ кулакѣ, ... и наполнии ево крѣпкимъ зельемъ, смѣшай ево съ канфарою, да Аврипигментумъ* (Устав, 2: 151). Примечательно, что в «Глоссарии» в разных статьях присутствуют два варианта: *Аурипигментумъ, краска желтая и летчадка она же* (Устав, 2: 227); *Ориментъ, бѣлой мышьякъ* (Устав, 2: 228). При этом второй вариант (*оримент*), по-видимому, как и лексема *опельмент*, является периферийным: представляет собой фонетическую трансформацию «французского» варианта *орпимент* с пропуском буквы *п* и вставкой *и* в форманте *-мент*. Он, наряду со словом *опельмент*, может рассматриваться как фонетический гапакс.

⁴ В таком значении слово *иглорит* попало в СлРЯ XI–XVII вв. [Бархударов (гл. ред.) 1979: 78].

⁵ Фиксация слова *опельмент* в СлРЯ XI–XVII не является показательной, так как иллюстрируется единственным примером из «Устава» [Шмелев (гл. ред.) 1987: 13].

Выводы

«Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» очень важен для изучения истории русской лексики и является признанным в лингвистической науке памятником первой трети XVII в. Тем не менее до настоящего времени лексикологическое и лексикографическое исследование языка «Устава» основывалось на его печатном издании второй половины XVIII в. Этим обусловлена некорректная интерпретация языковых фактов, отмеченных исследователями в его тексте.

Приведенный в статье материал показывает, что результатом исторической дистанции между созданием текста и его изданием, а также не критического подхода к источнику (отсутствие сопоставительного изучения его списков с привлечением данных немецкого оригинала) стали ошибки, которые, вероятно, возникли на разных этапах бытования текста (в процессе создания рукописей, а также при редактировании) и оказались в печатном издании. Такие ошибки привели к появлению псевдогапаксов (*гасар, кошода, перинкавус*) и гапаксов (вариант *опельмент*), а также недоверенных лексических фактов — слов, которые, по-видимому, появились в «Уставе» в результате неверного прочтения рукописного текста (*аксис, амбразура*, вариант *иглорит*).

Подобные языковые факты в печатном тексте «Устава», попадающие из него в авторитетные исторические словари и исследования, делают актуальным и крайне необходимым критическое изучение его языковых данных, основанное на привлечении существующих списков памятника, включая три списка XVII в. редакции М. Юрьева и И. Фомина (Казанский государственный университет, Научная библиотека им. Лобачевского. № 4550; РНБ. НСРК. Q 183; РНБ. ОСПК. F.IX.19), а также немецкого оригинала.

Источники

НСРК. Q.183 — РНБ. НСРК. Q. 183. Воинская книга. XVII в.

Собр. Лихачева, 526 — Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Собр. Н. П. Лихачева (Ф. 238). Оп. 1. № 526. Воинская книга. XVII в.

Устав — Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, состоящий в 663 указах, или статьях, в государственное царей и великих князей, Василия Иоанновича Шуйского и Михаила Феодоровича, всея Руси самодержцев, в 1607 и 1621 годах выбран из иностранных военных книг Онисимом Михайловым... Ч. 1–2. СПб.: При Гос. воен. коллегии, 1777–1781.

F.IX.3 — РНБ. F.IX.3 Воинская книга о всякой стрельбе и огненных хитростях. XVII в.

Fronsperger — Fronsperger L. Kriegßbuch / Ander Theyl. Von Wagenburgk vmb die Veldleger, Wie man die schliessen, sich darein verschantzen, wider auffbrechen, vnnd ein Statt oder Festung mit vortheyl Belaegern, Vmbschantzen vnd Vndergraben soll... Frankfurt am Main: In verlegung Sigmundt Feyerabendt, 1573.

Słownik — Słownik polszczyzny XVI wieku / Instytut Badań Literackich PAN; Kom. red. Stanisław Bak et al. Wrocław etc.: Zakł. nar. im. Ossolińskich, 1966–2021. T. 1–39.

Литература

- Астахина Л. Ю. Источники по исторической лексикологии русского языка. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2021. 492 с.
- Бархударов С. Г. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука. Вып. 2. 1975. 319 с.; Вып. 4. 1977. 403 с.; Вып. 6. 1979. 359 с.
- Богатова Г. А. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 21. М.: Наука, 1995. 278 с.
- Каменных М. Г. К истории наименований фортификационных сооружений в русском языке. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1985. 59 с.
- Крысько В. Б. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 29. М.: ИЦ «Азбуковник», 2011. 477 с.
- Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки. М.; Л.: Наука. [Ленингр. отд-ние], 1964. 219 с.
- Немировский Е. Л. Анисим Михайлов Радишевский, ок. 1560 — ок. 1631. М.: Наука, 1997. 148 с.
- Носов К. С. Русские крепости и осадная техника VIII–XVII вв. М.: Полигон, 2003. 173 с.
- Райнов Т. И. Наука в России XI–XVII веков. Очерки по истории донаучных и естественно-научных воззрений на природу. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 507 с.
- Русаковский О. В. «Воинские книги» 1607/1620 гг. и их немецкий оригинал. Попытка сопоставления // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. Т. 73. № 3. С. 53–63.
- Соколов А. И. Фонетическая адаптация заимствований как источник вариантности в русской химической терминологии XVIII — начала XIX веков // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 481–495.
- Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.). М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 384 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М.: Наука, 1980. 403 с.
- Шмелев Д. Н. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука. Вып. 13. 1987. 318 с.; Вып. 14. 1988. 311 с.

References

- Astakhina L. Yu. *Istochniki po istoricheskoi leksikologii russkogo yazyka* [Sources on historical lexicology of the Russian language]. Voronezh, Nauka-Yunipress Publ., 2021. 492 p.
- Barkhudarov S. G. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Moscow, Nauka Publ. Iss. 2. 1975. 319 p.; Iss. 4. 1977. 403 p.; Iss. 6. 1979. 359 p.
- Bogatova G. A. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Iss. 21. Moscow, Nauka Publ., 1995. 278 p.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Iss. 7. Moscow, Nauka Publ., 1980. 403 p.
- Kamennykh M. G. *K istorii naimenovanii fortifikatsionnykh sooruzhenii v russkom yazyke* [To the history of names of fortification constructions in the Russian language]. Tbilisi, Tbilisi Univ. Publ. House, 1985. 59 p.
- Krys'ko V. B. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Iss. 29. Moscow, Publ. Centre "Azbukovnik", 2011. 477 p.
- Kutina L. L. *Formirovaniye yazyka russkoi nauki* [Formation of the language of Russian science]. Moscow–Leningrad, Nauka Publ. [Leningrad branch], 1964. 219 p.
- Nemirovskii E. L. *Anisim Mikhailov Radishevskii, ok. 1560 – ok. 1631* [Anisim Mikhailov Radishevsky, approx. 1560 – approx. 1631]. Moscow, Nauka Publ., 1997. 148 p.
- Nosov K. S. *Russkiye kreposti i osadnaya tekhnika VIII–XVII vv.* [Russian fortresses and siege techniques of the 8th – 17th centuries]. Moscow, Poligon Publ., 2003. 173 p.
- Rainov T. I. *Nauka v Rossii XI–XVII vekov. Ocherki po istorii donauchnykh i estestvennonauchnykh vozzrenii na prirodu* [Science in Russia in the 11th – 17th centuries. Essays on the history of pre-scientific and natural-scientific views on nature]. Moscow–Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR, 1940. 507 p.
- Rusakovskii O. V. ["Military Books" of 1607/1602 and Its German Original: Comparison]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 2018, vol. 73, no. 3, pp. 53–63. (In Russ.)
- Shmelev D. N. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Moscow, Nauka Publ., Iss. 13. 1987. 318 p.; Iss. 14. 1988. 311 p.
- Sokolov A. I. [Phonetic adaptation of borrowings as a source of variation in Russian chemical terminology of the 18th – early 19th centuries]. *Akademik A. A. Shakhmatov: zhizn' tvorchestvo. nauchnoye nasledie. Sbornik statei k 150-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo* [Academician A. A. Shakhmatov: life, creativity, scientific heritage. Collection of articles for the 150th anniversary of the scientist's birth]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2015, pp. 481–495. (In Russ.)
- Sorokoletov F. P. *Istoriya voennoi leksiki v russkom yazyke (XI–XVII vv.)* [History of military vocabulary in the Russian language (11th – 17th centuries)]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 384 p.

Структурно-семантический анализ глаголов и имен существительных, репрезентирующих вокализации птиц в художественном и дневниковом наследии М. Пришвина

Галина Николаевна Абреимова¹, Надежда Анатольевна Бородина²,
Владимир Анатольевич Бурцев³, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
(Россия, Елец), abreimova.g.n@yandex.ru¹, borodinanadezhda@yandex.ru², ivburcev@yandex.ru³

DOI: 10.31857/S0131611724060067

АННОТАЦИЯ: В статье исследуются языковые средства, используемые для передачи звуковых сигналов птиц в индивидуально-авторской картине мира М. Пришвина. С помощью программы AntConc работа выполнена в два этапа, в результате чего была сформирована картина орнитофоносферы писателя как сложного, разноуровневого явления. Сначала были выделены все орнитонимы, встречающиеся в художественных произведениях и дневниковых записях М. Пришвина, а затем были проанализированы наиболее яркие глагольные и именные звукоописывающие лексемы. Авторы придерживались традиционной классификации при описании звуков, издаваемых птицами, что позволило дифференцировать голосовое разнообразие пернатых в творчестве М. Пришвина по степени громкости, силе звучания, высоте, тембровой окраске, темпу и четкости. Применение корпусного анализа собранных данных помогло создать комплексную картину, отражающую многослойную и индивидуальную орнитофоносферу писателя,

демонстрируя его глубокое понимание и чуткое восприятие окружающего мира. Анализ лексического богатства и лингвистической изысканности языка М. Пришвина при фиксации голосов пернатых не только раскрывает уникальный подход писателя к орнитологической теме, но и предоставляет читателям возможность глубже воспринимать истинный голос природы через призму его художественного и дневникового наследия.

ключевые слова: М. Пришвин, орнитоним, лексика звучания, глагол, имя существительное, структурно-семантический анализ

для цитирования: Абреимова Г. Н., Бородина Н. А., Бурцев В. А. Структурно-семантический анализ глаголов и имен существительных, репрезентирующих вокализации птиц в художественном и дневниковом наследии М. Пришвина // Русская речь. 2024. № 6. С. 86–98. DOI: 10.31857/S0131611724060067.

The Language of Fiction

Structural-semantic Analysis of Verbs and Nouns Representing Bird Vocalizations in M. Prishvin's Artistic and Diary Heritage

Galina N. Abreimova¹, Nadezhda A. Borodina², Vladimir A. Burtsev³,
Bunin Yelets State University (Russia, Yelets), abreimova.g.n@yandex.ru¹, borodinanadezhda@yandex.ru²,
ivburtsev@yandex.ru³

ABSTRACT: This article investigates the linguistic means employed to convey avian vocal signals within M. Prishvin's writer's perspective. The study used the AntConc software and was conducted in two stages, resulting in the formation of the writer's ornitophonosphere depiction as a complex, multi-level phenomenon. Initially, all ornithonyms encountered in M. Prishvin's literary works and diary entries were identified, followed by an analysis of their

most vivid verb-based and noun-based sound-descriptive lexemes. Authors adhere to traditional classification in describing bird sounds, enabling the differentiation of vocal diversity among avian species in M. Prishvin's oeuvre based on loudness, intensity, pitch, timbre, tempo, and clarity. The application of corpus analysis of the collected data helped to create a comprehensive picture reflecting the multi-layered and individual ornithophonosphere of the writer, demonstrating his deep understanding and sensitive perception of the surrounding world. The analysis of lexical richness and linguistic finesse of M. Prishvin's idiolect in capturing avian vocalizations not only reveals the writer's unique approach to ornithological themes but also provides the readers with a deeper understanding of the true voice of nature through the prism of his artistic and diary heritage.

KEYWORDS: M. Prishvin, ornitonym, sounding vocabulary, verb, noun, structural-semantic analysis

FOR CITATION: Abreimova G. N., Borodina N. A., Burtsev V. A. Structural-semantic Analysis of Verbs and Nouns Representing Bird Vocalizations in M. Prishvin's Artistic and Diary Heritage. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2024. No. 6. Pp. 86–98. DOI: 10.31857/S0131611724060067.

Окружающая человека действительность чувственно познается им с помощью органов восприятия, а затем посредством сознания структурируется, упорядочивается и систематизируется. В качестве основных каналов получения информации о мире выступают зрение и слух. Объектом слухового восприятия являются звуки, которые в зависимости от источника происхождения дифференцируются на искусственные и натуральные, к числу которых относятся биоакустические сигналы животных [Носуленко, Харитонов 2018: 73–75].

Вопросы, связанные с образованием, семантизацией, категоризацией, функционированием языковых единиц, имитирующих звуки фауны, достаточно часто оказываются в фокусе лингвистических изысканий. Целый ряд исследований посвящен структуре, семантике, специфике использования лексем, обозначающих звуки животного мира, в отдельных языках: калмыцком [Монраев 2014], удмуртском [Нуриева, Пчеловодова 2016], французском [Харитонов, Беляева 2019] и др. Способы семантизации орнитозвукосферы в английском, русском и французском языках в сопоставительном аспекте рассматриваются Н. А. Курашкиной

[Курашкина 2007]. И. Г. Рузин на примере звуков, издаваемых птицами, выявляет закономерности, свойственные когнитивным стратегиям именования звучаний в английском и литовском языках [Рузин 1993]. Попытка систематизировать модификации, характерные для русских зоофонов, осуществлена И. Д. Ивлиевой [Ивлиева 2018]. Особенности звукоподражательных глаголов, передающих крики живых существ, в рамках первичных коммуникативных подсистем русского языка определяются Р. П. Юшкиной [Юшкина 2000]. В работе С. А. Ганичевой освещены вокализации животных и птиц в русских говорах и предложена лингвокогнитивная интерпретация глаголов-зоофонов [Ганичева 2016]. Т. Е. Баженова анализирует семантику, структуру и территориальную дистрибуцию глаголов, отражающих звуки животных и птиц в самарских говорах [Баженова 2020]. Проведенный краткий обзор работ, посвященных средствам вербализации звуков живой природы, показал достаточную разработанность данной проблемы на базе отдельных языков и русских говоров.

Одним из источников, позволяющих воссоздать акустическое событие, реконструировать звуковую среду [Носуленко, Харитонов 2018: 279], являются литературные произведения, поэтому появляются исследования, рассматривающие экспликацию зоофоносферы в художественных и фольклорных текстах [Бобунова 2015; Купчик 2001; Неминуший 2018; Нестеров, Беляева 2016; Нуриева, Пчеловодова 2016 и др.].

Актуальность настоящей работы обусловлена обращением к проблеме репрезентации звукового пространства в языке конкретного автора; стремлением заполнить одну из лакун, образовавшихся при изучении художественного и автодокументального наследия М. Пришвина.

Сбор авторской картотеки примеров был осуществлен с помощью бесплатного программного обеспечения *AntConc*¹, предназначенного для корпусного анализа текстов. Загруженные в программу файлы содержали созданные писателем в период с 1905 г. по 1954 г. разножанровые произведения (рассказы, повести, романы, очерки и др.), а также дневниковые записи (текстовые документы представлены в электронной библиотеке М. Пришвина, размещенной на сайте Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина)².

Опираясь на данные «Русского семантического словаря» под редакцией Н. Ю. Шведовой [Шведова (ред.) 2002], авторы выделили 255 видовых

¹ Программа составления конкордансов по некоторому корпусу текстов: версия AntConc3.5.9 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.laurenceanthony.net/software/antcon/> (дата обращения 20.02.2024).

² Электронная библиотека М. М. Пришвина [Электронный ресурс]. URL: <https://elsu.ru/prishvin.html> (дата обращения: 20.02.2024). Далее в тексте — ЭБП.

наименований птиц, впоследствии введенных в поисковую строку указанной программы. Для формирования конкорданса сочетаемости орнитонимов поисковый запрос выглядел следующим образом: *аист**, *баклан** и т. д. Отдельные лексические единицы потребовали введения двух форм с целью исключения пропуска интересующих словосочетаний. Например: *дятел** или *дятл**, *щегол* или *щегл** и т. д.

Результаты исследования показали наличие значительного пласта орнитонимов, получающих звуковую характеристику у М. Пришвина. Нами было выделено 15 отрядов птиц, представленных 74 видами в 13 137 употреблении. Лидирующее положение в проанализированных текстах занимает отряд воробьинообразных (*воробей, ворона, ворон, галка, грач, дрозд, жаворонок, зарянка, зяблик, иволга, канарейка, кедровка, клест, ласточка, малиновка, овсянка, подкрапивник, поползень, рябинник, синица, скворец, снегирь, сойка, соловей, сорока, трясогузка, чиж, щегол*). Достаточно широко используются орнитонимы, номинирующие представителей отрядов курообразных (*глухарь, индейка, косач, куропатка, курица, перепел, петух, рябчик, тетерев, фазан*), ржанкообразных (*бекас, вальдшнеп, дупель, кривок, кроншнеп, кулик, чайка, чибис*), гусеобразных (*гусь, лебедь, кряква, свиязь, селезень, утка, чирок*). Реже встречаются птицы, принадлежащие отрядам ястребообразных (*беркут, канюк, коршун, орел, ястреб*), журавлеобразных (*дергач, журавль, коростель*), голубеобразных (*витюнь, голубь, горlinka*), дятлообразных (*дятел, желна*), совообразных (*филин (гугач), сова*). Единичны употребления орнитонимов таких отрядов, как соколообразные (*кобчик*), стрижеобразные (*стриж*), кукушкообразные (*кукушка*), буревестниковые (*буревестник*), аистообразные (*выпь*), гагариобразные (*гагара*). На нижеприведенной диаграмме представлена наглядная визуализация численности видов птиц по отрядам в порядке увеличения их частотности в пришвинских текстах (см. Рис. 1).

В количественном отношении наиболее употребительными орнитонимами у М. Пришвина являются лексемы *бекас* (1101 употреб.) и *тетерев* (1001 употреб.), которые считаются популярными птицами для охоты: тетерева сложно обнаружить из-за его осторожности, отличительных навыков маскировки, а бекаса трудно подстрелить из-за его невероятной маневренности. Писатель, тонко чувствуя присутствие этих птиц, различая издаваемые ими звуки, точно определял местонахождение пернатой дичи и разрабатывал стратегии ее ловли. Эта редкая способность делала его не только успешным охотником, но и блестящим мастером слова, создающим великолепные пейзажные зарисовки. Каждый орнитоним приобретал у М. Пришвина собственное звучание: от низких и грозных вибраций гусяного гогота и утиного кряхтения до изысканных и чистых свистов певчих птиц.

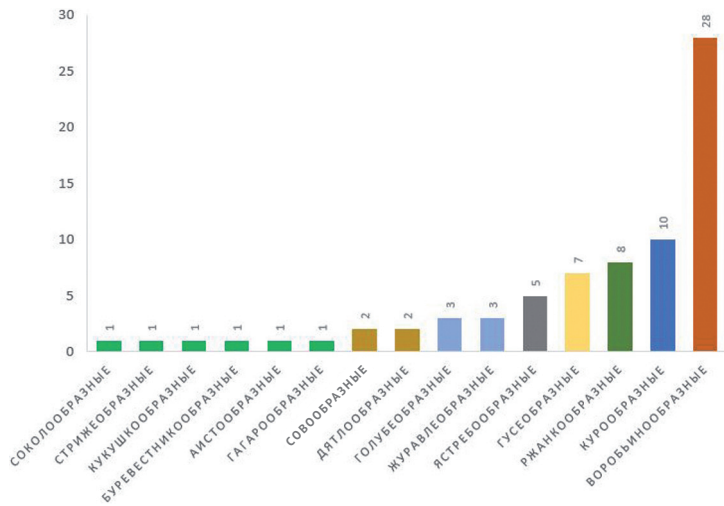

Рис. 1. Отряды птиц в текстах М. Пришвина | Fig. 1. Orders of birds in M. Prishvin's texts

Для нас в первую очередь были важны акустические признаки птиц, т. е. языковые средства создания их звуковых образов. В ходе исследования мы рассматривали конструкции типа «существительное/глагол с семой 'звук' + орнитоним», где наименование птицы для наглядной визуализации полученных результатов было размещено в середине рабочего окна программы (см. Рис. 2).

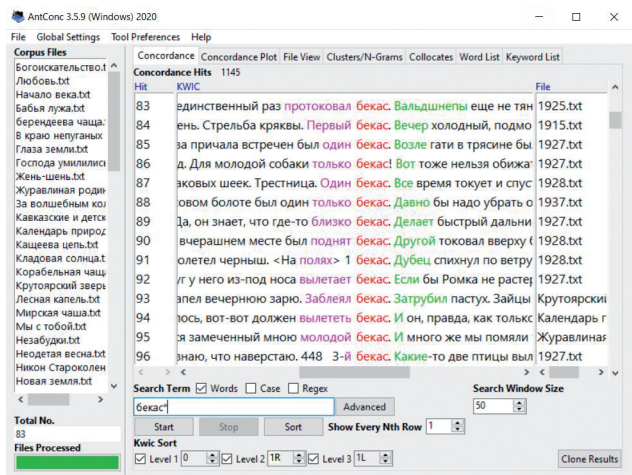

Рис. 2. Пример конкорданса ключевого орнитонима бекас | Fig. 2. The example of a concordance of the key ornithonym snipe

В пришвинских текстах можно выделить два ведущих компонента в вокализации пернатых: *крик* и *пение*. Компонент значения '*крик*' охватывает не только разнообразные звуки, издаваемые птицами, но и их эмоциональный окрас. Это может быть глубокий, резкий или характерный крик, многоголосый хор. Компонент значения '*пение*' позволяет автору воссоздать мир гармонии, где каждый пернатый музыкант исполняет свою индивидуальную симфонию.

В многозвучной палитре пришвинских текстов с точки зрения физических свойств звуки можно дифференцировать по степени громкости и силе звучания, высоте, тембровой окраске, темпу, четкости, что позволяет точно описать разнообразие голосовой сигнализации птиц.

Громкость представляет собой сложный феномен, объединяющий в себе различные аспекты физических характеристик звуковых сигналов птиц и их восприятия слуховым аппаратом человека. Нами была выделена тернарная оппозиция по громкости звучания: «громкие» глаголы, глаголы «нейтральной громкости», «тихие» глаголы. К «громким» звукоописывающим глаголам и отглагольным существительным относятся лексемы, передающие ощущение энергии и доминантности птиц в природной среде: ***кричать, крик, клик, вскрики, выкликивание*** (о бекасе, беркуте, буреvestнике, вороне, вóроне, галке, граче, гусе, дергаче, дрозде, дятле, желне, журавле, иволге, индейке, кобчике, коростеле, кроншнепе, крякве, кукушке, кулике, куропатке, лебеде, орле, перепеле, петухе, рябиннике, селезне, скворце, сове, сороке, утке, фазане, филине, чайке, чибисе), ***гоготать*** (о гугаче, гусе), ***гомон*** (о журавле), ***грянуть*** (о петухе), ***гукать*** (о филине-гугаче), ***каркать*** (о вороне), ***кококать*** (о глухаре), ***клекотать, клекот*** (об орле), ***курлыкать*** (о журавле), ***рокотать, рокот*** (о коршуне), ***трубить*** (о голубе, журавле), ***шваркать, чвякать*** (о селезне) и др. Активные моменты в пришвинском повествовании часто сопровождаются живыми и динамичными сценами, не только придавая ему выразительность, но и создавая яркое визуальное и аудиальное представление о голосовом многообразии пернатых, а также уточняя характеристику и особенности звуковых сигналов каждой птицы: ***свистеть, просвистывание, свист*** (о вальдшнепе, гусе, дрозде, журавле, иволге, индейке, коршуне, кроншнепе, кулике, рябчике, свиязи, скворце, соловье, утке, чибисе, чиже, чирке), ***цукать*** (о выпе), ***трещать, треск, трескотня*** (о воробье, дрозде, кедровке, рябиннике, селезне, сороке, чирке), ***орать*** (о вороне, вóроне, граче, петухе, селезне, утке), ***шуметь*** (о граче, ястребе), ***хохотать, хохот*** (о гагаре, куропатке, филине, чайке), ***гремять*** (о журавле, тетереве), ***вопить*** (о гагаре), ***восклицать*** (о дрозде).

Глаголы «нейтральной громкости» мы определили как слова, обозначающие среднюю степень звуковой интенсивности, при которой звук,

выражаемый глаголом, производится без значительного повышения или понижения громкости. Звуковое воздействие воспринимается как умеренное, не выделяющееся на фоне обыденного уровня акустической среды. Например, *кудахтать* (о глухарке, курице), *кокотать* (о фазане), *храпеть*, *хруп* (о вальдшнепе, галке, глухаре, гусе-гуменнике, курице, скворце), *стонать*, *стон* (о желне, кроншнепе, соловье), *погудеть* (о снегире).

В пришвинских текстах тихие звуки, характеризующие спокойных и мелодичных птиц, направлены на создание атмосферы гармонии и умиротворенности: *пенье*, *песня*, *песнь*, *песенка* (о вальдшнепе, воробье, глухаре, горлинке, дрозде, дятле, жаворонке, зарянке, зяблике, иволге, канарейке, клесте, косаче, кукушке, курице, ласточке, малиновке, овсянке, петухе, подкрапивнике, поползне, синице, скворце, сойке, соловье, сороке, трясогузке, чиже, щегле). Мягкие и игривые звуки сопровождают пейзажи размеренных и спокойных сцен: *пищать*, *писк* (о водяной курочке, дятле, канарейке, кулике, курице, овсянке, рябчике, синице, утке, ястребке), *пикать* (об овсянке), *мирный звук* (о горлинке).

Атмосферу тишины и уединения писатель сопровождает звуками, которые активно взаимодействуют с природным окружением, выделяя моменты покоя: *чуфыкать*, *бормотать* (о косаче, петухе, тетереве), *чмокнуть*, *шипеть* (о тетереве), *хрипеть*, *хрип*, *подхрипывание* (о вальдшнепе, журавле, кукушке, скворце), *фыркать* (о бекасе, фазане), *шуршать* (о зяблике), *вторить* (о коростели), *проскрипеть* (о глухаре), *шептать* (о перепеле), *крякнуть* (об утке).

Следует отметить, что большинство анализируемых глаголов и их дериватов нельзя интерпретировать однозначно. Однако, основываясь на семантических нюансах, связанных с атрибутивными прилагательными и наречиями, можно дать более точную характеристику птичьих сигналов. Ср.: *громко петь* (о дрозде, скворце, соловье), *запеть полным голосом* (о дрозде, синице), *звонкая песня* (о зяблике), *звучно квохтать* (о горной куропатке), *петь самым сильным сочным голосом* (о кукушке) и др. — *робко петь/начать* (о дрозде, скворце, соловье), *еле слышно бормотать* (о тетереве), *с легким, чуть слышным гульканьем* (о дупеле), *тихонечко подшваркивать* (о селезне), *тихий голос* (о горлинке) и др. Эти примеры иллюстрируют, как атрибутивные и адвербиальные элементы направлены на дифференциацию многозначных лексем, обеспечивая более точное понимание их семантических оттенков и контекстуальных нюансов.

Высота звука, выраженная в частоте звуковых колебаний, в текстах М. Пришвина является не только физическим параметром, но и средством передачи эмоционального настроения. Каждый глухой, гулкий

голос или возвышенный, мелодичный тон становятся частью звукового пейзажа. Рассмотрим особенности вокализаций, фокусируясь на использовании высоких и низких звукоописывающих глаголов и именных дериватов. Так, в высоких четко ощущается преобладание тонких и пронзительных музыкальных оттенков: *звенеть* (о синице), *пищать тонким голосом*, *жалобный писк/стон* (о желне, синице, ястребке), *пикать*, *пиканье* (об овсянке, чибисе), *тонкая трель* (о кроншнепе), *особый струнный крик* (о вороне), *запеть серебряным голосом* (о канарейке). Эти лексемы придают пришивинским текстам энергию и живость, а голосам птиц — описательную экспрессивность.

В контрасте с высокими звуками выделяются лексемы, передающие низкие и глубокие тембры птичьего голоса. Тембр добавляет еще один уровень сложности в восприятии вокализаций птиц. Для описания густых, плотных звуков писатель использует такие глаголы-зоофоны и отглагольные существительные, как *похрапывать*, *храп* (о вальдшнепе, галке, глухаре, гусе-гуменнике, курице, скворце), *хрипеть*, *хрип*, *подхрипывание* (о вальдшнепе, журавле, кукушке, скворце), *хриплый крик* (о вороне), *хоркать* (о вальдшнепе), *грубо кричать* (о селезне), что создает ощущение мощи и глубины в природном ландшафте пришивинских текстов.

В художественных произведениях и дневниковых записях М. Пришвина звукоописание не ограничивается передачей высоты и глубины звуков, издаваемых птицами, автором активно используется темп произнесения как важный компонент голосовой характеристики. На переднем плане этой аналитической рефлексии — включение разнообразных глаголов и их дериватов, репрезентирующих как быстрое, так и медленное звучание. В исследуемом материале обнаружено небольшое количество лексем, подчеркивающих быстроту звучания, что особенно выразительно при описании действий птиц в воздухе: *трещать*, *беспокойная трескотня* (о воробье, дрозде, кедровке, рябиннике, селезне, сороке, чирке), *стрекотать*, *стрекотание*, *чекотать*, *чекотание* (о сороке), *суетливо*, *задорно пищать* (о дятле), *щебетать*, *щебетание* (о воробье, канарейке, ласточке), *рассыпаться коротенькой песней* (о зяблике).

Передавая неповторимый музыкальный ритм в природе, писатель указывает на продолжительность и монотонность птичьих голосов, постоянное и единообразное звучание: ***без перерыву/бесперерывно/непрерывно кричать*** (о петухе, утке), ***непрерывно звенеть/петь*** (об иволге, синице), ***неизменно тукать*** (о дятле), ***неустанно куковать/гомонить***, ***бойко бормотать/петь*** (о жаворонке, журавле, кукушке, тетереве), ***мерно, безостановочно чирикать***, ***как часы*** (о воробье), ***ныть все время*** (о канюке), ***неустанно отбивает часы / отсчитывает время*** (о кукушке). Это придает данным звукам отчетливость и даже некоторую

экспрессивность, создавая впечатление живого и динамичного звучания окружающей среды.

В контрасте с «быстрыми» «медленные» глаголы-зоофоны придают произведениям ощущение задушевного спокойствия, превращают голос птицы в медитативный опыт, раскрывая нюансы звуковых оттенков и создавая картину, в которой каждый звук тщательно взвешен и вписан в общий музыкальный аккорд текста, например: *конючить* (о ястребе), *вяло куковать* (о кукушке). Так, М. Пришвин, представляя голос *вальдшнепа*, акцентирует внимание на медленном темпе его акустического звучания, характеризующегося особым ритмом — протянуть *с цоканьем без хорканья* [ЭБП, Дневник 1929: 406]; «*протянул с хрипом, как бы спрашивая всех: “Почему такое молчание!”*» [ЭБП, Дневник 1937: 564], поэтому у читателя складывается ощущение замедления времени под воздействием звука, распространяющегося вдаль и имеющего особую, характерную окраску.

С учетом артикуляционной четкости звукоописывающие лексемы нами разграничены на четкие, характеризующиеся высокой степенью ясности в передаче звуков, и нечеткие, представляющие собой неопределенное звучание. Например, в словосочетаниях *чрезвычайно резкий крик* (о желне, рябиннике, утке), *характерное просвистывание* (о связи) атрибутивные конкретизаторы выступают как звуковой акцент, привлекающий внимание, позволяющий ясно представить вокализации. Или другой пример. Описание голоса *дрозда* в текстах писателя обладает ярко выраженной артикуляционной четкостью: *отчетливо/особенно выразительно* (*высвистывать, петь*), где адverbиальные лексемы помогают читателю ясно воспринимать и различать звуки. Нечеткие лексемы, такие как *бормотать, бормотание, бубнить, гурковать, гуркование, мирно ворковать, воркование, уркование* (о витютне, голубе, горлинке, косаче, петухе, тетереве), передают мягкие и невнятные звуковые сигналы.

Таким образом, проведенное исследование выявляет несколько ключевых аспектов, раскрывающих особенности репрезентации голосов различных птиц в текстах М. Пришвина. В дневниках писателя лексемы, описывающие вокализацию птиц, встречаются в 1,5 раза чаще, чем в его художественных произведениях. Мастер слова уделяет особое внимание индивидуальным свойствам звучания птиц, подбирая такие слова и выражения, которые дают возможность визуализировать звуковой образ. Степень громкости, быстрота произнесения, четкость речи в передаче вокализаций пернатых тесно связаны с авторским замыслом. С помощью глаголов и отглагольных существительных, разграничивающихся по степени громкости, длительности и источнику звучания, каждая птица получает свой набор присущих только ей характеристик.

Литература

- Баженова Т. Е. Глаголы-зоофоны в самарских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 44–64.
- Бобунова М. А. Наименования звуков птиц в песенном фольклоре Русского Севера // Рябининские чтения — 2015: Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: ФГБУК «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник “Кижи”», 2015. С. 533–535.
- Ганичева С. А. Русские глаголы-зоофоны в структурно-семантическом и лингвогеографическом аспектах: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2016. 23 с.
- Ивлиева И. В. Модификационное поле русских зоофонов. Особенности синтеза // Интер-активная наука. 2018. № 6 (28). С. 64–72.
- Купчик Е. В. Образ ворона в поэзии Б. Окуджавы, В. Высоцкого и А. Галича // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. Вып. 5. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2001. С. 545–549.
- Курашкина Н. А. Звукообозначения как репрезентация звуко сферы в языке (на материале английских, французских и русских антропо- и орнитофонов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 24 с.
- Монраев М. У. О криках и звуках, издаваемых животными и птицами в калмыцком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10-2 (40). С. 112–115.
- Неминуший А. Н. Структура и функции звукового кода в «Записках охотника» И. С. Тургенева // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 3. С. 50–64.
- Нестеров С. Б., Беляева Е. В. Птицы в творчестве И. А. Бунина // Российский научный журнал. 2016. № 1 (50). С. 120–134.
- Носуленко В. Н., Харитонов А. Н. Жизнь среди звуков: психологические реконструкции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 422 с.
- Нуриева И. М., Пчеловодова И. В. Голоса птиц в языке и мифопоэтической традиции удмуртов // Традиционная культура. 2016. № 2 (62). С. 42–51.
- Программа составления конкордансов по некоторому корпусу текстов: версия AntConc3.5.9 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.laurenceanthony.net/software/antcon/> (дата обращения 20.02.2024).
- Резин И. Г. Природные звуки в семантике языка (Когнитивные стратегии именования) // Вопросы языкознания. 1993. № 6. С. 17–27.
- Харитонов И. В., Беляева Е. Е. Глаголы, обозначающие звуки фауны во французском языке: феноменологический анализ // Преподаватель XXI век. 2019. № 3. С. 376–388.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. I: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос). М.: Азбуковник, 2002. 807 с.

Электронная библиотека М. М. Пришвина [Электронный ресурс]. URL: <https://elsu.ru/prishvin.html> (дата обращения: 20.02.2024).

Юшкина Р. П. Взаимоотношения коммуникативных подсистем языка: На материале русских глаголов, передающих крики животных, в литературном языке, просторечии и территориальных диалектах: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 222 с.

References

- Bazhenova T. E. [Verbs imitating animal sounds in Samara dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2020* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research 2020)]. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020, pp. 44–64. (In Russ.)
- Bobunova M. A. [Names of bird sounds in the song folklore of the Russian North]. *Ryabininskie chteniya — 2015: Materialy VII konferentsii po izucheniyu i aktualizatsii kul'turnogo naslediya Russkogo Severa* [Ryabinin's Readings — 2015: Materials of the VII conference on the study and actualization of the cultural heritage of the Russian North]. Petrozavodsk, State Historical-Architectural and Ethnographic Museum-Reserve "Kizhi" Publ., 2015, pp. 533–535. (In Russ.)
- Ehlektronnaya biblioteka M. M. Prishvina* [M. M. Prishvin's electronic library]. Available at: <https://elsu.ru/prishvin.html> (accessed 20.02.2024).
- Ganicheva S. A. *Russkie glagoly-zoofony v strukturno-semanticheskom i lingvogeograficheskom aspektakh*. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk [Russian zoophone verbs in structural-semantic and linguistic-geographical aspects. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Vologda, 2016. 23 p.
- Ivlieva I. V. [Russian zoophonic verbs modifications' domain. Peculiarity of synthesis]. *Interaktivnaya nauka*, 2018, no. 6 (28), pp. 64–72. (In Russ.)
- Kharitonova I. V., Belyaeva E. E. [Verbs denoting the sounds of fauna in French: phenomenological analysis]. *Prepodavatel' XXI vek*, 2019, no. 3, pp. 376–388. (In Russ.)
- Kupchik E. V. [The image of a raven in the poetry by B. Okudzhava, V. Vysotsky and A. Galich]. *Mir Vysotskogo: Issledovaniya i materialy. Vyp. 5* [Vysotsky's World: Research and Materials. Iss. 5]. Moscow, V. S. Vysotsky State Cultural Center-Museum Publ., 2001, pp. 545–549. (In Russ.)
- Kurashkina N. A. *Zvukooboznacheniya kak reprezentatsiya zvukosfery v yazyke (na materiale angliiskikh, frantsuzskikh i russkikh antropo- i ornitofonov)*. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk [Sound designations as a representation of the sound sphere in language (based on the material of English, French and Russian anthropo- and ornithophones). Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Ufa, 2007. 24 p.
- Monraev M. U. [On calls and sounds emitted by animals and birds in the Kalmyk language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 10-2 (40), pp. 112–115. (In Russ.)

- Neminushchii A. N. [The structure and functions of the sound code in the «The Hunting sketches» by Ivan Turgenev]. *Problemy istoricheskoi poehtiki*, 2018, Vol. 16, no. 3, pp. 50–64. (In Russ.)
- Nesterov S. V., Belyaeva E. V. [Birds in the works of I. A. Bunin]. *Rossiiskii nauchnyi zhurnal*, 2016, no. 1 (50), pp. 120–134. (In Russ.)
- Nosulenko V. N., Kharitonov A. N. *Zhizn' sredi zvukov: psikhologicheskie rekonstruktsii* [Life among sounds: psychological reconstructions]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2018. 422 p.
- Nurieva I. M., Pchelovodova I. V. [Voices of birds in the language and mythopoetic tradition of the Udmurts]. *Traditsionnaya kul'tura*, 2016, no. 2 (62), pp. 42–51. (In Russ.)
- Programma sostavleniya konkordansov po nekotomu korpusu tekstov: versiya AntConc3.5.9* [The program for creating concordances for a specific text corpus: version AntConc 3.5.9]. Available at: <https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/> (accessed 20.02.2024).
- Ruzin I. G. [Natural sounds in the semantics of language (Cognitive naming strategies)]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1993, no. 6, pp. 17–27. (In Russ.)
- Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovy slovar', sistematizirovannyi po klas-sam slov i znachenii. T. I: Slova ukazuyushchie (mestoimeniya). Slova imenuyushchie: imena sushchestvitel'nye (Vse zhivoe. Zemlya. Kosmos)* [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and reviews. Vol. I: Indicative words (pronouns). Name words: nouns (All living things. Earth. Space)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2002. 807 p.
- Yushkina R. P. *Vzaimootnosheniya kommunikativnykh podsystem yazyka: Na materiale russkikh glagolov, peredayushchikh krikhi zhivotnykh, v literaturnom yazyke, prostorechii i territorial'nykh dialektakh. Dis. ... kand. filol. nauk*. [Relationships of communicative subsystems of language: Based on the material of Russian verbs conveying animal cries in the literary language, popular language and territorial dialects. Cand. phil. sci. diss.]. Moscow, 2000. 222 p.

Врущий пес в комедии Н. В. Гоголя «Женитьба»

Владимир Анатольевич Коршунков, Вятский государственный университет,
vla_kor@mail.ru (Россия, Киров)

DOI: 10.31857/S0131611724060074

аннотация: В статье обращено внимание на выражение *пес врет*, которое встречается в реплике свахи из комедии Н. В. Гоголя «Женитьба». Исследователями изучались особенности женской речи в этой комедии и «лингвистика лжи» у Гоголя, но реплика о «врущем псе» почти не замечалась. Слова *пес* и *собака*, обращенные к человеку, издавна были грубыми ругательствами, что соответствовало общему пренебрежительному отношению к этим животным. Два значения ('лаять' и 'врать') свойственны глаголу *блехать*. В русском языке основное значение *блехать* — 'лаять', а значение 'лгать, врать' чаще встречается в диалектах. В противоположность этому основное значение украинского *блехати* — 'говорить неправду'. Действие комедии «Женитьба» первоначально должно было происходить в селе или городке (возможно, украинском). Гоголь долго работал над комедией и впоследствии перенес ее действие в Петербург. При переработке произведения эта реплика не была удалена или переделана, хотя она является либо украинизмом, либо выражением просторечным, которое не слишком уместно в речевом контексте столичного общества. Среди выявленных в текстах Гоголя украинизмов эти слова не отмечены. Возможно, Гоголь нарочно сохранил за свахой такие, необычно звучащие слова, показывая тем самым, что она и в Петербурге остается провинциалкой.

ключевые слова: Н. В. Гоголь, комедия «Женитьба», лексический состав языка, история повседневности, столица и провинция, зооантропология

для цитирования: Коршунков В. А. Врущий пес в комедии Н. В. Гоголя «Женитьба» // Русская речь. 2024. № 6. С. 99–114. DOI: 10.31857/S0131611724060074.

The Language of Fiction

The Dog Who Tells Lies in Nikolai Gogol's Comedy “Marriage”

Vladimir A. Korshunkov, Vyatka State University (Russia, Kirov), vla_kor@mail.ru

ABSTRACT: This article draws attention to the expression *pyos vryot* ‘dog tells lies’ found in the matchmaker’s line from the comedy “Marriage” by Nikolai Gogol. Researchers have already studied the peculiarities of women’s speech in this comedy and the “linguistics of lying” in Gogol’s texts but the phrase “lying dog” was hardly noticed by them. The word *dog* addressed to a person have long been considered an obscene word which correlated with the disdainful attitude towards these animals. The East Slavic word *brekhat* possesses two meanings ‘to bark’ and ‘to tell lies’. The main meaning of *brekhat* in Russian is ‘to bark’ while the meaning ‘to lie’ is more common in Russian dialects. On the contrary, the main meaning of Ukrainian *brekhati* is ‘to tell lies’. The action of the comedy “Marriage” was originally supposed to take place in a village or small town (apparently in Ukraine). Gogol worked on the comedy for a long time and later moved its action to St. Petersburg. While working on his comedy, Gogol didn’t delete or reworked this line although the expression *pyos vryot* is either a Ukrainianism or a colloquial expression, which is not very appropriate in the speech context of the Russian metropolitan society. This expression is not noted among the identified Ukrainianisms in Gogol’s texts. Perhaps Gogol deliberately retained such unusual words for the matchmaker showing that while living in St. Petersburg she remains a provincial.

KEYWORDS: Nikolai Gogol, comedy "Marriage", language vocabulary, history of daily life, capital and province, zooanthropology

FOR CITATION: Korshunkov V. A. The Dog Who Tells Lies in Nikolai Gogol's Comedy "Marriage". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 6. С. 99–114. DOI: 10.10.31857/S0131611724060074.

Проблематика. Видный специалист по Н. В. Гоголю И. А. Виноградов в недавнее время предпринял поиски украинских реминисценций в гоголевских текстах, в том числе в тех, что были созданы гораздо позже «малороссийских повестей» [Виноградов 2020; Виноградов 2023]. Не вдаваясь в частности, можно утверждать, что эти усилия, несомненно, имеют смысл. Виноградов стремился показать, «сколько разнообразной пищи — и для сатиры, и для лирического воодушевления — давала Гоголю малороссийская стихия» [Виноградов 2023: 102].

Одно из произведений Гоголя, где действие происходит далеко от Украины, в столичном обществе Петербурга, — комедия «Женитьба». В этой комедии сваху Феклу Ивановну разные персонажи укоряют в том, что она постоянно привирает. Подзуживая нерешительного Подколесина к скорейшему сватовству, Фекла Ивановна бросила обидную реплику: «Ведь в голове седой волос уж глядит, скоро совсем не будешь годиться для супружеска дела». Это раздосадовало Подколесина: «Да *врешь*, я пойду посмотрю в зеркало; где ты выдумала седой волос?» (здесь и далее курсив мой. — В. К.) [Гоголь 2012а: 317–318]. Затем Фекла поведала, как один из женихов — отставной морской офицер Балтазар Балтазарович Жевакин — требовал точных сведений о приданом и в ответ на ее реплику крикнул: «Ты *врешь*, собачья дочь!» Сваха добавляла: он «вклеил такое словцо, что и неприлично тебе сказать» [Гоголь 2012а: 325]. *Собачья дочь* — это замена хлесткого словечка, которое в приличном обществе расценивалось как непристойное. Гоголь в разных своих произведениях нередко использовал и ругательство *собачий сын*. А в этой комедии еще один жених — Иван Павлович Яичница — признавался, что фамилия у него, действительно, странная и он как-то раз вздумал переменить ее: «Я хотел было уже просить генерала, чтобы позволил называться мне Яичницын, да свои отговорили: говорят, будет похоже на “собачий сын”» [Гоголь 2012а: 332].

Фекла Ивановна заспорила с теткой невесты Ариной Пантелеймоновой, какой жених лучше — дворянин или купец. У свахи-то на примете

сплошь дворянчики были. Арина же — сама из купеческого сословия и предпочла бы в женихи купца. На реплику свахи: «А дворянин...» — она воскликнула: «*Врешь, врешь*: дворянин... Губернахтор больше сенахтора! Разносились с дворянином! а дворянин при случае так же гнет шапку...» [Гоголь 2012а: 327–328].

В общем, когда сваха своекорыстно нахваливает достоинства невесты или жениха, ее краснбайство окорачивают: *врешь*, мол. Кажется, она к этому привыкла, и есть у нее отговорка. Вот Подколесин ей тычет: «Да ты *врешь*, Фекла Ивановна», — а та парирует: «Устарела я, отец мой, чтобы *врать*; *пес врет*» [Гоголь 2012а: 316].

Фраза о том, что «устаревший» человек лгать не станет, есть у Гоголя и в «Мертвых душах». Там Плюшкин признавался Чичикову: «проклятая горячка выморила... здоровённый куш мужиков», и с прошлой ревизии таковых душ набирается «до ста двадцати» [Гоголь 2012б: 115].

«— Вправду? целых сто двадцать? — воскликнул Чичиков и даже разинул несколько рот от изумления.

— Стар я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десяток живу! — сказал Плюшкин» [Гоголь 2012б: 116].

Но как же может *врать* *пес*?.. Речи свахи из комедии «Женитьба» изучались В. Л. Карякиной в аспекте «репрезентации особенностей женской речи», однако это странное выражение не обсуждалось [Карякина 2018]. Недавно на реплику свахи обратил внимание А. И. Иваницкий. По его суждению, слова Яичницы (на самом же деле — Жевакина): «Ты *врешь*, собачья дочь!» — выявляют «животную природу» свахи, а сама она «оценивает этот “животный” признак как возрастной» («Устарела я...») либо как моральный [Иваницкий 2022: 204]. Попытки отыскать в героях пьесы «животные признаки» (с последующей «перекодировкой») на фоне неких «бесовски-хтонических атрибутов» едва ли позволяют прийти к сколько-нибудь доказуемым выводам.

Собака в русской повседневности и в языковой картине мира.

Случается, что животных обвиняют в том, будто те врут. У Д. И. Фонвизина в комедии «Бригадир» (1769) врет лошадь. Вот главный герой, бригадир ругает непутевого сына: «Дурачина! дурачина! Что ты ни скажешь, так все *врешь*, как лошадь» [Фонвизин 1959: 73]. Но тут, очевидно, всего лишь переиначенный фразеологизм *врать* как *сивый мерин*. О таком мерине говорили: *глуп как сивый мерин*, *ленив как сивый мерин* (ср. также: *бред сивой кобылы*) [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 427–428]. Обычно *врут* те животные, к которым у людей отношение негативное. Когда опытные

охотники говорили: собаки *врут*, то имели в виду, что они неправильно себя ведут, добывая зверя или птицу, ошибаются.

Символика собаки у Гоголя имеет негативный оттенок: когда у него человека уподобляют псу или что-либо людское называют собачьим, то это отнюдь не похвала [Кривонос 2006].

Слово *пес* (как и *собака*) издавна было грубым ругательством [Успенский 1996; Жельвис 1997: 236–250; Кондратьева 2003; Halperin 2011]. В некоторых случаях им могли заменять другие, неудобные для произношения слова (*черт знает — пес знает* и т. п.). Этих животных считали бесстыжими и сварливыми. В прежние века жизнь у них была несладкой — это устанавливается в том числе по костным останкам [Zinoviev 2012: 145–157; Maltby, Brisbane 2020: 56, 75–76, 91–92, 128–129, 135–136, 152–153, 171, 220–221, 330–332, 345; Лобанова, Бачура 2021: 273–278]. До XVII в., судя по имеющимся в нашем распоряжении отрывочным данным, обычных (не охотничьих) собак презирали и третировали [Михайлова 2010: 368–373; Kleimola 2010; Kleimola 2012: 436–438; Halperin, Kleimola 2018]. В XVIII–XIX вв. собаки у русских крестьян считались «нечистыми». Известно, что в XVIII–XIX вв. так называемое «малое освящение» храма после того, как в него забежала собака, бывало обязательным. В таком случае богослужение приостанавливалось, извещали епископа, тот отдавал распоряжение, и храм переосвящали. Суровое отношение к псам характерно не только для русских, но и для других славянских народов [Жельвис 1984; Гуря 2012].

В драматургическом «Отрывке» Гоголя, относящемся к началу 1830-х гг., шустрый посетитель немолодой и чванливой дворянской дамы поведал ей сплетню о знакомой барыне, которая, дескать, собственноручно наказывает своих крепостных служанок, а один раз по ошибке и мужа высекла. Дальше — больше: уловив живейший интерес собеседницы, он воскликнул: «Счет всякий день мужа, как кошку!..» [Гоголь 2012а: 431]. Кошку, однако, розгами не секут (разве что рукой шлепают или уж пинают)¹. И даже о *битье кошек* в разговорной речи упоминали реже, чем

¹ Вообще-то не секут, но у русских классиков — секут. В повести Гоголя «Нос» (1832–1833) сказано о цирюльнике, что тот «выглянул в дверь... боязливо, как кошка, которую только что высекли за кражу сала» [Гоголь 1995: 46]. У Ф. М. Достоевского в рассказе «Чужая жена и муж под кроватью» (1848/1860) муж (но не тот, который «под кроватью») сердится на кота: «Нужно высечь Ваську... его, плута, уже целый месяц не секли» [Достоевский 2014: 150]. Достоевский здесь иронизировал, у него один из персонажей вскоре стал поддакивать: «Да, ваше превосходительство, конечно; исправительные наказания необходимы с домашними животными. <...> Я говорю, что исправительные наказания, ваше превосходительство, необходимы для водворения покорности в домашних животных» [Достоевский 2014: 155]. Эта сценка позволяет понять, отчего делались странные заявления о том, что кошек секут. Вспать розог запросто могли непокорным крестьянам

о *битье собак*. Надо иметь в виду, что такое у Гоголя высказал субъект по фамилии Собачкин². А у кошек в традиционном обществе житье тоже было нелегким [Василевская, Коршунков 2007: 112–114; Коршунков, Ледров 2023].

Бывает, что собака, напротив, слишком доверчива, податлива на всякую ложь (и такое тоже ее не украшает). В «Воспоминаниях» Тэффи при описании событий Гражданской войны приводилась речь еврейского пройдохи-антрепренера: «Ну вы же меня мертвецки удивляете! Такой человек! Вы спросите в Конотопе! В Конотопе его прямо-таки обожают. Дантист Пескин бил его костью от ветчины. Через жену. <...> Может быть даже, Пескин бил его не через жену, а по коммерческому делу. А может, и совсем не бил, а он только *врет* — *пусть ему собака верит*» [Тэффи 1931: 101].

В общем, воспринимаемый таким образом пес был способен на многое. Но с чего бы ему врать-то?..

Врать и брехать. Глагол *врать* восходит к древнему индоевропейскому корню со значением «говорить, произносить слова». Еще в XIX в. он мог использоваться в этом старинном значении — например, «болтать» [Преображенский 1910–1914: 100; Фасмер 1996: 361; Шанский (ред.) 1968: 192–193; Черных 1994: т. 1, 169]³. Но собаки не болтают и вообще не привыкли изъясняться словами (хотя у Гоголя в «Записках сумасшедшего» они разговаривают и даже пишут⁴). Собаки обычно лают. Или брешут? Именно в глаголе *брехать* сочетаются оба смысла: и «лаять», и «врать».

У глагола *брехати* в украинском языке основное значение — ‘говорить неправду’ и уже второе — ‘гавкать’ (о собаке) [Білодід (ред.) 1970: 233]. Там иногда в качестве ответной реплики на обвинение в возможной лжи до сих пор встречаются выражения *пес бреше* (— *Не брешеши? — Хай пес бреше!*) и *собака бреше* (*Собака бреше, а не я*) [GRAC].

В русском языке у глагола *брехать* основное значение — ‘лаять, гавкать, как собака’. И уже затем: ‘лгать, врать, говорить с ветру, на ветер; хвастать; клеветать’ [Даль 1956: 127]. В русских говорах у слов, однокоренных с *брехать*, тоже можно выискать два значения: к примеру, встречающийся в разных местах России глагол *брéшить* — это ‘лаять (о собаке); говорить

и солдатам, провинившимся слугам, шаловливым детям. Значит, обращение с кошками описывалось по примеру таких наказаний, которые тогда были обычными по отношению к нижестоящим или младшим.

² На примере этого персонажа в работе П. В. Николаевой изучаются особенности представления лжи в текстах Гоголя, см.: [Николаева 2012].

³ Ср. также: [Аникин 2015: 33–34].

⁴ О говорящих и пишущих собачках в «Записках сумасшедшего»: [Зайонц 2011а; Зайонц 2011б].

неправду, вздор; болтать; шутить' [Филин (гл. ред.) 1968: 178–179], *брéховать* — 'ругать, порочить' [Кралик 2021: 276]⁵.

В комедии А. В. Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского» (1855) Кречинский твердит Расплюеву: «Да ты смотри, не наври чего. Ты ведь, пожалуй, сдуру-то так брехнешь...» Тот в ответ: «Отчего ж брехнуть? зачем брехнуть?» (помета при этой реплике: «жалобно») [Сухово-Кобылин 1989: 49]. *Брехнуть* здесь — «наврать». Эта комедия Сухова-Кобылина с трудом проходила цензуру. Автора укоряли в использовании «тривиальной», грубой, площадной лексики, советуя ее заменить.

В романе Гайто Газданова «История одного путешествия» (1934) Николай, брат главного героя, бросает тому в ответ: «Врешь как собака, знаем мы эти гулянья» [Газданов: 214]. В диалогах из этого романа есть и такие реплики: «Ты лежал две недели, как последняя собака, потом поднялся...»; «...Пусти. А то остановлю машину, слезу и изобью, как собаку»; «— Он умеет плавать? — спросил Артур. — Как собака, — ответил Николай» [Газданов: 230, 273, 284]. Если выражение *избить, как собаку* вполне распространенное, то такие характеристики человека: *врать, лежать, плавать, как собака*, — весьма редки. Между прочим, указание, будто персонаж плавает, как собака, судя по контексту, означает вовсе не то, что он еле-еле движется, неуклюже загребая «по-собачьи», а напротив, умеет хорошо держаться на воде. Все четыре случая — из реплик Николая. Это пример продуманной автором индивидуальной речевой характеристики героя. Кстати, сам Газданов знал и любил собак.

В украинском языке праславянский глагол **brexati* (по происхождению звукоподражательный) стал, прежде всего, относиться к описанию лжи, в то время как в других славянских языках им преимущественно характеризуют разнообразные шумные звуки — кашель, чихание, стоны, пыхтение, разговор, болтовню⁶. Значит ли это, что выражение из комедии «Женитьба» следует признать украинизмом: пес *врет*, потому что *брешет*?

Устаревшее устойчивое выражение. Гоголь начал работать над сюжетом своей комедии в 1833 г. Он закончил ее только в 1841-м (а текст был напечатан в 1842 г.). Первоначально она называлась «Женихи» либо даже «Провинциальный жених», и все происходило в селе или маленьком городе (возможно, украинском). Затем Гоголь перенес действие в Петербург, и героями пьесы стали уже не деревенские помещики: все женихи —

⁵ См. также карты 1–3, приложенные к статье О. В. Видовой [Видова 1988а], а также карту в другой ее статье [Видова 1988б: 68].

⁶ См. еще: [Трубачев (ред.) 1976: 13–14; Аникин 2011: 205–206].

дворяне, невеста из купечества, сваха — должно быть, мещанка⁷. В итоге врущий пес объявился в пьесе из русской жизни, да еще и столичной.

По наблюдениям Андрея Белого (Б. Н. Бугаева), «галлицизмы, полонизмы, украинизмы можно бы собрать в мухоловки: они, как мухи, жужжат из текста» Гоголя [Белый 1934: 281]. Украинизмы Гоголя уже исследовались. При всех спорах и уточнениях следует считать установленным, что в ранних его текстах (особенно на сюжеты из «малороссийской» жизни) таких слов и выражений действительно больше, чем в поздних. При постоянных переработках своих произведений Гоголь от украинизмов избавлялся. «Так, в первоначальных редакциях “Женихов” (то есть “Женитьбы”. — В. К.) и “Ревизора” иногда проскальзывали украинизмы и, во всяком случае, формы и слова, чуждые общим нормам русского городского просторечия» [Виноградов 1936: 296].

И. Е. Мандельштам в своей книге, в главе «Малороссийский элемент в стиле Гоголя», писал: «Во многих случаях прямо сказывается, что Гоголь, думая на родном своем языке, и не старался переводить слова по-русски, оставив его в своем природном состоянии»; «Сравнивая текст произведений с русской речью, мы замечаем, что Гоголь мысленно *переводил* слова, обороты буквально, применяясь к русской речи. Нет печатных данных, чтобы можно было доказать это арифметически точно... но знакомый с малороссийским языком и в то же время чуткий к русской речи чувствует эти *мысленные переводы*» (курсив автора. — В. К.). Согласно Мандельштаму, так получалось потому, что «малороссийский язык» был «более послушное ему орудие мысли» [Мандельштам 1902: 220, 208, 222]. Однако в самом ли деле Гоголь думал по-украински — неясно. По крайней мере, его частные письма, даже юношеские, написаны по-русски.

В. К. Чапленко разделил украинизмы Гоголя на три группы: во-первых, это очевидные, сознательно употреблявшиеся выражения; во-вторых, стилизованные под украинский строй речи «украинизмы-кальки»; в-третьих, «“невольные” украинизмы, которые появились в результате скрещения двух языков — украинского и русского — в сознании Гоголя» [Чапленко 1948: 16]. Вторую группу (стилизацию под украинский речевой строй) Чапленко рассматривал только в двух аспектах: фольклорно-романтическом и в юмористическом, без разбора лексем с их семантикой. В третьей группе (где «невольные» украинизмы) он комментировал как раз лексемы — именно те из них, которые выписывал из гоголевских текстов Андрей Белый (как показано у Чапленко, тот нередко ошибался, принимая имевшиеся в украинском языке выражения за странноватые в своей корявости авторские новообразования Гоголя) [Чапленко 1948:

⁷ Об истории написания комедии см.: [Слонимский 1947; Падерина 2009: 111–132].

18–24]. Едва ли следует полагать, что здесь Гоголь применил стилизацию под украинскую речь (вторая группа украинизмов у Гоголя, согласно Чапленко). Видимо, тогда мы имеем дело с «невольным» украинизмом (третья группа)?

Возможно, что это не украинизм. Дело в том, что в «Национальном корпусе русского языка» отмечено десять примеров сочетания *пес врёт* (с допустимыми вариациями). Самый ранний по времени пример — гоголевский, из «Женитьбы», самый поздний — из рассказа Б. Л. Горбатова «Большая вода» (1939) [НКРЯ]. Цитата из романа В. Я. Шишкова «Угрюм-река» (1912–1932): «Нет, врешь, врешь, пся крев, врешь!», в которой слово *пес* находится в составе польского ругательства, к делу не относится. В романе Н. Э. Гейнце (1852–1913) «Самозванец» фраза «Ты чего же мне, пес, врал...» тоже не показательна. В двух других цитатах из романов Гейнце «Аракчеев» и «Князь Тавриды» («Зачем врать, пес врёт, как говорила моя нянюшка»; «— Не врешь? — Пес врёт, ваше благородие») — уже иначе, тут именно такой вариант, что и у Гоголя. Так же в остальных случаях: у И. С. Тургенева, Е. А. Салиаса, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Е. Зарина, Б. Л. Горбатова. Если не учитывать цитату из Гоголя, то наберется семь примеров. Все произведения, кроме рассказа «Большая вода», относятся к дореволюционному времени. Реплика *пес врёт* обычно звучит в ответ на обвинения в лживости. Характерно указание персонажа из романа Гейнце, что так говорила его нянюшка. Сочетание *пес врёт* — это выражение устойчивое: синонимичные сочетания слов (*собака врёт; пес лжет; собака лжет*) в подобных случаях не использовались. Едва ли все приведенные примеры могли возникнуть под влиянием «Женитьбы» Гоголя, он лишь первым из известных нам литераторов использовал в своем тексте эту просторечную фразу. А в наши дни в русском языке она, по-видимому, забыта (в украинском же подобные выражения иногда используются).

Выводы. Несмотря на переработку текста комедии и значительную перемену обстановки в ней, выражение *пес врёт* сохранилось. Если это не украинизм, то уж во всяком случае русское просторечное выражение, употреблявшееся в XIX и начале XX в. (да и раньше).

Возможно, Гоголь не обратил внимания, что слова, обычные для мало-российской и южнорусской глубинки, в контексте столичной русской речи звучат несколько странно. Либо же он нарочно наделил сваху Феклу Ивановну таким речением. Так или иначе, реплика свахи обнаруживает, что в аристократическо-чиновничьем Петербурге она оставалась провинциалкой. В итоге вышел типичный «гоголевизм», яркий и неожиданный.

Источники

Белый А. Мастерство Гоголя: исследование. М.; Л.: ОГИЗ, Гос. изд-во худож. лит., 1934. XIII, 322 с.

Виноградов В. В. Язык Гоголя // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования / Под ред. В. В. Гиппиуса; отв. ред. Ю. Г. Оксман. [Т.] 2. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1936. С. 286–376.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. Т. 1. 699 с.

Мандельштам И. О характере гоголевского стиля: глава из истории русского литературного языка. Гельсингфорс: Новая типография Гувуд-стадсбладет, 1902. IX, 405 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 18.02.2024).

Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1910–1914. 716 с.

Слоимский А. Л. История создания «Женитьбы» Гоголя // Русские классики и театр [Ред. Е. Кузнецов]. Л.; М.: Искусство, 1947. С. 307–334.

Тэффи Н. А. Воспоминания. Париж: Лев, [1931]. 265 с.

Фонвизин Д. И. Собр. соч.: в 2 т. Т. 1. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. XLVIII, 631 с.

Чапленко В. Українізми в мові М. Гоголя. Авґсбург: Т-во прихильників УВАН, 1948. (Slavistica: Праці Інституту слов'янознавства Української вільної академії наук / за ред. Я. Б. Рудницького. Ч. 2). 27 с.

GRAC — General Regionally Annotated Corpus of Ukrainian [Электронный ресурс]. URL: <https://uacorpora.org> (дата обращения: 18.02.2024).

Литература

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 4. М.: Институт русского языка РАН; Институт филологии СО РАН, 2011. 327 с.; Вып. 9. М.: Институт русского языка РАН; Институт филологии СО РАН, 2015. 352 с.

Білодід І. К. (ред.). Словник української мови: в 11 т. Т. 1. Київ: Наукова думка, 1970. 801 с.

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель; АСТ; Люкс, 2005. 926 с.

Василевская И. А., Коршунов В. А. Домашние животные у современных горожан (культурно-антропологические аспекты) // Сквозь границы: Культурологический альманах / Гл. ред. Н. И. Поспелова. Вып. 6. Киров, 2007. С. 111–132.

- Видова О. В.* К вопросу об изучении соотношения глагольной и субстантивной лексики в ОЛА (глаголы со значением 'говорить неправду' и их дериваты) // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1983 / Отв. ред. В. В. Иванов. М.: Наука, 1988а. С. 80–92.
- Видова О. В.* Отсубстантивные суффиксальные образования со значением 'лгуны' в русских говорах (по материалам ОЛА) // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1985–1987 / Отв. ред. В. В. Иванов. М.: Наука, 1988б. С. 64–70.
- Виноградов И. А.* Малороссия и Великороссия в сатире Н. В. Гоголя // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 3. С. 128–133.
- Виноградов И. А.* Чичиков: Смысл прозвища героя «Мертвых душ» // Русская речь. 2023. № 5. С. 93–105.
- Газданов Г.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. М.: Эллис Лак, 2009. 880 с.
- Гоголь Н. В.* Петербургские повести. М.: Наука, 1995. (Литературные памятники). 295 с.
- Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 3–4. М.; Киев: Издательство Московской патриархии, 2012а. 688 с.
- Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: в 23 т. Т. 7. Кн. 1. М.: Наука, 2012б. 804 с.
- Гура А. В.* Собака // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 93–95.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений и писем: в 35 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. СПб.: Наука, 2014. 772 с.
- Жельвис В. И.* Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 1997. 330 с.
- Жельвис В. И.* Человек и собака (восприятие собаки в разных этнокультурных традициях) // Советская этнография. 1984. № 3. С. 135–143.
- Зайонц Л.* Писал писачка, а имя ему собачка (к происхождению субтекста в «Записках сумасшедшего» Гоголя) // Пушкинские чтения в Тарту. Вып. 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: к 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт. Ч. 2. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011а. С. 357–376.
- Зайонц Л.* Родословная Меджи и Фидели, или Табакерка Поприщина // Универсалии русской литературы: Сб. ст. [Вып.] 3 / Науч. ред. А. А. Фаустов. Воронеж: Научная книга, 2011б. С. 266–281.
- Иваницкий А. И.* К вопросу разграничения поэтики и мироощущения (на примере «Женитьбы» Н. В. Гоголя) // Имагология и компаративистика. 2022. № 17. С. 192–215.
- Карякина В. Л.* Репрезентация особенностей женской речи в комедии Н. В. Гоголя «Женитьба» // Поволжский педагогический вестник. 2018. Т. 6. № 4 (21). С. 98–102.
- Кондратьева О. Н.* К истокам формирования некоторых зооморфных метафор в политической речи (на материале переписки И. Грозного с А. Курбским) // Современная политическая лингвистика: Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, окт. 2003 г. / Отв. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003. С. 81–83.

- Коршунков В. А., Ледров С. М. Промысловые животные: добыча и обработка кошачьего меха в России XIX — начала XX века // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2023. № 4 (63). С. 29–39.
- Кралик Л. Праслав. **brěgovati*? К этимологии русск. диал. *брéгать*, *брéговать*, *брéховать* и слвц. *brehovat'*, *brechovat'* // Студії з ономастики та етимології. 2019–2020 / Відп. ред. В. П. Шульгач. Київ, 2021. С. 272–279.
- Кривонос В. Ш. Собачий код в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Филологический журнал. 2006. № 1 (2). С. 112–120.
- Лобанова Т. В., Бачура О. П. Остатки собак в средневековых русских поселениях на севере Сибири // Культура русских в археологических исследованиях: археология севера Сибири: Сб. науч. ст. / Науч. ред. Л. В. Татаурова. Т. 1. Омск; Сургут: Институт археологии Севера, 2021. С. 273–278.
- Михайлова И. Б. И здесь сошлись все царства... Очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 647 с.
- Николаева П. В. Лингвистика лжи в художественном мире Н. В. Гоголя // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 1 (12). С. 31–37.
- Падерина Е. Г. Нужно ли разгадывать загадки гоголевских автографов? (Полная черновая рукопись «Женитьбы») // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования / Отв. ред. Е. Е. Дмитриева. Вып. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 111–132.
- Сухово-Кобылин А. В. Картины прошедшего. Л.: Наука, 1989. (Литературные памятники). 358 с.
- Трубачев О. Н. (ред.). Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 3. М.: Наука, 1976. 199 с.
- Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б. А. Избранные труды. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 67–161.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 3-е изд., стер. Т. 1. СПб.: Терра — Азбука, 1996. 576 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 3. Л.: Наука, 1968. 360 с.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 2-е изд., стер. Т. 1. М.: Русский язык, 1994. 623 с.
- Шанский Н. М. (ред.). Этимологический словарь русского языка. Т. 1. Вып. 3. М.: Издательство Московского университета, 1968. 283 с.
- Halperin Ch. J. «You Dog!»: Ivan IV's canine invective // Русистика Руслана Скрынникова: сб. ст. пам. проф. Р. Г. Скрынникова, в честь его 80-летия / Под ред. Д. Свака и И. О. Тюменцева. Будапешт; Волгоград: Russica Pannonicana, 2011. С. 89–108.
- Halperin Ch. J., Kleimola A. M. Beastly humans and humanly beasts in seventeenth-century Russia // Вивліоїстика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2018. Vol. 6.

- P. 46–57 [Электронный ресурс]. URL: <https://iopn.library.illinois.edu/journals/vivlioфика/article/view/546/436> (дата обращения: 2.01.2024).
- Kleimola A. Hunting for dogs in 17th-century Muscovy // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2010. Vol. 11. № 3. P. 467–488.
- Kleimola A. *Ni pes ni vyzhlets ni gonchaia sobaka*: images of dogs in Rus' // *Dubitando: Studies in history and culture in honor of Donald Ostrowski* / Ed. by B. J. Boeck, R. E. Martin, D. Rowland. Bloomington: Slavica Publishers, 2012. P. 436–438.
- Maltby M., Brisbane M. (with contributions from E. Hambleton [et al.]). *Animals and archeology in Northern Medieval Russia: zooarchaeological studies in Novgorod and its region*. Oxford; Philadelphia: Oxbow books, 2020. 362 p.
- Zinoviev A. V. Study of the medieval dogs from Novgorod, Russia (X–XIV century) // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2012. Vol. 22. № 2. P. 145–157.
-

References

- Anikin A. E. *Russkii ehtimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. Iss. 4. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute RAS; Institute of Philology SB RAS Publ., 2011. 327 p.; Iss. 9. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute RAS; Institute of Philology SB RAS Publ., 2015. 352 p.
- Bilodid I. K. (ed.). *Slovník ukraíns'koj movi: v 11 t.* [Dictionary of Ukrainian: in 11 vols]. Vol. 1. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 1970. 80 p.
- Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya: Istoriko-ehimologicheskii slovar'* [Russian phraseology: Historical and etymological dictionary]. 3rd ed., corrected and expanded. Moscow, Astrel: AST: Lyuks Publ., 2005. 926 p.
- Chernykh P. Ya. *Istoriko-ehimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Russian language]. 2nd ed., ster. Vol. 1. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1994. 623 p.
- Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 35 t.* [Complete collection of works and letters: in 35 vols.]. 2nd ed., corrected and expanded. Vol. 2. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014. 772 p.
- Filin F. P. (ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 3. Leningrad, Nauka Publ., 1968. 360 p.
- Gazdanov G. *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [Complete works: in 5 vols]. Vol. 1. Moscow, Ellis Lak Publ., 2009. 880 p.
- Gogol N. V. *Peterburgskie povesti* [Petersburg tales]. Moscow, Nauka Publ., 1995. (Literary Monuments). 295 p.
- Gogol N. V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 t.* [Complete works and letters: in 17 volumes]. Vol. 3–4. Moscow; Kyiv, Publ. House of the Moscow Patriarchate, 2012a. 688 p.

- Gogol N. V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 23 t.* [Complete works and letters: in 23 vols]. Vol. 7. Book 1. Moscow, Nauka Publ., 2012b. 804 p.
- Gura A. V. [Dog]. *Slavyanskije drevnosti: Ehtnolingvisticheskkij slovar'* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. Vol. 5. Moscow, International Relations Publ., 2012, pp. 93–95. (In Russ.)
- Halperin Ch. J. "You dog!": Ivan IV's canine invective. *Rusistika Ruslana Skrynnikova: Sb. st. pam. prof. R. G. Skrynnikova, v chest' ego 80-letiya* [Russian studies by Ruslan Skrynnikov: Collection of articles in memory of prof. R. G. Skrynnikov, in honor of his 80th birthday]. Budapest; Volgograd, Russica Pannonicana Publ., 2011, pp. 89–108. (In Eng.)
- Halperin Ch. J., Kleimola A. M. Beastly humans and humanly beasts in seventeenth-century Russia. *Вивлиоика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*, 2018, vol. 6, pp. 46–57. Available at: <https://iopn.library.illinois.edu/journals/vivlioika/article/view/546/436> (accessed 2.01.2024). (In Eng.)
- Ivanitsky A. I. [On the issue of distinguishing between poetics and worldview (using the example of the N. V. Gogol's comedy "Marriage")]. *Imagologiya i komparativistika*, 2022, no. 17, pp. 192–215. (In Russ.)
- Karyakina V. L. [Representation of women's speech features in the N. V. Gogol's comedy "Marriage"]. *Povolzhskij pedagogicheskij vestnik*, 2018, vol. 6, no. 4 (21), pp. 98–102. (In Russ.)
- Kleimola A. Hunting for dogs in 17th-century Muscovy. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2010, vol. 11, no. 3, pp. 467–488. (In Eng.)
- Kleimola A. *Ni pes ni vyzhlets ni gonchaia sobaka: images of dogs in Rus'. Dubitando: Studies in history and culture in honor of Donald Ostrowski*. Bloomington, Slavica Publishers Publ., 2012, pp. 436–438. (In Eng.)
- Kondratyeva O. N. [To the origins of the formation of some zoomorphic metaphors in political speech (based on the correspondence of I. Grozny with A. Kurbsky)]. *Sovremennaya politicheskaya lingvistika: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ekaterinburg, okt. 2003 g.* [Contemporary political linguistics: Proceedings of the international scientific conference. Ekaterinburg, Oct. 2003]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical Univ. Publ., 2003, pp. 81–83. (In Russ.)
- Korshunkov V. A., Ledrov S. M. [Fur animals: cat pelts extraction and processing in 19th and early 20th century Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: History*, 2023, no. 4 (63), pp. 29–39. (In Russ.)
- Kralik L. [Praslav. *bręgovati? K ehtimologii russk. dial. bręgat', bręgovat', brękhovat' i slvts. brehovat', brechovat']. *Studii z onomastiki ta etimologii. 2019–2020* [Research on onomastics and etymology. 2019–2020]. Kiiv, 2021, pp. 272–279. (In Russ.)
- Krivosos V. Sh. [The dog code in the novel "Taras Bulba" by N. V. Gogol]. *Filologicheskij zhurnal*, 2006, no. 1 (2), pp. 112–120. (In Russ.)
- Lobanova T. V., Bachura O. P. [Remains of dogs in the medieval Russian settlements in Northern Siberia]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: arkheologiya severa Sibiri: Sb. nauch. st.* [Russian culture in archaeological research: archeology of Northern Siberia: Collection of scientific articles]. Vol. 1. Omsk, Surgut, Publ. House of the Institute of North Archeology, 2021, pp. 273–278. (In Russ.)

- Maltby M., Brisbane M. (with contributions from E. Hambleton [et al.]). *Animals and archaeology in Northern Medieval Russia: zooarchaeological studies in Novgorod and its region*. Oxford; Philadelphia, Oxbow books Publ., 2020. 362 p.
- Mikhailova I. B. *I zdes' soshlis' vse tsarstva... Ocherki po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI v.: povsednevnyaya i prazdnichnaya kul'tura, semantika etiketa i obryadnosti* [And here all the kingdoms came together... Essays on the history of the sovereign's court in Russia in the 16th century: everyday and festive culture, semantics of etiquette and rituals]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2010. 647 p.
- Nikolaeva P. V. [Linguistics of the lie in the artistic world of N. V. Gogol]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. Humanitarian Studies, 2012, no. 1 (12), pp. 31–37. (In Russ.)
- Paderina E. G. [Is it necessary to solve the riddles of Gogol's autographs? (Complete draft manuscript of "Marriage")]. *N. V. Gogol': Materialy i issledovaniya* [N. V. Gogol: Materials and research]. Iss. 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, pp. 111–132. (In Russ.)
- Shansky N. M. (ed.). *Ehtimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Iss. 4. Moscow, Moscow State Univ. Publ., 283 p.
- Sukhovo-Kobylin A. V. *Kartiny proshedshego* [Sketches of the past]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. (Literary Monuments). 358 p.
- Trubachev O. N. (ed.). *Ehtimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund]. Iss. 3. Moscow, Nauka Publ., 1976. 199 p.
- Uspensky B. A. [Mythological aspect of the Russian expressive phraseology]. Uspensky B. A. *Izbrannye trudy* [Selected works]. 2nd ed., corrected and expanded. Vol. 2. Moscow, Yazyki Russkoi Kultury Publ., 1996, pp. 67–161. (In Russ.)
- Vasilevskaya I. A., Korshunkov V. A. [Pets of contemporary urban people (cultural and anthropological aspects)]. *Skvoz' granitsy: Kul'turologicheskii al'manakh* [Through borders: Cultural almanac]. Iss. 6. Kirov, 2007, pp. 111–132. (In Russ.)
- Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. 3rd ed., ster. Vol. 1. St. Petersburg, Terra — Azbuka Publ., 1996. 576 p.
- Vidova O. V. [On the issue of studying the relationship between verbal and substantive vocabulary in ASLA (verbs with the meaning 'to tell a lie' and their derivatives)]. *Obshcheslavyanskii lingvisticheskii atlas: Materialy i issledovaniya. 1983* [General Slavic linguistic atlas: Materials and research. 1983]. Moscow, Nauka Publ., 1988a, pp. 80–92. (In Russ.)
- Vidova O. V. [Substantive suffix formations with the meaning 'liar' in Russian dialects (based on ASLA materials)]. *Obshcheslavyanskii lingvisticheskii atlas: Materialy i issledovaniya. 1985–1987* [General Slavic linguistic atlas: Materials and research. 1985–1987]. Moscow, Nauka Publ., 1988b, pp. 64–70. (In Russ.)
- Vinogradov I. A. [Little Russia and Great Russia in the Nikolai Gogol's satire]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, vol. 26, no. 3, pp. 128–133. doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-128-133 (In Russ.)

- Vinogradov I. A. [Chichikov: The name of the main character of the “Dead Souls”]. *Russkaya rech'*, 2023, no. 5, pp. 93–105. (In Russ.)
- Zaionts L. [It was written by a scribbler and his name is a dog (to the origin of the subtext in Gogol's “Diary of a Madman”)]. *Pushkinskie chteniya v Tartu* [Pushkin Readings in Tartu]. Iss. 5: *Pushkinskaya ehpkha i russkii literaturnyi kanon: K 85-letiyu Larisy Il'inichny Vol'pert* [The Pushkin era and Russian literary canon: to the 85th anniversary of Larisa Ilyinichna Volpert]. Part 2. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus Publ., 2011a, pp. 357–376. (In Russ.)
- Zaionts L. [Pedigree of Medzhi and Fidel, or the Poprishchin's snuff box]. *Universalii russkoi literatury* [The universals of Russian literature]: Collection of articles. [Iss.] 3. Voronezh, Nauchnaya Kniga Publ, 2011b, pp. 266–281. (In Russ.)
- Zhelvis V. I. [Man and dog (perception of a dog in different ethnocultural traditions)]. *Sovetskaya ehtnografiya*, 1984, no. 3, pp. 135–143. (In Russ.)
- Zhelvis V. I. *Pole brani: skvernoslovie kak sotsial'naya problema v yazykakh i kul'turakh mira* [Swearing field: foul language as a social problem in the languages and cultures of the world]. Moscow, Lodomir Publ., 1997. 330 p.
- Zinoviev A. V. Study of the medieval dogs from Novgorod, Russia (X–XIV century). *International Journal of Osteoarchaeology*, 2012, vol. 22, no. 2, pp. 145–157. (In Eng.)

Орнитологическая метафора как средство создания зримого образа в поэтической баталистике начала XIX в.

Ксения Алексеевна Поташова, Московский государственный областной педагогический университет (Россия, Москва), ka.potashova@mgou.ru

DOI: 10.31857/S0131611724060071

АННОТАЦИЯ: Целью исследования является выявление смысловой составляющей орнитологической метафоры в словесной баталистике конца XVIII — начала XIX в. Для достижения поставленной цели в статье определяются источники художественной образности батальной поэзии, на материале «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» раскрываются поэтические механизмы создания объемного образа, обладающего высокой силой воздействия. Установлено, что орнитологическая метафора, образующая особо значимый пласт метафорики «Собрания...», функционирует как устойчивая номинация для представления оппозиции «воин — враг», как образ-замена для создания батальных картин и как образ-эмблема, наделяющая поэтический текст через визуальную символику дополнительными смыслами. В статье проводится сопоставление тенденций использования и особенностей конструирования орнитологической метафоры в былинах, исторических песнях, древнерусской воинской повести с батальной поэзией М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, поэтов-очевидцев событий Отечественной войны. В результате проведенного исследования доказано, что орнитологическая метафора

в качестве инструмента визуально ориентированного воздействия прошла путь от традиционно закреплённой семантики к индивидуальным контекстуальным смыслам, сохранив при этом свои основные, ядерные значения — создание образа воина, врага, сражения, победы. Утверждается, что словесная баталистика 1810-х гг., развивающаяся в свете смены художественных парадигм, была ориентирована на трансформацию изобразительной системы, постепенный отказ от аллегорических картин в пользу онтологически наполненного образа. В поэзии периода Отечественной войны 1812 г. выявлен процесс индивидуализации метафоры, пополнение орнитологических образов дополнительными символическими оттенками и смыслами, коррелирующими со сложившимся во время войны 1812 г. в русском обществе мировоззрением.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: баталистика, поэтика визуального образа, орнитологическая метафора, былина, воинская повесть, «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»

для цитирования: Поташова К. А. Орнитологическая метафора как средство создания зримого образа в поэтической баталистике начала XIX в. // Русская речь. 2024. № 6. С. 115–127. DOI: 10.31857/S0131611724060071.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект № МК-2134.2022.2.

The Language of Fiction

Ornithological Metaphor as a Means of Creating a Visible Image in the Poetic Battles of the Early 19th Century

Ksenia A. Potashova, Moscow Regional State Pedagogical University (Moscow, Russia),
ka.potashova@mgou.ru

ABSTRACT: The study's aim is to reveal the semantic component of the ornithological metaphor in the verbal battle poetry of the late 18th – early 19th centuries. In order to achieve the aim the article defines the sources of the artistic imagery of the battle poetry. On the material of the “The Collection of poems related to the unforgettable year 1812” we study the poetic mechanisms of creating a vivid image, which has a high impact. The article reveals that the ornithological metaphor, which forms a particularly significant stratum of “Collected...” metaphors, functions as a stable nomination for presenting the opposition “soldier – enemy”, as an image-replacement for creating battle pictures and as an image-emblem, endowing the poetic text with additional meanings through visual symbolism. The article provides a comparison of usage tendencies and peculiarities of ornithological metaphors construction in byliny, historical songs, ancient Russian war stories, with the battle poetry by Lomonosov, Derzhavin, Zhukovsky, who were the witnesses of the Great Patriotic war events. As a result of the study it is proved that ornithological metaphor as a tool of visually oriented influence has evolved from traditionally fixed semantics to individual contextual meanings, while retaining its basic, nuclear meanings – creating the image of a warrior, enemy, battle or victory. It is argued that verbal battle poetry of the 1810s, which developed in the light of a change of artistic paradigms, was oriented towards a transformation of the representational system, a gradual abandonment of allegorical pictures in favour of an ontologically filled image. In the poetry written during the Patriotic War of 1812 the author reveals the process of individualization of metaphor, enriching ornithological images with additional symbolic connotations and meanings, correlating with the worldview, which took shape in the Russian society during the War of 1812.

KEYWORDS: battalistics, poetics of the visual image, ornithological metaphor, bylina, war story, “Collected Poems Relating to the Unforgettable Year of 1812”

FOR CITATION: Potashova K. A. Ornithological Metaphor as a Means of Creating a Visible Image in the Poetic Battles of the Early 19th Century. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 6. Pp. 115–127. DOI: 10.31857/S0131611724060071.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was carried out with the financial support of the Presidential Grants Council of the Russian Federation, project No. MK-2134.2022.2.

Введение

Ведушим и неотъемлемым механизмом визуализации словесного образа является метафора, которая, по определению Цв. Тодорова, и есть средство достижения «зримости речи» [Тодоров 1999: 167]. В работе «Живая метафора» П. Рикёр, выявляя сущность метафоры, рассуждает и точно улавливает ее визуальную природу: «Представлять одну мысль при помощи другой — не значит ли это так или иначе показывать, делать зримой первую ради того, чтобы получить более живое представление о второй?» [Рикёр 1990: 437]. Построение визуально воспринимаемого текста основывается на привлечении для сравнения образов, знакомых человеческому зрению, которые выступают своего рода выражением незримой идеи. Картинность батальной поэзии достигается путем построения целых метафорических рядов, переплетенных между собой и символически выражающих основные для раскрытия военной темы номинации — воин, враг, битва, победа. Одна из наиболее употребительных метафор в словесной баталистике — это орнитологическая метафора, суть которой есть создание образа на основе сравнения с птицей.

Концептуализация образа птицы как основа орнитологической метафоры

Символическая концептуализация образа птицы в аспекте поэтической системы баталистики восходит к русской героической былине, в которой русский богатырь часто назывался «ясным соколом» («ясён сокол <...> богатырь святорусский», «Соколу будет лететь да на меженный долгий день», «Васенька скакал, аки сокол слетал» [Былины 1957: 126, 150, 159]), подвиг его сопрягался с охотой на птиц («Я подстрелю эту птицу черна ворона» [Былины 1957: 159]), вражеские силы также уподоблялись птицам («А сидит Соловей да на семи дубах, // Свищет-то он по-соловьему» [Былины 1957: 135]). Помимо народной традиции источником орнитологической метафорики является Библия, использующая образ птицы во всей его глубине и многогранности — как символ нравственной силы («А надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут — и не устанут, пойдут — и не утомятся» Ис. 40:31), свободы («Посмотрите на воронов: они не сеют, не жнут; нет у них ни хранилищ, ни житниц, и Бог питает их» Лк. 12:24), верности («Твоею ли мудростью летает ястреб и направляет крылья свои на полдень?» Иов 39:26).

Древнерусская словесность совместила в орнитологической метафоре два обозначенных выше аспекта, что как качественную особенность поэтики древнерусского повествования подчеркивает В. П. Адрианова-Перетц:

«Употребление этих образов говорит о том, что источником их была то устная традиция, то библейско-византийская литература» [Адрианова-Перетц 1947: 83]. Так, в «Задонщине» посредством орнитологической метафоры созданы яркие зримые картины самой битвы, а также предшествующих и последующих событий, связанных с ней. Образ птицы оказывается наиболее частым сравнением, применяемым по отношению к русскому воинству. Орнитологическая метафора с этим значением в древнерусском повествовании имеет ярко выраженную визуальную природу. Если в фольклорной традиции орнитологическая номинация — это знак, собирательное именование молодечества, ума, красоты, удали и других положительных качеств героя-молодца, а «выражение побед, мотив непобедимости богатыря» [Киселева, Поташова 2022б: 278] угадываются лишь подспудно, то в древнерусском повествовании в основе метафоры лежит конкретное свойство, которое обуславливает уподобление птице. Количество орнитонимов в древнерусской воинской повести расширяется, а само их значение приобретает символический характер, в качестве устойчивой метафоры утверждается параллель «воин — птица» (примечательно, что сравнения с птицей удостоивается не каждый воин, а чаще князь, ведущий свое войско, или княжеская дружина). Само же уподобление имеет ярко выраженную визуальную природу: «И тогда аки соколы борзо полѣтъша на быстрый Донь. То ти не соколи полѣтъша: по-скакивает князь великий Дмитрий Иванович с своими полки за Дон со всею силою»; «Ци буря соколи зонесет из земля Залѣския в полѣ Половецкое!»; «А уже соколи и кречати, белозерские ястреби рвахуся от златых колодиц ис камена града Москвы» [Лихачев и др. (ред.) 1999: 114, 106, 108]. Конструкции с таким уподоблением имеют более сложную, развернутую структуру. Ядром выступает глагол со значением движения, причем «уподобление человека птице встречаются в основном в сочетаниях с глаголами лететь» [Кожевникова, Петрова 2000: 23], стремительность как качество движения хищной птицы выполняет здесь функцию «признакового пространства» [Ортони 1990: 224] для рождения метафоры. Языковыми показателями уподобления в этих метафорах выступает сравнительный союз «аки», а также наречия и прилагательные, качественно характеризующие действия. Тем самым формируется цельная картина, сопряженная с метафоризацией, придающая повествованию эмоционально-экспрессивное начало, создается эффект зримости образа и ораторского звучания.

Опыт древнерусской словесности в использовании орнитологической метафоры был усвоен и продолжен батальной одой классицизма. М. В. Ломоносов в «Оде блаженные памяти Государыне Императрице

Анне Иоанновне на победу над Турками и Татарами и на взятие Хотина 1739 года» посредством орнитонима *орел* представляет русского воина («Но чтоб *орлов* сдержатъ полет, // Таких препон на свете нет» [Ломоносов 1959: 20]), полководца («Где только ветры могут дуть, // Доступят там полки *орлины*» [Ломоносов 1959: 20]) или саму Императрицу («Пред Росской так дрожит *Орлицей*, // Стесняет внутрь Хотин своих» [Ломоносов 1959: 27]). Развивая поэтическую систему батального образа, Ломоносов меняет механизм конструирования орнитологической метафоры, поэт отказывается от прежней, традиционной для народно-поэтической и древнерусской словесности, метафоры-сравнения и использует новую, качественно иную метафору — «метафору-загадку» [Падучева 2004: 170], за которой скрыт конкретный, узнаваемый из контекста исторический образ.

Значительно разнообразнее орнитологическая символика у Г. Р. Державина, сложившаяся уже под явным влиянием предстоящей смены художественной парадигмы. В числе многочисленных значений образа птицы, связанных и с райской гармонией, и земной идиллией, обращают на себя внимание сравнения с миром птиц именно в контексте военных событий. Поэт распространяет орнитологическую метафору, привносит в прежнюю констатацию самого образа характерные для той или иной птицы черты. Следствием этого распространения становится превращение скрытой метафоры в явное сравнение, поэт как бы подтверждает суть использованного орнитонима, открывает сам процесс «порождения метафорического выражения» [Падучева 2004: 171]. Орнитологическая метафора у Державина, как и у Ломоносова, требует разгадывания, но отличие ее в предельном разъяснении принципа ее создания самим поэтом, потому метафора приобретает более реалистичное звучание. В оде «Водопад», «прямо и перифрастически» [Святославский 2021: 50] рассказывая о героических деяниях графа Потемкина, Державин с зоркостью хищных птиц сравнивает его воинские качества: «Что *орлю* дерзость, гордость лунну, // У черныхъ и янтарныхъ волнь» [Державин 1864: 468, 469].

С точки зрения использования орнитологической метафоры в батлистике начала XIX в. показательна поэтическая система «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», ярко передающего эмоционально-ассоциативное восприятие «ситуации всенародной войны» [Айзикова 2013: 34]. Количество орнитологических образов и частота их употребления в «Собрании стихотворений...» значительно расширяются в сравнении с образным составом батальной оды XVIII в. и древнерусской повестью. Орел и сокол воплощают героическое русское воинство, образ лебедя связан со старцем-сказителем, прославляющим воинскую победу

(«О старец! Да услышим твой // Днесь голос *лебединый!*»; «Пой, *лебедь!*» [Айзикова (гл. ред.) 2015: 58]) и выступает своеобразной отсылкой к образу из «Слова о полку Игореве», в аллегорической форме представляющей игру Бояна на струнах.

В поэзии периода Отечественной войны 1812 г. процесс индивидуализации метафоры, пополнение орнитологических образов дополнительными символическими оттенками и смыслами становится еще более заметным. Орнитологическая метафора проходит путь от абстрактных категорий к более индивидуальным выражениям, сохранив при этом свои основные, ядерные значения — создание образа воина и врага.

Эмблематизм и символизм образа орла в русской картине мира

Уподобление русского воинства орлу традиционно для русской картины мира. С древнейших времен орел считался героической птицей, символизирующей силу и могущество, размеры и скорость закрепили за обликом орла образ небесного посланника и воина. В «Собрании стихотворений...» с образом орла связаны две значимые для батальной поэзии 1812 г. картины символического характера — парящий в небе орел и орел сражающийся. Возникшие еще в «Слове о полку Игореве», эти две картины были совмещены («Яко *соколъ* на вѣтрехъ ширяяся, хотя *птицю* въ буйствѣ одолѣти» [Лихачев и др. (ред.) 1997: 262]) и переняты поэзией нового времени в ином, не батальном (Державин: «Гуляють по цвѣтамъ вдоль рѣкъъ и вокругъ озеръ; // Надъ ними въ высотѣ ширяется *орель!*» [Державин 1865: 319]) или смежном с батальным образе (Пушкин: «Вознесся памятник. Ширяяся крылами, // Над ним сидит *орел* молодой» [Пушкин 1937: 79]) контексте. В «Собрании стихотворений...» эти картины самостоятельны и исполнены глубокой символики. Приобретая характер формульности, картины с орнитологической метафорой не предназначаются для передачи военной достоверности, их задача — передать «характер и силу переживания, носителем которого является лирический субъект» [Ермоленко 2020: 238].

Первая картина — парящий в небе орел — окрашена налетом романтической таинственности, в «Собрании...» такие сцены представлены не раз: «Тогда на месте сем парил над ним *орел*; // В час сечи роковой над старцем опустился» [Айзикова (гл. ред.) 2015: 115], «И восседит *орел* полночный на вершине. // Я слышу гласы лир» [Айзикова (гл. ред.) 2015: 121]. Неизвестным автором, вероятно представляющим воинство, написана ода, обращенная к парящему орлу: «*Орел*, вися над главою // Полков российских, ввысь парит» [Айзикова (гл. ред.) 2015: 77]. Целый

ряд стихотворений «Собрания...» упоминает русского воина или поэта-наблюдателя, видящего орла, парящего над полем сражения и символизирующего скорую победу: «Се знак: вождь славный под Москвою // Победу дивную свершит» [Айзикова (гл. ред.) 2015: 77]. Парящий орел выступает и символом уже одержанной победы русского воинства, парящего орла видят после одержанной победы, как то у Жуковского в «Певце во стане русских воинов»: «Лети ко прадедам, *орел*, // Пророком славной мести!» [Айзикова (гл. ред.) 2015: 50]. Источником появления символически наполненного образа парящего орла послужили библейские представления о Божественном присутствии, покровительстве («Я носил вас как бы на *орлиных* крыльях, и принес вас к Себе» Исх. 19:4) и изображения царственной птицы в приложении к мощи и силе Римской империи («И видел я: вот *орел* летал на крыльях своих и царствовал над землею и над всеми обитателями ее» 3Езд. 11:5). Примечательно, что преобладание в орнитологической метафорике «Собрания...» образа парящего орла имеет и фактические основания. Жуковский к «Певцу во стане русских воинов» дает помету: «Сказывают, что в самую ту минуту, когда Главнокомандующий, приехавший к армии, выходил из своей кареты, орел показался на высоте. Полководец снял перед ним шляпу; войска закричали: ура!» [Айзикова (гл. ред.) 2015: 50]. Символическая картина парящего в небе орла трактуется как Божественное покровительство русского воинства, скорая победа над неприятелем и освобождение мира от гегемона.

Не менее значимой для поэтической баталистики 1812 г. является и вторая картина — орел сражающийся. В отдельных стихотворениях батальные сцены достигают своей зримости посредством метафорического сражения орла/орлов с другой птицей / целой птичьей стаей. Искони для русской словесности не было характерным изображение кровопролитной битвы, таковых не знал ни фольклор, ни древнерусская воинская повесть, ни баталистика классицизма. Дабы не изображать гибель человека от руки человека, и в былинах, и в воинской повести, и батальной оде прибегали к созданию образа-замены, которым могла быть битва со змеем/змием, драконом, чудовищем, а в анализируемых контекстах — это битва птиц: «*Орел*, врага в когтях сжимая, раздирает, // Прияты раны им сто-кратно отмщевать» [Айзикова (гл. ред.) 2015: 402].

Номинация «*Орлы Северны*» («слетались *Орлы Северны*», «поднялись *Орлы*, *Орлы Северны*») синонимична характерным для поэзии, посвященной Отечественной войне 1812 г., образам сынов севера («восстать на Севере одинъ» [Державин 1866: 139]) или сынов полночи («сыны полуночи суровой» [Раевский 1967: 53]), связанным «с укреплением российских

рубежей, с героическими подвигами, с исторической памятью» [Киселева, Поташова, 2022а: 91–92]. Север, или полночь, в этих номинациях подчеркивает географическое расположение Российской империи (принадлежность русской земли «к странам Севера, названных “полуночью”» [Киселева, Поташова 2022а: 90] утверждается в «Повести временных лет»). Метафора «Орлы Северны» (не случайно Орлы и определение к ним графически акцентированы в «Собрании...» прописной буквой) еще более уточняет и дополняет символическую наполненность образов «сынов Севера», которые стоят на защите «сильной православной Империи» [Киселева 2012: 184]. Символическая наполненность образа орла не только связана с физической мощью и превосходством русского воина, но и воплощает его моральную высоту, «высокопарным орлом» в бою именуется благоверный князь Дмитрий Донской, именно орел «уподобляется стремлениям истинного христианина» [Адрианова-Перетц 1947: 85]. Эту же мысль проводит и поэт начала XIX в. В. М. Колосов в стихотворении «Песнь богатырям Русским». По отношению к богатырям, наделенным силой Божественного происхождения и являющимся воплощением христианских добродетелей, что ранее уже утвердилось в русской героической былине, применен целый метафорический ряд — «Соколы», «Орлы могучие» и «Герои Севера»: «Соколы, Орлы могучие: // Как снопы, враги попадали. Слава вам, Герои Севера!» [Айзикова (гл. ред.) 2015: 182]. Традиционное для древнерусской литературы сравнение с орлом, «отчетливо указывающее на русских князей и воинов» [Трофимова 2018: 27], в поэзии 1812 года приобретает характер эмблематичного изображения и наделяет поэтический текст дополнительными смыслами: «Пари ты к небесам, пари, *орел* двуглавый! // И с горней высоты к народам броса взгляд, // Перунами блеснув, вещай им с громкой славой» [Айзикова (гл. ред.) 2015: 198]. Типичной метафорой становится изображение русского воинства в образе могучего «Северного Орла», исполнившего свою миссию воина-освободителя. Отмечается и сила негибаемого русского народа, годами терпевшего лишения и вставшего на защиту своей земли наряду с могучими «Северными Орлами».

Заключение

От фольклора и древнерусской литературы, заложивших основу визуально-символической природы образа птицы, к поэзии начала XIX в. орнитологическая метафора претерпела путь развития от первичной фиксации ассоциативного сходства с птицей до эмблематичного, а позже и символически наполненного образа. Если к наиболее ранним

орнитологическим образам применимо понимание Аристотелем «хорошей метафоры» — «подмеченное сходство» (в данном случае буквальное сравнение с миром птиц), то у Ломоносова эти образы становятся более сложными структурно-семантическими единицами, приобретают характер эмблематизма, становятся совмещающими картинную образность и идейную наполненность знаками, требующими разгадывания. Сконструированное Державиным сравнение, фокусом которого является номинация птицы, приобретает не только зримый, но и картинный характер, поддается разглядыванию как цельный и законченный образ. В классицистический период батальная поэзия ориентировалась на панегирическую традицию, связанную с обращением к античным мифологическим образам, с созданием монументальных изображений боя и грандиозных эпических картин. Баталистика 1810-х гг., развивающаяся в свете смены художественных парадигм, была ориентирована на трансформацию изобразительной системы. Изменения в художественной системе батального образа связаны с постепенным отказом от эмблематики в пользу онтологически наполненного образа, с использованием метафоры в качестве приема «визуально ориентированного воздействия» [Айзикова, Воробьева 2022: 40]. Именно метафора в поэзии периода Отечественной войны 1812 г. явилась инструментом, наиболее полно отвечающим требованиям поэтического языка баталистики, нуждающегося в ясно-наглядности для постижения глубины смысла разворачивающихся событий истории.

Источники

Айзикова И. А. (гл. ред.). Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: Юбилейное издание. М.: Языки славянской культуры, 2015. 640 с.

Библия [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения: 20.01.2023).

Былины. Сборник / Подг., вступ. ст. Б. Н. Путилов. Л.: Советский писатель, 1957. 495 с.

Державин Г. Р. Сочинения: в 9 т. СПб.: Императорская Академия наук, 1864–1871. Т. 1. 1864. 812 с.; Т. 2. 1865. 736 с.; Т. 3. 1866. 784 с.

Лихачев Д. С. и др. (ред.). Библиотека литературы Древней Руси: В 20 т. СПб.: Наука, 1997–2020. Т. IV (XII век), 1997. 692 с.; Т. VI (XIV — середина XV века), 1999. 588 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 11 т. М., Л.: АН СССР, 1950–1983. Т. 8. Поэзия, ораторская проза, надписи 1732–1764 гг. М., Л.: АН СССР, 1959, 1279 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 1. Лицейские стихотворения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 531 с.

Раевский В. Ф. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1967. 254 с.

Литература

Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.-Л.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947. 188 с.

Айзикова И. А. Историко-литературное значение «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 31–41.

Айзикова И. А., Воробьева Т. Л. Восприятие изобразительного текста: проблематизация, актуализация, новые методологические подходы // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 30. С. 37–57. DOI: 10.17223/23062061/30/3.

Ермоленко С. И. «Среди военных непогод...»: 1812-й год в творческой судьбе К. Н. Батюшкова // Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории: Сборник научных статей, Екатеринбург, 13 марта 2020 года. Екатеринбург: [б. и.], 2020. С. 235–243.

Киселева И. А. Роль событий войны 1812 года в формировании имперских настроений русского общества первой трети XIX века: к вопросу о патриотизме Лермонтова // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. № 4. С. 182–187.

Киселева И. А., Поташова К. А. Истоки и образное воплощение имперского сознания М. Ю. Лермонтова // Проблемы исторической поэтики. 2022а. Т. 20. № 3. С. 87–100. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11242.

Киселева И. А., Поташова К. А. набросок Лермонтова «У России нет прошедшего...» в контексте «восточного вопроса»: к проблеме художественной историософии поэта // Научный диалог. 2022б. Т. 11. № 3. С. 265–283. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-265-283.

Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1. «Птицы». М.: Языки русской культуры, 2000. 480 с.

Ортони Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 219–235.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

Рикёр П. Живая метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 435–456.

Святославский А. В. Образы природы в русской одической поэзии XVIII — начала XIX вв.: функциональные особенности и значение для литературного процесса //

Два века русской классики. 2021. Т. 3. № 2. С. 40–61. DOI: 10.22455/2686-7494-2021-3-2-40-61.

Тодоров Цв. Теория символа. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 409 с.

Трофимова Н. В. Орел и змея в русском фольклоре и литературе XII – начала XIX вв. // Семантика народной культуры в литературе: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 15–16 марта 2018 года. М.: Московский педагогический государственный университет, 2018. С. 26–34.

References

- Adrianova-Peretc V. P. *Ocherki poeticheskogo stilya Drevnei Rusi* [Essays on the poetic style of Ancient Russia]. Moscow–Leningrad, Publ. House and 1st Print. House of the Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1947. 188 p.
- Ajzikova I. A. [Historical-literary significance of “Collection of verses related to unforgettable 1812”]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2013, no. 1, pp. 31–41. (In Russ.)
- Ajzikova I. A., Vorob'eva T. L. [Perception of pictorial text: problematization, actualization, new methodological approaches]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*, 2022, no. 30, pp. 37–57. (In Russ.)
- Ermlenko S. I. [“Among military bad weather...”: 1812 year in the creativedestiny of K. N. Batyushkov]. *Velikii podvig naroda po zashchite Otechestva: vekhi istorii: Sbornik nauchnykh statei. Ekaterinburg, 13 marta 2020 goda* [The great feat of the people to defend the Fatherland: milestones of history: Collection of scientificarticles, Yekaterinburg, March 13, 2020]. Ekaterinburg, 2020, pp. 235–243. (In Russ.)
- Kiseleva I. A. [The role of the patriotic war of 1812 in moulding the imperial moods among the russian society of the first third of the 19th century: to the question of Lermontov's patriotism]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 2012, no. 4, pp. 182–187. (In Russ.)
- Kiseleva I. A., Potashova K. A. [The origins and figurative embodiment of the Mikhail Lermontov's imperial consciousness]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2022a, vol. 20, no. 3, pp. 87–100. (In Russ.)
- Kiseleva I. A., Potashova K. A. [Lermontov's sketch “Russia has no. past...” in context of “eastern question”: to problem of poet's artistic historiosophy]. *Nauchnyi dialog*, 2022b, vol. 11, no. 3, pp. 265–283. (In Russ.)
- Kozhevnikova N. A., Petrova Z. Yu. *Materialy k slovaryu metafor i sravnenii russkoi literatury XIX–XX vv. Vyp. 1. “Ptitsy”* [Materials for the dictionary of metaphors and comparisons of Russian literature of the 19th – 20th centuries. Iss. 1: “Birds”]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 2000. 480 p.
- Ortoni E. [The role of similarity in likeness and metaphor]. *Teoriya metafory* [Metaphor theory]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 219–235. (In Russ.)

Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of vocabulary] Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2004. 608 p.

Rikyor P. [A living metaphor]. *Teoriya metafor* [Metaphor theory]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 435–456. (In Russ.)

Svyatoslavskii A. V. [Nature images in russian odic poetry of the 18th – early 19th centuries: functional role and influence on the further literary process]. *Dva veka russkoi klassiki*, 2021, vol. 3, no. 2, pp. 40–61. (In Russ.)

Todorov Cv. *Teoriya simvola* [Symbol theory]. Moscow, Dom Intellekturnoi Knigi Publ., 1999. 409 p.

Trofimova N. V. [An eagle and a serpent in russian folklore and literature of the 12th – the beginning of the 19th century]. *Semantika narodnoi kul'tury v literature: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii, Moskva, 15–16 marta 2018 goda* [Semantics of folk culture in literature: Proceed. of the International scientific and practical conference, Moscow, March 15–16, 2018]. Moscow, Moscow Pedagogical State Univ. Publ., 2018, pp. 26–34. (In Russ.)

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *М. А. Пузина*

Редакторы *О. В. Антонова, С. В. Дьяченко*

Корректор *Н. Н. Занегина*

Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,

редакция журнала «Русская речь»,

тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-82889 от 14 марта 2022 г., выдано Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

(Роскомнадзор)

Подписано к печати .

Дата выхода в свет .

Формат 60×88 ¹/₁₆. Уч.-изд. л. . Тираж экз.

Зак. /

Цена свободная

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И З Д А Т Е Л Ь:

Российская академия наук

119071, Москва, Ленинский пр-кт, д. 14

20 экземпляров распространяются бесплатно

Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва,

Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва,

Шубинский пер., д. 6, стр. 1

16+